

Архангельский центр
Русского географического общества
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации
САФУ имени М.В. Ломоносова
Архангельская региональная общественная организация
«Северное историко-родословное общество»
Архангельская областная научная ордена «Знак Почёта»
библиотека имени Н.А. Добролюбова

ПОСТИЖЕНИЕ СЕВЕРА:

К 125-ЛЕТИЮ

КСЕНИИ ПЕТРОВНЫ ГЕМП

Сборник материалов Всероссийских научных чтений, посвященных юбилею известного советского и российского ученого-альголога, почетного гражданина города Архангельска, почетного члена Русского географического общества Ксении Петровны Гемп
(Архангельск, 12 декабря 2019 года)

Архангельск
2019

УДК 94(470.11)(082)(092)Гемп К.П.
ББК 63.3(2Рос-4Арх)6-8 Гемп К.П.я431
П 63

*Печатается по решению Ученого совета
Архангельского центра Русского географического общества*

Составители: Л. Д. Попова, В. А. Любимов

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, С. И. Шубин;
кандидат филологических наук, доцент Е. Н. Егорова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

кандидат филологических наук, доцент Н. Н. Бедина,
доктор культурологии, доцент Л. Д. Попова (отв. ред.),
кандидат исторических наук, доцент В. Г. Трофименко

Статьи представлены в авторской редакции

Постижение Севера: к 125-летию Ксении Петровны Гемп: сбор-
П 63 ник материалов Всероссийских научных чтений, посвященных юбилею
известного советского и российского ученого-альголога, почетного граж-
данина города Архангельска, почетного члена Русского географического
общества Ксении Петровны Гемп : (Архангельск 12 декабря 2019 г.) :
[16+] / Арханг. центр Рус. Геогр. о-ва [и др. ; сост.: Л. Д. Попова,
В. А. Любимов]. – Архангельск : [б. и.], 2019 (Соломбал. тип.) – 152 с. :
табл., ил.

ISBN 978-5-7536-0488-0

Сборник содержит научные статьи, прочитанные в виде докладов на Россий-
ских научных чтениях, посвященных 125-летию ученого К.П. Гемп. Отражает основ-
ные темы планарного заседания и секций: «Воспоминания о К.П. Гемп», «Слово По-
морское: языковая и литературная традиция Русского Севера», «История и культура
Русского Севера».

Финансирование издания осуществлялось за счет средств, полученных от Все-
российской общественной организации «Русское географическое общество» в рамках
агентского договора № 2-1-2019 от 27 августа 2019 г.

УДК 94(470.11)(082)(092)Гемп К.П.
ББК 63.3(2Рос-4Арх)6-8 Гемп К.П.я431

ISBN978-5-7536-0488-0

© Авторский коллектив, 2019
© Попова Л.Д., составление, 2019
© Арханг. центр Всерос. общест. орган.
«Русское географическое общество», 2019
© АО «Солти», 2019

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А.В. Андреева, Г.О. Самбуров

СОТРУДНИЧЕСТВО КСЕНИИ ПЕТРОВНЫ ГЕМП С УЧЕНЫМИ АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА

Аннотация: Статья посвящена выдающейся исследовательнице Русского Севера, почетному гражданину г. Архангельска, почетному доктору Архангельской государственной медицинской академии Ксении Петровне Гемп (17[5].12.1894 – 3.02.1998), которая в сотрудничестве с архангельскими учеными стояла у истоков альгологии на Европейском Севере.

Ключевые слова: альгология, химия, АГМИ, водорослевый комбинат.

Abstract: The article is dedicated to the outstanding researcher of the Russian North, Honorary Citizen of Arkhangelsk, Honorary Doctor of the Arkhangelsk State Medical Academy Ksenia Petrovna Gemp (17 [5].12.1894 – 3.02.1998), who in collaboration with Arkhangelsk medical scientists and chemists has conducted pioneer researches in algology in the European North.

Keywords: algology, chemistry, ASMI, seaweed-processing plant

Вслед за вековым юбилеем Архангельского водорослевого комбината (АВК) приближается не менее важная дата – 125-летие со дня рождения известного представителя этой организации – советского и российского учено-альголога, почетного гражданина г. Архангельска Ксении Петровны Гемп, которая внесла значимый вклад в развитие науки Поморья, в том числе Архангельского государственного медицинского института (АГМИ) – Архангельской государственной медицинской академии (АГМА) – Северного государственного медицинского университета (СГМУ). В честь указанных юбилейных и памятных дат в музейном комплексе проведены архивные

исследования, оборудована экспозиция и организованы выставки. Изучение разных исторических источников позволило дополнить имеющиеся и обнаружить новые данные о деятельности АВК и о работе К.П. Гемп в тесном сотрудничестве с учеными АГМИ.

Биография Ксении Петровны хорошо известна исследователям. Она родилась 5 декабря (по ст. стилю) / 17 декабря (по новому стилю) 1894 года в дворянской семье Минейко в г. Санкт-Петербург. Ее родословная изучена многими историками, краеведами, журналистами, писателями в Архангельске, Архангельской области и далеко за ее пределами. Заметный вклад в изучение биографии и наследия К.П. Гемп внесли Л.Д. Попова, В.А. Волынская и другие исследователи, кто занимался этой темой на протяжении многих лет и был лично знаком с известной долгожительницей [14; 16; 19 и др.].

Сотрудники музейного комплекса СГМУ обратили внимание на интересные, но малоизвестные факты из биографии Ксении Петровны. Так, например, стало известно, что среди родственников Ксении Петровны есть представители рода Папандреу, в том числе с медицинским образованием, которые на протя-

жении многих лет являлись первыми лицами Греции. Благодаря активному содействию членов Общества изучения истории медицины Европейского Севера с Ассоциацией греческих женщин в России (г. Москва) был подготовлен фоторепортаж в Афинах по данной теме [8, с. 8, 129].

Конечно, не только греческие находки исследователей СГМУ побудили молодых ученых расширить поиск информации. Исследование о К.П. Гемп на базе музейного комплекса СГМУ приобрело особое направление, было обращено внимание на ее деятельность как альголога в тесном взаимодействии с учеными АГМИ.

Становление К.П. Гемп как альголога можно отнести к 1925 году, когда она стала научным сотрудником Института промышленных изысканий (ИПИ) – научно-производственного учреждения, открытого в 1924 году при Архангельском обществе краеведения. Ее научная деятельность началась с обследования запасов промысловых водорослей Белого моря, что являлось перспективным промышленным направлением в стране. С этого момента К.П. Гемп начала погружаться в изучение альгологии – науки о водорослях.

Всем известно, что альгология (от лат. *alga* – морская трава, водоросль и греч. λόγος – учение) – раздел биологии, изучающий водоросли. Ранее водоросли относили к растениям, поэтому альгологию рассматривали в разделе ботаники. В современном же понимании водоросли уже не таксон, а гетерогенная экологическая группа, к которой относятся представители царств протист, бактерий и растений. Первые упоминания о применении морских водорослей в разных сферах жизни человека приведены в ранней китайской литературе – древние китайцы использовали определённые сорта водорослей в качестве пищи. Древние греки и римляне также изучали полезные свойства водорослей. Научное же исследование водорослей началось в конце XVIII века.

Историю изучения водорослей и мировой практики их применения К.П. Гемп исследовала на протяжении многих лет. Она проводила фундаментальные исследования флоры и запасов промысловых водорослей не только Белого, но и других морей, что в дальнейшем реализуется в ходе поездки в Китай и многих других встреч и командировок. Ее работа имела большое практическое применение и получила высокую оценку гидростроителей при проектировании и строительстве первой в стране Кислогубской приливной электростанции [11].

Из истории изучения водорослей известно, что еще в 1915 году на севере России были организованы научные экспедиции по исследованию беломорских водорослей для изготовления йода, который был остро необходим в связи с растущими потребностями госпиталей в период Первой мировой войны. Химики, биологи, фармакологи и другие специалисты изучили и утвердили технологию получения необходимого сырья и изготовления йода, учитывая зарубежный и российский лабораторный опыт. В 1918 году по решению правительства в Архангельске был построен йодный завод, а в 1923 году в селе Летняя Золотица на берегу Белого моря было создано промыслово-кооперативное товарищество «Беломорской йодное производство». В 1924 году товариществом по-

строен Жижгинский йодный завод с пропускной способностью 60 пудов (около 1 тонны) в год [24].

Проведенные в те годы научные экспедиции оценили запасы беломорских водорослей, изучение их свойств продолжилось. Огромную роль в истории развития альгологии сыграло образованное в 1924 году Соловецкое отделение Архангельского общества краеведения, которое в 1926 году стало самостоятельным научным обществом – Соловецким обществом краеведения. Председателем избрали заместителя начальника лагерей Ф.И. Эйхманса, а начальника воспитательно-трудового отдела Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа) Н.Г.Неверова – секретарем. Высококвалифицированные узники, работавшие на Соловках, успешно проводили научные исследования. Так, например, опыты по извлечению йода из водорослей проводил известный ученый, выдающийся математик, философ, богослов, искусствовед, прозаик, инженер, лингвист, государственный мыслитель Павел Александрович Флоренский. Будучи заключенным СЛОНа, он внес огромный вклад в развитие альгологии. Начав работу на Соловецком лагерном заводе йодной промышленности в ноябре 1934 года, он несколько лет занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей, запатентовав более десяти научных открытий. Его письма, представленные в фондах Сахаровского Центра в Москве, свидетельствуют о тяжелой, но увлекательной научной работе. На исследования П.А. Флоренского опирались впоследствии многие отечественные альгологи [20].

Научная деятельность по изучению свойств водорослей на Европейском Севере России расширилась за счет взаимодействия с учеными Архангельского лесотехнического института (АЛТИ), открытого в 1929 году и АГМИ, созданного в 1932 году и ставшего самым северным в мире медицинским вузом. В первый год в мединституте были открыты кафедры общественных наук, нормальной анатомии, физики, гистологии, нормальной физиологии, биологии, микробиологии и биохимии и др., благодаря чему развивалось сотрудничество АГМИ, АЛТИ и различных НИИ. Важно отметить, что центром взаимодействия кафедр и институтов с альгологами стала кафедра общей химии АГМИ, на которой трудились многие сподвижники К.П. Гемп, нередко совмещавшие научную деятельность с работой на водорослевом комбинате [1].

Кафедра общей химии в АГМИ была создана одной из первых в институте под началом Евгении Владимировны Гороховой (1897–1977), которая уже имела опыт заведования кафедрой химии в АЛТИ. В 1927–1932 годах она была руководителем экспедиций по обследованию кирпичных глин в районах Онеги, Мехреньги, Емцы, Пинеги, Юроса и др., по обследованию Звозского гипсового месторождения и Орлецкого месторождения известняка на Северной Двине. Постоянно приглашалась на консультации крайсовнархозом. По ее предложению построен кирпичный завод в районе Уймы. Сотрудничала Е.В. Горохова и с ИПИ. Ее путь в мединституте прерывается в 1937 году, когда многие, в том числе ее муж – ректор АЛТИ В.А. Горохов, пострадали от репрессий [3].

Первыми преподавателями кафедры общей химии в АГМИ стали Н.С. Скрозникова, Е.А. Жинкина, А.И. Ведринский, внесшие значительный вклад в

становление и развитие науки не только в АГМИ, но и во всем регионе. Их имена увековечены в истории АВК начиная с 1930-х годов и до середины XX века.

В 1939–1941 годах кафедру возглавляла старший лаборант, ассистент кафедры Екатерина Андреевна Жинкина (1893–?), одновременно преподававшая аналитическую химию в Архангельском фармакологическом техникуме. Она одна из первых начала публиковать результаты исследований, проведенных на базе АВК сотрудниками кафедры. Совместно с доцентом А.И. Ведринским внесла большой вклад в развитие химической и фармакологической промышленности г. Архангельска, активно занималась изучением полезных пищевых и целебных свойств местного растительного сырья. Награждена знаком «Отличник здравоохранения», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [28].

Несомненно, все руководители кафедры общей и биорганической химии практически сотрудничали с К.П. Гемп, что подтверждают научные публикации о результатах исследований, произведенных при поддержке АВК. Особенно значимым это сотрудничество стало в годы Великой Отечественной войны [1].

В 1941 году заведование кафедрой общей химии АГМИ было возложено на доцента Александра Ивановича Ведринского (1887–1963). Как участник Первой мировой он был интернирован в 1920 году в Архангельск, где назначен инструктором в Архангельском губернском отделе народного образования. В автобиографии он всегда подчеркивал, что первоначально преподавал химию в детской трудовой колонии, организованной для беспризорников в помещениях «бывшего» Антониево-Сийского монастыря. После окончания распределительного срока он работал техническим руководителем гипсоалебастрового завода, преподавателем и заведующим отделением химии индустриального техникума. В первые годы своей жизни в Архангельске (точный год неизвестен) он знакомится с супругами Гемп, что меняет его судьбу [2].

Новый период в жизни А.И. Ведринского начинается в 1931 году, когда его назначают заведующим центральной научно-исследовательской лабораторией «Североиода» и заместителем директора Архангельского водорослевого научно-исследовательского института (АВНИИ). Под его руководством был спроектирован и построен йодный завод на острове Жижгин, а йодный завод в Архангельске переоборудован в агаровый. С 1932 года А.И. Ведринского пригласили в АГМИ, где сначала он работал по совместительству, исполнял обязанности заведующего кафедрой органической и физической химии, а с сентября 1941 по 1963 год был заведующим кафедрой общей химии. Из воспоминаний его вдовы О.К. Соколовой следует, что он практически жил на работе. Она была значительно младше А.И. Ведринского, преподавала историю и философию сначала в АЛТИ, потом в АГМИ, а после войны – в пединституте. Она прожила долгую жизнь, которая была тесно связана с кафедрой химии АГМИ и АВК, много лет дружила с К.П. Гемп. В 2010 году Ольга Константиновна передала архив А.И. Ведринского в музей истории медицины Европейского Севера.

Исследование документов продолжается. Она прожила долгую жизнь, которая была тесно связана с кафедрой химии АГМИ и АВК. Ее воспоминания о работе и жизни на острове Жижгин, а также многие уточнения по персонам стали уникальной находкой для исследователей, изучавших биографию А.И. Ведринского. В экспозиции о нем представлены редкие экспонаты, в том числе публикации, относящиеся к периоду сотрудничества с К.П. Гемп, и образцы водорослевых материалов.

Вернемся к истории ИПИ, который в 1933 году был преобразован в АВНИИ, где ученым секретарем была назначена К.П. Гемп. Краеведческое общество уже не могло материально поддерживать научные разработки института, поэтому его передали на государственное обеспечение. Заведующий кафедрой общей химии АГМИ А.И. Ведринский был назначен заместителем директора по научной части АВНИИ. В водорослевом институте под его руководством выполнены свыше пятидесяти работ по изучению состава беломорских водорослей, их комплексной химической переработке и промышленному использованию. В дальнейшем, в январе 1940 года он защитил кандидатскую диссертацию «Химический состав ламинарий Белого моря и методика их переработки» на ученую степень кандидата химических наук. Многие ценные свойства водорослей, изученные А.И. Ведринским в довоенные годы, нашли широкое применение в 1940-е годах, особенно в пищевой промышленности [10].

Перспективные научные разработки прервала начавшаяся Великая Отечественная война. В годы войны в водорослевой лаборатории во главе с Ксенией Петровной было всего три работника, которые трудились практически без зарплаты. Война не остановила работу альгологов и ученых АГМИ, а, напротив, активизировала многие направления. Сегодня трудно осознать, насколько страшная была первая военная зима для архангелогородцев. Как утверждают современные историки, изучившие рассекреченные архивы, Архангельск в 1942 году был на 2 месте по голодной смертности после блокадного Ленинграда. От постоянного недоедания и авитаминоза появилось много первичных больных, возросла смертность – как в гражданских лечебных учреждениях, так и в военных, в том числе в эвакогоспиталях. Здесь надо вспомнить о том, что Архангельск в годы войны стал научным центром медицинской базы Карельского фронта и Северного флота, т.к. АГМИ являлся самым северным медицинским вузом страны, где трудились высококвалифицированные кадры, многие отправленные на север в ссылку, а также те, кто вырос под их научным руководством.

Ученые АГМИ и АЛТИ вместе искали выход из трудного военного положения. На базе водорослевой лаборатории вместе с К.П. Гемп сотрудники АГМИ начали изучать возможности использования в пищу морских водорослей. А.И. Ведринский в соавторстве с заведующим кафедрой фармакологии АГМИ профессором Александром Петровичем Татаровым (1879–1946) опубликовали ряд статей. За небольшой период времени они определили пищевые качества водорослей и возможность приготовления из них различных блюд, разработали рецептуру приготовления. На агаровом заводе создали специальный

цех по переработке водорослей; мясокомбинат вырабатывал колбасы с их добавкой. Продукты с добавлением морских водорослей стали широко применяться в системе общественного питания Архангельска и других городов [10]. Успешная совместная работа осталась в памяти ее участников на долгие годы. А явное ухудшение здоровья северян в кризисные перестроечные годы вновь заставило вспомнить о чудесных качествах пищевых водорослевых добавок, поэтому хлеб по рецептам К.П. Гемп стали печь уже в мирное время, в том числе в столовой АГМИ-АГМА [15].

А.И. Ведринский тесно сотрудничал со многими известными отечественными химиками и другими учеными других специальностей. Вместе с коллегами он широко занимался опытами по изготовлению экстрактов витамина С из хвои, а также – повсеместным внедрением витаминных экстрактов в употребление (для рабочих на заводах и для служащих, для детей в детских садах и школах, для раненых и больных в госпиталях и т.д.), что спасло от цинги тысячи северян и жителей блокадного Ленинграда, эвакуированных и других категорий граждан.

Стратегически важными оказались и другие изобретения А.И. Ведринского. Еще в 1938 году он получил авторское свидетельство на изобретение № 53232, зарегистрированное в бюро изобретений при Госплане СССР под названием «Способ получения массы для спасательных приборов». В 1940 году по приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина он был включен в состав секретной группы ученых, выполнявшей задание по изобретению незамерзающей смазки для оружия, т.к. Советско-финская кампания показала, что для ведения боевых действий в условиях сильных морозов такое средство крайне необходимо, а его не было. Способ получения пористой массы (авторское свидетельство № 60546) зарегистрирован А.И. Ведринским в бюро изобретений Госплана при СНК СССР 30.06.1941 года. Коллеги называли это средство морозоустойчивой смазкой для орудий, пастой для чистки оптических прицелов. Изобретение было засекречено и внедрено в производство только зимой 1942 года. За это изобретение он был удостоен боевого ордена Красной Звезды (1944).

В связи с возросшими разнообразными и срочными потребностями военного времени доцент А.И. Ведринский с сотрудниками кафедры общей химии АГМИ широко изучали коллоидно-химические свойства альгиновой кислоты и ее солей, методы практического применения альгинатов, получаемых из водорослей и морской травы Белого моря. Результаты многих исследований активно внедрялись в производство. Разработанная Ведринским технология получения альгиновой кислоты и ее солей нашла широкое применение в производстве термоизоляционных материалов. Также с наступлением войны доцент А.И. Ведринский организовал выработку клея из водорослей, нерастворимых пленок «альгофан», напоминающих по своим свойствам целлофан [25].

Новые изобретения на основе водорослей активно внедрялись в связи с нехваткой эффективных медицинских препаратов, а также благодаря хорошим клиническим результатам, которые они показывали в кратчайшие сроки, о чем

можно судить по медицинским трудам северян этого периода [23]. Коллеги А.И. Ведринского разработали мазь (альгинат) из альгиновой кислоты, которая широко применялась при лечении ожогов всех степеней. Положительный эффект был отмечен в том числе в хирургической практике для лечения ожогов и обморожений, особенно в эвакогоспиталях Карельского фронта, где ведущими хирургами были профессора АГМИ Георгий Андреевич Орлов (1910–1986) и Сергей Иванович Елизаровский (1910–1995), широко известные ученые и практики на Европейском Севере России [30]. Необходимо отметить, что аналоги препаратов до сих пор применяют в хирургии в послеоперационном периоде. Впоследствии К.П. Гемп вспоминала, как некоторые коллеги-врачи обвиняли ее в знахарстве, и именно профессор Г.А. Орлов встал на ее защиту, сказав: «Она занимается тем, до чего вы еще не доспели» [17, с. 9, 255].

На протяжении всей войны и после нее известный казанский ученый, основатель кафедры педиатрии АГМИ профессор Юрий Васильевич Макаров (1894–1980) широко применял препараты из водорослей [22, 29]. В архангельской клинике детских болезней он и его коллеги с 1941 года применяли новые препараты, изготовленные из морских водорослей (альгинат и зоостерат натрия), в том числе для лечения детей с острыми желудочно-кишечными заболеваниями. Лечебный эффект этих препаратов был настолько высоким, что позволил внедрить их в лечебных учреждениях Архангельской области и за ее пределами. В клинике детских болезней были разработаны новые принципы лечения детей с истощением и рахитом. Активно работала в этом направлении будущий профессор Мария Владимировна Пиккель (1911–2008), успешно лечившая детей, особенно из блокадного Ленинграда [26].

Первый руководитель кафедры кожных и венерических болезней АГМИ, организатор Архангельского научного общества дерматовенерологов профессор Иван Зосимович Талалов (1897–?) предложил способы приготовления мазей, которые с успехом применяются и в настоящее время – в качестве мазевой основы использовался альгинат натрия [27]. Под руководством И.З. Талалова на кафедре трудился Василий Алексеевич Ведерников (1901–1972), бывший в годы Великой Отечественной войны ассистентом, доцентом кафедры, который активно экспериментировал с водорослями, изучал влияние химических факторов на течение дерматологических заболеваний [5].

В некоторых источниках встречаются ошибочные данные, что Ксения Петровна Гемп в Архангельске открыла пенициллин, изучала и изготавливала антибиотики на основе плесени, выращенной на АВК. К сожалению, это неверное утверждение было растиражировано в ряде статей. Нет ни архивных, ни каких-либо других подтверждающих документов, научных статей и каких-либо достоверных упоминаний в других источниках также не обнаружено.

Для справки по данному вопросу обратимся к истории. Всем известно, что первый антибиотик был открыт случайно Александром Флемингом, до него были безуспешные попытки в ходе исследований на рубеже XIX – XX вв. Однако Флемингу не удалось выделить достаточно стабильный экстракт, затем

последовали усовершенствования¹. В 1939 году советские ученые Н.А. Красильникови А.И. Коренько получили мицетин. В том же году в СССР на химико-фармацевтическом заводе «АКРИХИН» началось производство стрептоцида, что стало огромным прорывом для медицины в нашей стране, остро нуждающейся в прогрессивных средствах борьбы с инфекциями. Особенно важным этот факт стал для госпитальной медицины, т.к. началась Советско-финская война. Самым феноменальным и долгожданным в истории изучения антибиотиков в СССР является тот факт, что в 1942 году З.В. Ермольева с коллегами получили в первый «советский» пенициллин (впоследствии она активно участвовала в организации его промышленного производства).

В начале Великой Отечественной войны в Архангельске, как и во всей стране, не просто не хватало антибиотиков – их не было в наличии! Военные и гражданские лечебные учреждения остро нуждались в этом лекарстве. Высокая смертность была обусловлена тяжелыми инфекционными процессами в военных госпиталях и гражданских больницах. Известно, что благодаря поступлениям лекарственных средств по «ленд-лизу» из стран – союзников в годы Великой Отечественной войны ситуация незначительно, но улучшилась. К сожалению, отсутствуют какие-нибудь официальные подтверждения, но сохранились воспоминания архангельских военных медиков о том, что в 1942 году антибиотики поступали в госпитали Северного флота и эвакогоспитали Карельского фронта. Таким образом, бесспорно, благодаря антибиотикам было спасено бесчисленное количество жизней, но нет достоверного подтвержденной информации о том, что К.П. Гемп являлась их изобретателем по какой-либо квалификации.

Отдельная героическая страница в жизни К.П. Гемп – ее помощь как альголога жителям блокадного Ленинграда. Известно, что в самом начале блокады в результате массированных бомбардировок немецкой авиации 8 и 10 сентября 1941 года сгорели Бадаевские продовольственные склады². В сознании ленин-

¹В 1928 г. А. Флеминг проводил рядовой эксперимент в ходе исследования, посвященного изучению борьбы человеческого организма с бактериальными инфекциями. Вырастив колонии культуры *Staphylococcus*, он обнаружил, что некоторые из чашек для культивирования заражены обыкновенной плесенью *Penicillium*. Вокруг каждого пятна плесени Флеминг заметил область, в которой бактерий не было, из чего он сделал вывод, что плесень вырабатывает вещество, убивающее бактерии. Благодаря этой догадке он выделил молекулу, ныне известную как «пенициллин». Это и был первый современный антибиотик. В 1938 г. ученым Оксфордского университета Говарду Флори (Howard Florey, 1898–1968) и Эрнсту Чейну (Ernst Chain, 1906–1979) удалось выделить чистую форму пенициллина. В 1943 г. в связи с большими потребностями в медикаментах во время Второй мировой войны началось массовое производство этого лекарства. В 1945 г. Флемингу, Флори и Чейну за их работу была присуждена Нобелевская премия.

²Всего на Бадаевских складах в Ленинграде сгорело около 40 деревянных пакгаузов, в которых, по официально опубликованным архивным данным, находилось 3000 тонн муки и 2500 тонн сахара. После ликвидации пожара на пепелище было собрано

градцев этот пожар стал причиной начала голода 1941–1942 гг. Однако, по сведениям из официальных архивных источников, почти все запасы муки для питания населения Ленинграда хранились на мельничных комбинатах имени Ленина и имени Кирова. Общие запасы хлебного зерна и муки в Ленинграде по состоянию на 12 сентября составляли 35 суток. На Бадаевских складах было размещено лишь 3 тыс. тонн муки и 2,5 тыс. тонн сахара, чего хватило бы на полтора суток, или 4,3% от общегородских резервов (со 2 по 11 сентября Ленинград ежедневно потреблял более 2 тыс. тонн хлеба при норме выдачи в день по 600 г рабочим, 400 г служащим и по 300 г хлеба в день детям и иждивенцам). Цитируемое иногда утверждение, что запасов продовольствия на Бадаевских складах было не на полтора, а на три дня, основывается на расчетах, приведенных к цифре суточного расхода муки 1000 тонн в день, которую удерживали с 1 по 26 октября, когда паек рабочим и служащим снизился до 400 г, а детям и иждивенцам до 200 г. [31].

Судя по разным историческим источникам, в 1942–1943 годах К.П. Гемп была командирована в Ленинград для организации завода по выработке пищевых продуктов из водорослей. В воспоминаниях К.П. Гемп, представленных в книгах наших современников, можно узнать о многих трудностях, пережитых в блокаде, о том, как она ежедневно ходила от замурованной мешками с песком гостиницы «Астория» на Нарвскую заставу, где еще с довоенных времен сохранились сушеные запасы ламинарии и альфенции. Ксения Петровна часто выступала перед работниками предприятий общественного питания Ленинграда, встречалась с руководителями города [6]. Несмотря на артобстрелы, пробираясь в цех мясокомбината, чтобы руководить приготовлением из этих даров моря богатых витаминами супов, каш, котлет, киселей и даже сладостей [21].

В конце 1942 – начале 1943 года, благодаря деятельности К.П. Гемп, в блокадном Ленинграде началось приготовление хлеба не с опилками, а с беломорскими водорослями. Из воспоминаний заместителя председателя общественной организации блокадников Ленинграда Т.Р. Грачевой, работавшей санинструктором и электромонтером на хлебокомбинате: «Хлебушек с водорослями был лучший, его так и называли – полезный...»³.

К.П. Гемп внесла большой вклад в сохранение и восстановление здоровья тех, кто погибал от голода. В 1944 году К.П. Гемп награждена медалью «За оборону Ленинграда», которая до последних лет жизни была самой дорогой для нее, о чем можно узнать из многочисленных интервью, проведенных с ней в течение последующих лет.

до 1000 тонн горелой либо залитой водой муки и до 900 тонн горелого сахара, которые в дальнейшем были переработаны пищевыми предприятиями города.

³В 2018 г. Тамара Романовна Грачева (1928 г.р.) впервые побывала в Архангельске, где на встречах со студентами, сотрудниками и ветеранами СГМУ рассказала об использовании беломорских водорослей в производстве хлеба, что стало основой одного из новых исследований на базе музейного комплекса СГМУ. В настоящее время она пишет мемуары как участник войны и житель блокадного Ленинграда, что будет представлено на симпозиуме о долгожителях в СГМУ.

Водорослевый НИИ в годы Великой Отечественной войны был реорганизован в Центральную водорослевую научно-исследовательскую лабораторию, позднее переименованную в лабораторию морских водорослей Северного отделения Полярного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича. До 1974 года ее возглавляла К.П. Гемп. Первую статью о водорослях и деятельности лаборатории под названием «Богатства моря» она опубликовала в декабре 1945 года в газете «Северная вахта». В дальнейшем она опубликовала более 70 научных статей.

В 1947 году водорослевая промышленность передана в систему рыбной промышленности, что позволило заводам встать на более прочную основу и активно работать над производством новых видов продукции из водорослей. В июле 1948 года в Архангельске, впервые в СССР, был организован промышленный выпуск альгината натрия из ламинарии, а в 1949 году – технического маннита. В 1955 году в состав Архангельского агарового завода вошел Жижгинский агаровый завод (на правах цеха), а в 1961 году – все производственные и жилые постройки Соловецкого лагерного завода йодной промышленности.

Известность альголога К.П. Гемп (хотя Ксения Петровна не имела научных степеней) вышла далеко за пределы нашей страны [21]. В 1959 году она была командирована в Китай для консультирования по вопросам искусственного разведения водорослей, где получила звание почетного доктора АН КНР. В 1960-х годах она разрабатывала и применяла на практике методы подводных исследований в изучении водорослей северных морей, что позволяло получать более точные и полные данные о биологии, экологии и запасах морских водорослей [12]. Она активно занималась культивированием водорослей в Белом море, ею была создана плантация анфельции, располагавшаяся на Большом Соловецком острове. За доблестный труд К.П. Гемп награждена орденом Трудового Красного знамени.

О многих лечебных свойствах морских водорослей К.П. Гемп писала в своих работах. В ее записной книжке можно было найти множество старинных поморских рецептов. Ламинарию использовали для перевязок и остановки кровотечения, для лечения фурункулов, воспаления десен [7].

В 1964 году агаровый завод был реорганизован в Архангельский водорослевый комбинат, на который были возложены функции добычи, приемки водорослей от поставщиков (колхозов Архангельской, Мурманской областей, Карельской АССР) и производства агара, альгината натрия и маннита. В этот период активно проводились научные разработки в области добычи и переработки водорослей, освоения новых видов продукции. Производственные мощности комбината постоянно увеличивались, и в мае 1975 года было решено приступить к строительству нового водорослевого комбината в г. Архангельске, а в 1979 году комбинат был переименован в «Архангельский опытный водорослевый комбинат» (АОВК) [24].

В послевоенное время сотрудничество Водорослевого НИИ и АГМИ продолжилось за счет многих научных исследований, в том числе по инициати-

ве Василия Алексеевича Евтушенко, заведующего кафедрой общей химии АГМИ с 1963 по 1981 год. Интересна его судьба как участника Великой Отечественной войны, кандидата химических наук, доцента. В 1934 году он поступил на химико-технологический факультет АЛТИ, по окончании которого получил специальность инженера-технолога лесотехнической промышленности. С октября 1939 года он работал научным сотрудником Центральной водорослевой научно-исследовательской лаборатории института рыбного хозяйства и океанографии Архангельска. В годы войны В.А. Евтушенко направлен рядовым 33-го запасного стрелкового полка, затем переведен в 12-й отдельный олене-лыжный батальон и во второй батальон 2-го полка 233 стрелковой дивизии. В 1942 году зачислен слушателем Военной академии химической защиты им. К.Е. Ворошилова, которую окончил в звании лейтенанта. Освобождал Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию в составе 2-го Украинского полка помощником начальника штаба отдельных огнеметных противотанковых батальонов. В 1945 году после демобилизации В.А. Евтушенко вернулся в Архангельск, где продолжил работу в Архангельской водорослевой научно-исследовательской лаборатории. В 1945–1960 годах он работал по совместительству на кафедре физики в АГМИ. С 1963 по 1981 год Василий Алексеевич заведовал кафедрой общей химии АГМИ, подготовив не одно поколение врачей. Он был прекрасным и талантливым преподавателем, большое внимание уделял качеству образования студентов, проявил себя опытным научным сотрудником. Он стал автором более 30 печатных работ по использованию и переработке водорослей, учебника «Переработка морских водорослей и других промысловых водных растений». Зарегистрировал 7 авторских свидетельств на изобретения: способ получения пористой массы, аппарат для производства агар-агара, аппарат для непрерывной экстракции растений, способ получения альгиновой кислоты и маннита, аппарат для промывки альгины, драга для добычи морских водорослей, способ получения инсулина [30].

Старания и самоотдача умнейших людей своего времени, их идеи и разработки не пропали и не забылись. В настоящее время АОВК является единственным в России и странах СНГ предприятием по добыче и переработке морских водорослей. За прошедшие 100 лет на Архангельском водорослевом комбинате освоены и внедрены уникальные технологии. На заводе производится комплексная переработка морских водорослей и реализация широкого ассортимента медицинской, пищевой, парфюмерно-косметической и технической продукции из водорослей. Для пищевой промышленности производят агар-агар, дрожжи и закваски, крахмал, желатин, натуральные и химические добавки для продуктов питания и напитков, продукты питания и питательные вещества, обезвоженные и сублимированные замораживанием. Кроме того, морские водоросли издавна используют в качестве пищевых добавок и как корм для животных.

В медицине широко используется продукция комбината: фармацевтические препараты для обмена веществ, стабильной работы пищеварительной системы, похудения и очищения организма, нормализации обмена веществ и

функции щитовидной железы, урологии, дерматологии, гинекологии и акушерства, для выведения радионуклидов, профилактики дефицита йода и микронутриентов, кровоснабжения сердца и др.; химикаты для лабораторий и микробиологии; текстильные изделия для медицинского, хирургического и косметического использования. Из водорослей получают современные активные антибиотики, противопаразитарные средства, противовирусные препараты, а также обезболивающие средства. Текстильные изделия для хирургического, медицинского и косметического использования [24]. Из бурых морских водорослей производится стратегически важный в фармацевтической субстанции маннит, использующийся в процессе консервирования крови, как криопротектор при замораживании эритроцитов, а также для производства раствора маннитола, незаменимого при операциях на сердце и при отеках головного мозга.

Сегодня исследователи утверждают, что существует около трехсот видов водорослей, но промышленное значение имеют всего три – ламинария, фукус и анфельция. Они являются одним из важнейших источников витаминов, содержание которых в 100-1000 раз выше, чем в наземных растениях, и готовы прийти на помощь больным и не совсем здоровым, детям и пожилым, также как они несколько тысячелетий назад помогли китайским императорам сохранить свой народ от губельного йододефицита, а японцам в XX в. смягчить последствия атомной бомбежки. Морские водоросли – уникальное по составу сырье, содержащее в себе целый комплекс биологически активных веществ. Альгинатов, благоприятно влияющих на организм человека, нет в наземных растениях, и их до сих пор не научились создавать искусственно. В связи с высокой востребованностью продукции Архангельского водорослевого комбината не снижается интерес к исследованиям в области альгологии, в историю развития которой навсегда вписано имя долгожителя Севера Ксении Петровны Гемп. За заслуги перед Архангельском ей присвоено звание почетного гражданина города.

В честь своего 100-летия она была награждена званиями почетный доктор АГМА и почетный доктор АЛТИ. В публикациях представлены уникальные фотографии, где она запечатлена в черно-красной мантии и головном уборе. Архивные вузовские документы, которые переданы из СГМУ в Государственный архив Архангельской области (ГААО), свидетельствуют, что в 1994 году Ксения Петровна Гемп была удостоена Ученым Советом звания почетного доктора АГМА с вручением удостоверения, мантии, ценного подарка и премии. На сегодняшний день в печати сохранился единственный снимок К.П. Гемп в мантии почетного доктора АГМА, принадлежащий писателю и журналисту О.В. Голубцовой [8]. К сожалению, эта фотография широко тиражируется в разных источниках без указания авторства и с ошибочными подписями. Подтверждение того, что на этом фото К.П. Гемп запечатлена именно в мантии почетного доктора АГМА, а не другого архангельского вуза, исследователи могут найти в воспоминаниях профессора Г.С. Щурова и бывшего ректора П.И. Сидорова. Только благодаря тому, что фотография была цветной, удалось установить принадлежность мантии к медицинскому вузу – сочетание черного с красным

применяется в СГМУ и в настоящее время, тогда как в САФУ (объединенные ПГУ и АГТУ) мантии – черные с синим.

В музейном комплексе СГМУ совместно с сотрудниками Архангельского краеведческого музея была подготовлена интересная выставка в честь 100-летия АВК, которая вдохновила исследователей на дальнейшую работу. В научной библиотеке СГМУ и в научной библиотеке им. Н.А. Добролюбова в Архангельске была проведена большая работа по изучению печатных изданий. Результаты исследований на предмет вклада уважаемой К.П. Гемп в развитие медицины и здравоохранения Северного края – Архангельской области, в т.ч. АГМИ – СГМУ будут продолжены совместно с коллегами из разных организаций.

Таким образом, на базе музейного комплекса СГМУ подробно изучен большой вклад и положительный опыт сотрудничества Ксении Петровны Гемп и преподавателей АГМИ, в том числе на благо развития АВК. Исследование по истории альгологии и медицины продолжается.

Список литературы

1. *Андреева А.В.* Деятельность Архангельского государственного медицинского института в годы Великой Отечественной войны // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. ст. Архангельск, 2015. С. 8–13.
2. *Андреева А.В., Мариева А.А.* Памяти профессора-фармаколога, военного врача Александра Петровича Татарова // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы X Всерос. конф. (с междунар. участием). М., 2014. С. 19–20.
3. Архангельский государственный технический университет (1929–1999) / под ред. Т.А. Гурьева. 2-е изд., перераб. и доп. Архангельск: Изд-во АГТУ, 2001. 414 с.
4. *Варфоломеев Л.А.* О Ксении Петровне Гемп : воспоминания на правах рукописи. [Архангельск], 2004. 12 с.
5. *Ведерников В.А.* Влияние некоторых химических факторов на жизнеспособность эпидермофитонов в культурах и в патологическом материале // Вопросы экспериментальной и клинической дерматовенерологии. Архангельск, 1944. Вып. 1. С. 89–94.
6. *Волынская В.А.* Годы Великой Отечественной войны в жизни Ксении Петровны Гемп // Защитники Отечества : материалы XV регион. обществ.-науч. чтений по воен.-ист. тематике, 1 нояб. 2003 г. Архангельск, 2004. С. 182–186.
7. *Гемп К.П.* Не останавливайся на полпути – и пойдешь!: Помор.лечебник // Физкультура и спорт. 1995. № 11. С. 12–13.
8. *Голубцова О.В.* Затепли свечу: докум. повесть о К.П. Гемп. Архангельск: Лоция, 2017.
9. И дольше века длится жизнь: 103 года отметила на днях Ксения Петровна Гемп // Медик Севера. 1997. 26 дек.
10. *Иванова Т.Н., Андреева А.В., Попов М.В.* 125 лет со дня рождения Александра Ивановича Ведринского // Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2012 год. Архангельск, 2012. С. 304–311.
11. Ксения Петровна Гемп: [некролог] // Архангельск. 1998. 5 февр.
12. Морские подводные исследования. Результаты применения методов подводных исследований в изучении водорослей северных морей / сост. К.П. Гемп. М.: Наука, 1969.
13. О присвоении муниципальному бюджетному образовательному учреждению муниципального образования «Город Архангельск» «Общеобразовательная гимназия № 3»

имени Почетного гражданина города Архангельска Ксении Петровны Гемп: постановление мэрии г. Архангельска от 28 окт. 2013 г. № 761 // Официальный информационный интернет-портал муниципального образования «Город Архангельск» <http://arhcity.ru>

14. *Попова Л.Д.* Три поколения архангельской ветви рода Минейко в историко-культурном пространстве России // Труды Архангельского центра Русского географического общества. Архангельск, 2014. Вып. 2. С. 313–318.

15. Светя другим...: о Почетных докторах СГМУ // Сидоров П.И., Щуров Г.С. Медицинский образовательный и научный центр Европейского Севера России (1988-2002). Архангельск, 2002. С. 271–272.

16. Северные родословия: сб. ст. Северного ИРО / сост. и отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 2002. Вып. 1.

17. *Сидорова И.* Я приказываю себе: не сдавайся!: Ксения Петровна Гемп делится своими секретами долголетия // Правда Севера. 1994. 25 марта.

18. *Смирнова М.А.* 120 лет со дня рождения альголога Ксении Петровны Гемп // Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2014 год. Архангельск, 2014. Т. 2. С. 61–64.

19. Труды Архангельского центра русского географического общества : сб. науч. ст. Вып. 2 / [редкол.: В. А. Любимов (отв. ред.) и др.]. Архангельск: Архангельский центр Русского географического общества, 2014. 37 с. Из содерж.: Год культуры в России. Научные чтения, посвященные 120-летию со дня рождения К.П. Гемп «Русский Север: история и современность».

20. *Флоренский П.А.* Сочинения: в 4 т. Т 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков / сост. и общ.ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой. М.: Мысль, 1998. 795 с.

21. *Чаурина Р.А.* Невероятный человек: (из книги «Начальник водорослей»): К 100-летию со дня рождения Ксении Петровны Гемп // Домашняя жизнь. 2014. 15 дек. (№ 51).

22. *Чецкая Г.Б.* Архангельский период в жизни казанских врачей Макаровых (1935-1946 годы) // Великая Отечественная война в жизни советского и российского народа : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2011. С. 214–218.

23. *Чецкая Г.Б.* Научные медицинские труды северян в 1941–1945 гг. // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : материалы VII Всерос. конф. (с междунар. участием). М., 2011. С. 205–206.

24. *Чирцова М.Г.* 95 лет со дня открытия в Архангельске первого в России завода по производству йода из морских водорослей // Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2013 год. Архангельск, 2013. С. 274–281.

25. *Щуров Г.С., Сидоров П.И.* Медицинский образовательный и научный центр Европейского Севера России. Архангельск, Издательский центр СГМУ, 2002. С. 144–145.

26. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2011 год / сост. А.В. Андреева, А.А. Боговая. 2-е изд., доп. и испр. Архангельск, 2011. 211 с.

27. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2012 год / сост. А.В. Андреева. Архангельск, 2012. 280 с.

28. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2013 год / сост. А.В. Андреева, М.Г. Чирцова. Архангельск, 2013. 390 с.

29. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2014 год: в 2 т. / сост. А.В. Андреева, М.Г. Чирцова. Архангельск, 2015. 305 с.

30. Юбилейные и памятные даты медицины и здравоохранения Архангельской области на 2015 год: в 2 т. Т. 1 / сост. А.В. Андреева, М.Г. Чирцова, Г.О. Самбуров. Архангельск, 2015. 289 с.

31. *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде. Глава 3: Продовольственные ресурсы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blokada.otrok.ru/pavlov/04.htm>. Дата обращения: 10.10.2019

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОМОРЬЯ

Аннотация: В статье рассказывается о том, как создавалось второе издание книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье», с какими трудностями пришлось столкнуться составителям, издателям при подготовке рукописи, названы имена тех, кто способствовал выходу книги. В новое издание книги вошли многие этнографические наблюдения К.П. Гемп, сюда же включен «Словарь поморских речений», составленный на основе картотеки поморских слов, которую Ксения Петровна пополняла на протяжении всей жизни. Дополнительно в том включена глава «Останется в памяти нашей», предлагающая читателям биографический очерк о К.П. Гемп, библиографический список ее трудов, подборку поздравлений в связи со 100-летием со дня рождения.

Ключевые слова: издательство, книга, К.П. Гемп, Поморский университет, Российская академия наук, «Сказ о Беломорье», «Словарь поморских речений».

Annotation: In this article they say about how the second edition of the K.P. Gemp's «Tale of Belomorie» created, what difficulties drafters and publishers faced while preparing the manuscript. Here also the names of those who promoted the book issue. In the new book edition many ethnographic observations were of K.P. Gemp were included, as well as «Dictionary of Pomor utterances» based on file cabinets of Pomor words which Ksenia Petrovna replenished throughout her life. In addition, the volume included a Chapter «It will remain in our memory» offering readers a biographical sketch of K.P. Gemp, bibliography of her works, a selection of congratulations on the 100th anniversary of the birth.

The keywords: Publishing house, a book, K.P. Gemp, Pomor Universit, Russian Academy of Sciences, «Tale of Belomorie», «Dictionary of Pomor utterances».

1. К.П. Гемп

«Сказ о Беломорье – это рассказ о том, что я лично видела в этом краю – суровом, своеобразном и прекрасном, – о том, что слышала о нем в живой речи поморов. В Беломорье все – жизнь человека от начала до конца – связано с морем, живет им», – эти трогательные слова написаны К.П. Гемп в вступительной статье второго издания «Сказа о Беломорье» (ил. 1) [3, с. 10].

С детства Ксения Петровна впитывала в себя уважительность к поморскому слову. Разговоры прабабушки Марии Петровны, бабушки Екатерины Ильиничны, отца Петра Герардовича с поморами, постоянно бывавшими в их доме, поездки по деревням Поморья – все впитывала в себя маленькая Ксения. А восемь лет были *Ил.*

сделаны в тетрадке первые записи поморских разговоров. Учась в гимназии, она каждое лето ездила в беломорские деревни, собирала народные слова и записывала их употребление. Начиная с 1927 года, во время водорослевых экспедиций, продолжала записывать разговоры, песни, сказания, плачи, пословики, приговорки, посмешки, четвертушки.

Ксения Петровна Гемп «занималась этим всю жизнь до самых последних дней, оставив нам в наследство единственный в своем роде “Поморский словарь” с тысячами забытых, полузабытых русских слов, в которых звучит многовековая музыка русской речи», – вспоминал старинный друг Ксении Петровны, русский писатель Арсений Васильевич Ларионов [3, с. 628].

В 1983 году в Архангельске вышла в свет книга Ксении Петровны Гемп «Сказ о Беломорье» [4]. Тираж книги составил 10 000 экземпляров. Уже через несколько месяцев она стала библиографической редкостью. «Сказ» увидел свет благодаря настоянию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева и писателя Федора Александровича Абрамова, которые предпослали книге свои предисловия. С рукописью они ознакомились еще в 1981 году, за два года до ее издания. Вот что писал Д.С. Лихачев Ксении Петровне: «Очень мне понравились Ваши мемуары. Я написал Федору Александровичу в Верколу, что надо их издать<..> как книгу очерков о Севере. Многое зависит от названия. Что-то вроде “Беломорье досюльное”. От названия и пропуск в печать будет» [3, с. 609]. Но выбрала Ксения Петровна название «Сказ о Беломорье». Забегая вперед, хочу сказать, что в «Словарь поморских речений» второго издания «Сказа» Ксения Петровна введет слова «досюльный, досюльной – прежний, давний, до нашего времени» [3, с. 475].

Выпуском книги занималось Северо-Западное книжное издательство. Учитывая плановость в издании книг, редактору Е.Г. Аушевой пришлось сокращать рукопись, выходить на определенный планом издательства объем – не более 13 печатных листов. Все замечания по тексту Елена Григорьевна согласовывала с автором. Когда был готов оригинал-макет книги, оказалось, что объем рукописи превышает запланированный. Пришлось значительно сокращать текст. К сожалению, это коснулось разделов о Соловках, старообрядцах, протопопе Аввакуме и других. Да и «Словарь» еще не был готов у автора. В первом издании он занимает всего шесть страниц. «Однако она была рада тому, что книга издана, – вспоминает В.А. Волынская, историк-архивист, – и с восхищением принята читателем – и тем, который поднатарел в словесности и вдруг погрузился в освежающую ум и сердце средю поморскую, и тем читателем, который сразу почувствовали душу автора, его любовь к Северу, людям Севера и его истории» [3, с. 609].

Во вступительной статье «Сказа о Беломорье» Д.С. Лихачев писал: «Книг о Русском Севере не так много. Есть книги о деревянной архитектуре Севера, о северных ремеслах, о северном фольклоре, но о Севере как таковом, о мужественных и простых северных людях, никогда не испытывавших на себе гнетущей униженности крепостного права и сохранивших достоинство Человека во всей своей манере держаться, работать, уважать друг друга, общаться друг с

другом – таких книг почти нет. Поэтому я с радостью рекомендую книгу Ксении Петровны Гемп читателю» [3, с. 4].

Д.С. Лихачев постоянно созванивался с Ксенией Петровной, приглашал её на мероприятия Всесоюзного Пушкинского общества. В июне 1983 года архангельскому литературоведу Л.С. Скепнер посчастливилось присутствовать при разговоре Д.С. Лихачева с К.П. Гемп: «Дмитрий Сергеевич горячо убеждал Ксению Петровну продолжить работу над материалами, которые не вошли в книгу или вошли в нее в сокращенном виде, с тем, чтобы подготовить новое, полное издание “Сказа“» [3, с. 634]. В письме-поздравлении Ксении Петровне от 2 марта 1984 года Ксении Петровне Д.С. Лихачев спрашивал: «Что сделать, чтобы было “дополненное” переиздание Вашей книги?» [3, с. 610].

К.П. Гемп продолжила работу над книгой, включая в нее новые разделы, записи произведений народного творчества. Этому были посвящены её последние годы жизни. В 1983 году она сломала ногу и была «наглухо прикованной к своей небольшой квартирке в доме на набережной в Архангельске. Впервые за многие-многие годы у этой неукротимой женщины, каждодневно занятой работой ученого и краеведа, общественника и лектора, появилось время, когда она могла оглянуться, всмотреться в прошлое, в свою необычайно яркую и богатую жизнь», – писал Ф.А.Абрамов во вступительной статье к «Сказу о Беломорье» [3, с. 5].

Ректор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич Булатов взял на себя «труд препроводить “Сказ” Ксении Петровны в большую литературу, науку и культуру, что сделать<...> совсем нелегко» [9, с. 1]. Начиная с 1994 года Ксении Петровне помогала в работе над книгой профессор кафедры литературы Поморского университета Людмила Сергеевна Скепнер. Вот что писал в журнале «Слово» наш земляк, русский писатель Арсений Васильевич Ларионов: «...судьба полной рукописи “Сказа...” целиком зависела от замечательного человека, близкого и дорогого друга Ксении Петровны Людмилы Сергеевны Скепнер. Я знаю ее<...> как человека целеустремлённого, неистово преданного Русскому Северу. В этом они с Ксенией Петровной нашли доброе согласие и благорасположение. Иначе вряд ли бы Ксения Петровна доверила ей свою тайнозаветную рукопись “Словаря поморских речений”, которую творила всю жизнь до последнего смертного дня, наступившего в возрасте ста четырёх лет. Это были сотни отдельных карточек на каждое слово, на каждое понятие, которыми она набивала библиографические ящики» [9, с.1].

Рядом с Л.С. Скепнер был надёжный помощник – муж, Семен Яковлевич Косухин. Будучи членом Союза журналистов, действительным членом Русского географического общества, Семен Яковлевич взял на себя не только редакторскую работу, но и все организационные вопросы, связанные с подготовкой книги к печати.

В.П. Бударагин, заведующий Древлехранилищем Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге, неоднократно бывал у Ксении Петровны дома и не понаслышке знал о её обеспокоенности судьбой собранных материалов. Работать с

картотекой получалось «... эпизодически, т. к. возраст брал свое, одолевали болезни и многочисленные посетители. Поэтому отдельно хочу отметить вклад в это издание Л.С. Скепнер и С.Я. Косухкина, которым довелось обговорить с Ксенией Петровной концепцию книги, начать ее редактирование. А уж после смерти Ксении Петровны завершить подготовку книги к печати. При этом они старались максимально сохранить авторское видение в расположении материала, принципах его публикации» [2, с. 28].

В основной текст «Сказа...» вносились многочисленные вставки, поправки, уточнения. Восстанавливался первоначальный вариант книги. Была исправлена необоснованная правка стиля первого издания «Сказа о Беломорье». В книгу включены новые материалы, которые Ксения Петровна подготовила в последние годы. Параллельно велась кропотливая работа по сопоставлению картотеки с уже подготовленным в свое время текстом Словаря. Первые четыре раздела Л.С. Скепнер и С.Я. Косухкин успели подготовить совместно с Ксенией Петровной. Основные силы были направлены на изучение материалов картотеки и составление Словаря, объем которого в итоге составил более 20 печатных листов. Еще при жизни Ксения Петровна писала: «Когда сегодня перебираю свой словарь, – удивляюсь: неужели это я собрала? А ведь за этим словарем – вся моя жизнь. Начинался он в раннем детстве. Начинался с любви к Поморью, поморам, их речи, их слову» [5].

Одновременно В.Н. Булатов и С.Я. Косухкин занялись решением финансовых вопросов по изданию книги. В пределах своих возможностей Поморскому университету оказали финансовую помощь в издании книги Северное отделение Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича (директор Владимир Александрович Стасенков) и государственное унитарное предприятие «Архангельский опытный водорослевый комбинат» (директор Елена Михайловна Бокова), с которыми была связана научная деятельность К.П. Гемп. Но этих денег хватило лишь на предпечатную подготовку книги. Государственный архив Архангельской области (директор Николай Александрович Шумилов) и государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (директор Майя Владимировна Миткевич) безвозмездно предоставили университету для иллюстрирования книги значительное количество репродукций, фотографий из архивных коллекций К.П. Гемп.

25 января 1999 года Д.С. Лихачев обратился с письмом непосредственно к руководителю Института «Открытое общество» Е.Ю. Гениевой с просьбой оказать содействие Поморскому государственному университету имени М.В. Ломоносова в издании книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье». Он писал: «Крупнейший в стране альголог, К.П. Гемп внесла серьезный вклад в науку о водорослях. Но не менее важно то, что сделано Ксенией Петровной в изучение Русского Севера, его культуры, истории, этнографии, фольклора. Впервые вышедшая в 1983 г. книга “Сказ о Беломорье” была значительно сокращена<...> Сейчас университетом подготовлено полное издание “Сказа о Беломорье”, которое планировали выпустить к 105-ой годовщине К.П. Гемп»¹.

Обращался с подобной просьбой к Е.Ю. Гениевой и ректор ПГУ В.Н. Булатов. Ответа долго не было. И только 22 июля 1999 года на имя В.Н. Булатова пришло письмо, подписанное А.Я. Ливергантом, директором Издательской программы Института «Открытое общество». В письме сообщалось: «Пишу по просьбе Е.Ю. Гениевой. Ваш проект – переиздание книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье» – представляет безусловную идеологическую и культурную ценность, его горячо поддерживает академик Д.С. Лихачев, написавший к труду К.П. Гемп предисловие и письмо поддержки. И тем не менее мы вынуждены Вам в Вашей просьбе отказать. В настоящее время в рамках Издательской программы Института «Открытое общество» существует лишь конкурсная поддержка: несколько переводческих конкурсов (перевод на русский язык монографий и исследований по общественным дисциплинам; современная зарубежная художественная литература), конкурс по издательскому тренингу и электронно-издательской деятельности... Что же касается внеконкурсных грантов, то они выдаются лишь в очень редких случаях и на очень небольшие суммы»².

Что делать дальше? Где найти финансы на типографские расходы? Но надо было знать настойчивость В.Н. Булатова, его целеустремленность. Он не мог остановиться на полпути. Являясь научным редактором книги, он дает издательскому центру университета команду – готовить рукопись к изданию. Л.С. Скепнер и С.Я.Косухкин к этому времени завершили редактирование текста «Сказа о Беломорье» и передали подготовленный материал в издательство Поморского университета.

Основной текст «Словаря поморских речений», да и сам текст первого издания книги был отпечатан С.Я. Косухкиным на пишущей машинке, затем в него было внесено много рукописных правок. Для дальнейшей работы с текстом «Сказа...» требовался компьютерный набор всей книги. Эта работой была поручена начальнику отдела научных проектов и патентно-лицензионной работы управления научного планирования и развития университета Андрею Олеговичу Подоплекину.

Одновременно известным северным художником Рудольфом Сергеевичем Климовым, который в те годы уже оформил несколько книг издательства, началась работа над иллюстрациями к «Сказу...». Был выбран классический стиль – графический, отличающийся лаконичностью, четкостью и стройностью. Продуманы рисунок шрифта, общее оформление книги. В строгих классических рамках выполнены эскизы титула, форзацев, шмуцтитулов, заставок, концовок, буквиц. Обложку предлагалось изготовить в черном и серебряном цветах (ил. 2).

¹ Личный архив В.П. Базаркиной.

² Там же.

Ил. 2. Обложка 2-го издания книги Ил. 3. Титульный лист книги

С.Я. Косухкин обратился с просьбой в государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», к фотожурналистам газеты «Правда Севера» Александру Ивановичу Виладельчу и Валентину Евлампиевичу Гайкину предоставить из своих архивов фотографии, на которых изображена К.П. Гемп в разные годы жизни. Просьба была услышана. После тщательного отбора на трех книжных вкладках было размещено 32 фотографии. Кроме того, Натальей Владимировной Коноваловой, преподавателем кафедры географии и геоэкологии ПГУ, подготовлена карта побережья Белого моря с указанием деревень, сел, в которых побывала К.П. Гемп во время своих путешествий и экспедиций.

В ходе работы содержание книги было дополнено главой «Останется в памяти нашей. Вместо послесловия» [3, с. 571-635]. Вместе с С.Я. Косухкиным мы решили сделать подборку поздравлений, поступивших в адрес Ксении Петровны в связи со 100-летием со дня ее рождения, и назвали этот раздел в книге «Ее век» [3, с. 571-586]. Сюда вошли приветственное письмо ученых Института русской литературы (Пушкинский Дом), поздравления от руководителей Архангельской области, коллектива ПИНРО, Архангельского водорослевого комбината, Северного морского пароходства, областного совета ветеранов войны и труда и многих других. Широка география поздравлений – Великобритания (Е.Г. Фрезер), Карелия, Мурманская и Архангельская области, города Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Плес. Очень трогательные поздравления поступили от детской редакции Останкино (Москва), учеников 5-го класса Бобровской средней школы, 6 «Б» класса архангельской школы № 1.

Вот что писал Д.С. Лихачев в своем поздравлении: «Дорогая Ксения Петровна! Я Вас люблю. Люблю очень сильно, бесконечно, давно. Я Вас люблю за русский Север, который Вы мне подарили, за Вашу любовь к русскому северному крестьянству. Люблю просто за Вашу красоту, за красоту лица, за красоту души. Живите долго, долго. Без Вас не мыслю дня прожить. Вместе со мной любят Вас сотни и тысячи Ваших одногородцев, северных сельчан. Всегда у Ваших ног» [3, с. 578]. Мы привели в книге это приветствие в факсимильной копии, чтобы сохранить для истории не только почерк этого великого ученого, но и показать, как высоко он ценил значение деятельности замечательной северянки.

В главу «Останется в памяти нашей» вошла статья историка-архивиста В.А. Волынской «Жизнь, отданная Северу» [3, с. 587–612]. Валентина Александровна лично была знакома с Ксенией Петровной, навещала ее дома, советовалась с ней, «чтобы разрешить важные научные или нравственные, а подчас и просто свои житейские проблемы» [3, с. 612]. Поэтому рассказ о жизненном пути Ксении Петровны получился у автора интересным, теплым, наполненным чувством любви и уважения. Автор завершает статью словами-заветом К.П. Гемп: «Я бы пожелала всей России прежде всего успокоиться, прекратить распри... нужно трудиться по-настоящему, не для себя. А для Родины, как трудится помор... Я верю в Россию, очень верю, потому что Россия прежде всего доброжелательна...» [3, с. 612].

Также читателям представлен библиографический список трудов (1945–1998 гг.) К.П. Гемп, подготовленный Еленой Ивановной Тропичевой, заведующей отделом краеведческой литературы «Русский Север» Архангельской областной научной библиотеки имени А.Н. Добролюбова [3, с. 613–624]. Список содержит более 130 наименований. В нем не только книги и статьи по биологии, использованию и переработке морских водорослей, но и по истории, географии, этнографии и культуре Поморья.

После некоторых сомнений решили дополнить эту главу разделом «Слово прощания» [3, с. 625–632]. В него вошли некролог, подписанный руководителями области, слова соболезнования от коллективов ведущих предприятий и организаций, деятелей науки и культуры. Нельзя без волнения читать слова прощания от писателя Арсения Ларионова, журналистов Валентина Каркавцева и Веры Румянцевой.

Завершилась глава статьей В.Н. Булатова «О новом издании книги К.П. Гемп “Сказ о Беломорье”» [3, с. 634–635].

В 2001 году, когда в университетском издательском центре работа над рукописью книги шла к завершению, были получены рецензии от академика Российской академии наук А.М. Панченко [10, с. 23–24]; заведующего Древлехранилищем имени В.И. Малышева, заслуженного работника культуры РФ В.П. Бударagina [2, с. 28] и заведующего отделом народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктора филологических наук А.А. Горелова [6, с. 27–28].

Приведу только один фрагмент из рецензии А.М. Панченко: «Многоплановость особенно характерна для первого раздела “Сказа...”, дающего общее представление о Беломорье. Мы читаем здесь и подробное описание этой части территории Русского Севера, и исторический очерк становления особой этнической общности русского народа – поморов<...> Думаю, что особый интерес как у этнографов и фольклористов, так и у самых широких кругов читателей вызовет раздел книги, озаглавленный “Слово поморское”. Он раскрывает читателю богатую жанровую палитру фольклора Поморья – от поморских разговоров, пословок, присловок, посмешек, “четвертушек” – до высоких образцов народного словесного художественного творчества: песен, ожиданий, глубоко трагических плачей, эпических жанров – сказов и сказываний<...> Особо необходимо сказать о впервые публикуемом “Словаре поморских речений”, составляющем более половины объема книги. Он имеет право на самостоятельное издание и в то же время стал органичной частью этой книги. Он содержит около двух тысяч словарных статей» [10].

В 2004 году, в год выхода книги из печати, С.Я. Косухин опубликовал все три рецензии в журнале «Двина», тем самым дал возможность читателям самим ознакомиться с рецензиями видных ученых на книгу К.П. Гемп.

14 марта 2000 года в университет пришло письмо от племянника К.П. Гемп – Олега Алексеевича Сироткина, в котором он сообщал, что у него «как у наследника К.П. Гемп нет возражений против выпуска в свет через издательство Поморского государственного университета второго, полного, издания ее книги «Сказ о Беломорье»³.

Итак, рукопись отредактирована, рецензии получены, эскизы иллюстраций готовы. Валентина Михайловна Личутина, заместитель директора университетского издательского центра, начала техническое редактирование рукописи.

Летом 2000 года Семен Яковлевич встретился с академиком РАН Александром Михайловичем Панченко и рассказал ему о финансовых трудностях в связи с изданием «Сказа о Беломорье», предоставил ему рукопись. Ознакомившись с текстом новой книги, академик высоко оценил ее и высказался лично переговорить с президентом РАН Юрием Сергеевичем Осиповым об оказании финансовой помощи в издании «Сказа о Беломорье», но тяжелая болезнь, а затем кончина помешали осуществить задуманное. Однако А.М. Панченко, понимая, что Поморский университет не входит в структуру РАН, успел обратиться к Николаю Николаевичу Скатову, директору Института русской литературы (Пушкинский Дом), члену-корреспонденту РАН, с предложением, чтобы ИРЛИ стал одним из издателей книги и способствовал решению финансовых вопросов⁴.

³ Личный архив В.П. Базаркиной.

Одновременно ректором Поморского университета было подготовлено письмо с подобной просьбой в адрес Института русской литературы (Пушкинский Дом), с которым у Ксении Петровны были давнишние добрые связи: «В течение 1966–1977 годов Алексей Германович и Ксения Петровна Гемпы передали в Дрeвлехранилище коллекцию, которая представляла 91 рукопись XVI – начала XX века и составляла вместе с коллекцией Пушкинианы из 48 наименований самую ценную часть “Фонда Гемпов” в Пушкинском Доме» [3, с. 608].

11 октября 2001 года Н.Н. Скатов подтвердил университету своё согласие на предоставление издательского грифа «Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)»⁵. Для Поморского университета это была большая честь. И сегодня, когда читатели держат в руках второе издание «Сказа о Беломорье», на авантитуле они могут увидеть в надзаголовочных данных названия этих научных организаций.

В конце января 2003 года ректору университета позвонил генеральный директор Академиздатцентра «Наука» РАН Владимир Иванович Васильев и сообщил, что руководство Академии наук предлагает осуществить совместное издание книги К.П. Гемп.

20 июля 2004 года тираж второго издания книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье» был отпечатан. С большим волнением держали первые книги Л.С. Скепнер, С.Я. Косухкин и В.Н. Булатов.

17 декабря 2004 года исполнилось 110 лет со дня рождения К.П. Гемп [1]. Утром мы посетили ее могилу на Кузнечевском кладбище.

Приехали на юбилей Александр Николаевич Розов, старший научный сотрудник отдела «Русское народное творчество» Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук; Александр Валерьевич Кóбак, исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева.

Вечером друзья и почитатели таланта великой северянки собрались в Добролюбовке на вечер памяти Ксении Петровны Гемп и презентацию ее книги [8] (ил.4).

Профессор кафедры литературы Поморского университета Л.С. Скепнер, член Союза журналистов России С.Я. Косухкин и директор издательского центра ПГУ В.П. Базаркина признаны лауреатами премии комитета по делам культуры и искусства администрации Архангельской области за достижения в области исследования проблем культуры Русского Севера имени К.П. Гемп за 2004 год.

Решением Правления Ассоциации книгоиздателей от 19 мая 2005 года Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ректор В.Н. Булатов) награжден почетным дипломом лауреатов конкурса АСКИ «Лучшие книги 2004 года» за подготовку и издание книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье. Словарь поморский речений» – подлинной энциклопедии народной культуры.

⁴ Личный архив В.П. Базаркиной.

⁵ Там же.

Ил. 4. Л.С. Скепнер, С.Я. Косухин и В.П. Базаркина на вечере памяти К.П. Гемп и презентации ее книги «Сказ о Беломорье» в Архангельской областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова. 17 декабря 2004 г.

Издательский центр ПГУ имени Ломоносова (руководитель В.П. Базаркина) признан победителем конкурса для издателей и полиграфистов Архангельской области «Книга года – 2004» в номинации «Лучшая книга о Русском Севере» за подготовку к изданию книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье».

PS: В 2008 году, к 300-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова, вышла серия книг под названием «Ломоносовская библиотека». Издание осуществлено Советом Федерации Федерального Собрания РФ. В серии 58 томов, вышедших в 2008–2009 годах. Сюда вошли книги С. Писахова, А. Грина, Б. Пильняка, Ю. Казакова и других писателей. Тираж «Ломоносовской библиотеки» распределен по библиотекам страны, в том числе и библиотекам Архангельской области.

В этой серии есть книга К.П. Гемп «Сказ о Беломорье» [6]. Казалось бы, хорошее дело! Но когда берешь книгу в руки, невольно возникают вопросы:

1. Это 3-е издание? Почему в библиографической карточке об этом не говорится?

2. Почему в основу берут текст 1-го издания книги (1983 г.), а не 2-го издания (2004 г.), дополненного, исправленного? Ведь Ксению Петровну сокрушало, что в первом издании книга вышла из печати урезанной, с поправками.

3. Почему на обложке художник изобразил южные горы? Неужели слово «Беломорье», не напоминает Белое море? Да и церкви какие-то несеверные.

У меня ответов нет.

Список литературы

1. *Ашиток Л.* Не в похвальбу свою...О слове поморском: 17 дек. – 110 лет со дня рождения К.П. Гемп // Волна. 2004. № 48–49. 17–23 дек.
2. *Бударагин В.П.* Весь ее век // Двина. 2004. № 4 (16).

3. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / вступ. ст. Д.С. Лихачева, Ф.А. Абрамова; науч. ред. В.Н. Булатов; Подгот. С.Я. Косухкина, Л.С. Скепнер. – 2-е изд., доп. М.: Наука, Архангельск: Помор.ун-т, 2004. 637 с.
4. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье / вступ. ст. Ф. Абрамова; Предисл. Д.С. Лихачева. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. 240 с. В конце кн. Словарь: С. 233–238.
5. *Гемп К.П.* За этим словарем – вся моя жизнь // Слово. 2004. № 6. С. 3–19.
6. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. М., 2008. 224 с.
7. *Горелов А.А.* Долгожданная книга / А.А. Горелов // Двина. 2004. № 4 (16). С. 27–28.
8. *Доморощенин С.Н.* Памяти Ксении Гемп // Правда Севера. 2004. 23 дек.
9. *Ларионов А.В.* Сказ о Беломорье // Слово. 2004. № 6. С. 1–2.
10. *Панченко А.М.* Сказ Ксении Гемп: Рец. на рукопись книги К.П. Гемп «Сказ о Беломорье (изд. 2-е, испр. и доп.); Словарь поморских речений» / А.М. Панченко // Двина. 2004. № 2 (14). С. 23–24.

Л.Д. Попова

КСЕНИЯ ПЕТРОВНА ГЕМП КАК ХРАНИТЕЛЬ РЕДКОГО ЗНАНИЯ*

Аннотация: В статье исследуется личность ученого К.П. Гемп и ее деятельность с точки зрения «биографики». Подчеркивается научный интерес и практическое значение собранных ученым и переданных людям исторических знаний.

Ключевые слова: Архангельский Север, Северное отделение ГО СССР, альгология, музей, книги Древней Руси.

The article examines the K. P. Gemp personality in her scientific activities from the "biography" point of view. The scientific interest and practical value of the historical knowledge collected by the scientist and transferred to people are emphasized.

Keywords: Arkhangelsk North, Northern division of the Geographical society in USSR, Algology, Museum, Old Russia books.

Личность К.П. Гемп, почетного гражданина Архангельска, органично связана с историей и культурой северного края. Изучение творческой личности, воссоздание ее образа жизни, выявление круга ее связей и отношений, изучение результатов творческой и общественной деятельности позволяют раскрыть многогранность личности ученого. Она не училась ни в аспирантуре, ни в докторантуре, однако достигла высоких научных результатов за счет своей невероятной работоспособности и обширнейших знаний, являясь почетным доктором Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Северного государственного медицинского университета.

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области (проект № 18-411-292001 р.мк «Исследование гуманитарно-географических образов эт-

нокультурных ландшафтов Русского Севера как символического ресурса формирования имиджа северных и арктических территорий региона».

Становление ученого

Ксения Петровна родилась 17 декабря 1894 года в Санкт-Петербурге. Отец получил физико-математическое образование, затем технологическое и инженерное, дополнительно освоил электротехнику и основы кораблестроения. Стал ведущим инженером Архангельского морского порта. Мать была пианисткой. В семье кроме нее были три сестры и брат. Как вспоминала сама Ксения Петровна, все жили дружно, небогато, но весело. Она окончила Петербургские высшие женские курсы (Бестужевские), слушала лекции крупнейших ученых, оказавших влияние на ее научные интересы. Достаточно назвать специалистов: ученого-энциклопедиста Д.И. Менделеева, ученого и мыслителя, основоположника российской физиологической школы И.М. Сеченова, русского и польского языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ, историка и общественного деятеля Б.Д. Грекова, историка, этнографа А.Я. Ефименко. Уроженка Севера, А.Я. Ефименко училась у деда К.П. Гемп, а бестужевка Ксения на ее семинаре изучала «Русскую правду». По заданию Б.Д. Грекова курсистка Гемп все лето 1913 года жила на Соловках – работала в архиве монастыря.

После окончания Бестужевских курсов К.П. Гемпвернулась в Архангельск. С февраля 1918 года занималась преподаванием: давала частные уроки, преподавала в начальном училище учительского института, 5-й советской школе. С февраля 1925 года и практически до конца жизни ее научная жизнь связана с альгологической наукой.

Несмотря на тяжелые потери в 1920–1930-е годы родных, находит силы жить и работать. Она лично знала Г.Я. Седова, А. Русанова, Р.Л. Самойловича, В.И. Воронина. «У нас были связи с Горьким, его сыном Пешковым, Цветаевыми Мариной и Анастасией, А. Белым, Гумилевым, Пястом, В. Ашковским (его друг был Зубакин)». В эти годы Архангельск стал местом ссылки, и волею судьбы с некоторыми из ссыльных Ксения Петровна встречалась. Из Московского университета еще в 1910 году в Архангельск был сослан студент Махендар Гаджиев и, как говорила Ксения Петровна, «поселился у моей бабушки. К нему приезжал его брат, он работал в Матенадаране – крупнейшем хранилище рукописных книг. Мы много говорили. Интересные были люди». В 1939 году Ксения Петровна ездила в Ереван и сама работала в Матенадаране имени св. Месропа Маштоца – крупнейшего ученого-монаха, создателя армянского алфавита (405–406). В ее библиотеке имелась редкая, как она сказала, книжечка «Наш друг – Пушкин», изданная в Ереване. Гемпы подарили ее Пушкинскому Дому.

В Архангельске в 1937 году побывала Анастасия Цветаева, встречалась с Ксенией Петровной. Здесь в ссылке с 1929 года находился ее второй муж Борис Михайлович Зубакин, уехал в 1937 году. Им был сделан бюст Пушкина из глины и подарен Гемп. Зубакин, как сказала Ксения Петровна, был связан с масонами, вернее интересовался ими, за что и попал на Север. Ксения Петровна рас-

сказала, что однажды ей принесли золотой шарик с лепестками – это был магистерский знак, и когда она открыла шарик, там оказался крест из агата, а на нем символические знаки с масонскими заповедями. В Архангельске, как отмечала Гемп, тоже была масонская ложа «Екатерина четырех подпор», в нее входил архангельский историк, общественный деятель В.В. Крестинин, который поддерживал отношения с графом Воронцовым – руководителем масонской ложи в Петербурге, и, возможно, являлся руководителем ложи в Архангельске.

Жизненный путь К.П. Гемп описан многими авторами, которые использовали ее автобиографические заметки, воспоминания друзей и коллег, интервью в прессе и на телевидении. Но исходной позицией следует считать ее Дом – среда повседневного обитания и организация жизни в историко-культурном пространстве. По словам Ю.М. Лотмана: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена <...>? а “самостоянье человека” превращает его в историческую личность» [10, с. 4]. Культура Дома помогла ей не утратить стремления к науке, не потерять собственной идентичности и индивидуальности. Она оставила большое духовное наследие. «Ксения Петровна – удивительный редкий человек, человек обширных познаний, большого ума, доброго сердца. Она обладала, быть может, самым трудным талантом – любить человека» [6, с. 3].

Внешний образ ученого

Приведем некоторые воспоминания о ее внешнем облике. «В ее выцветших – когда-то, наверное, пронзительно синих – глазах было столько жизни, столько желания жить и самой радости существования, – пишет И. Золотусский, – что я поразился. Меня поразили простота, ясность и свобода ее суждений, ее память, доброжелательство и даже кокетство, которое шло ей, потому что ее лицо, бывшее когда-то лицом очень красивой женщины, не утратило своих черт» [9, с. 25]. В своей книге И. Золотусский привел и отзыв о Ксении Петровне Ф. Абрамова: «Это человек, который достоин, чтоб к ней просто ходили на поклон, паломничества совершались<...> Это человек невероятный, это живая история вообще всего Севера<...> Она – ученый-биолог, она – гидролог, она – историк<...> Да, она филолог-бестужевка. Живая бестужевка!.. Я радуюсь, что такой человек живет в Архангельске и вообще на свете» [Там же].

Воспоминание о К.П. Гемп присутствует и в небольшом очерке писательницы Ираиды Потехиной, которая побывала в Архангельске в 1984 году и, естественно, посетила Ксению Петровну. «Ксения Петровна небольшого роста, худощава. Седые волосы зачесаны назад, но возле висков несколько пушистых прядок, выбившихся из-под гребенки, серебристым ореолом обрамляют лицо. Его правильные черты лишены чрезмерности. Разве что глаза... Большие, строго всматривающиеся в человека. Аристократически прямой, изящной формы нос, небольшой рот. <...>

Все в этом человеке, с первого же взгляда, выдает личность редкостную, сильную, незаурядную. <...> Во всяком случае такой увидела я Ксению Петровну Гемп – одну из тех немногих людей, встречи с которыми запоминаются на всю жизнь и служат в ней примером» [12, с. 48].

Из этих воспоминаний вырисовывается богатый внутренний облик Ксении Петровны. Ее отличали внимание к людям, стремление оказать помощь, добрая ирония, многообразие интересов, творческая интенсивность и профессиональная глубина, уникальная память.

Сохранение и передача знаний

Ксения Петровна вела большую подвижническую общественную деятельность. В 1945 году она стала действительным членом Всесоюзного географического общества и более 20 лет исполняла обязанности ученого секретаря Архангельского отдела. С 1969 (26 апреля) по 1972 год она была председателем Северного отделения Географического общества (ГО) СССР. С 1975 года – почетный член ГО СССР.

Ксения Петровна Гемп обладала удивительным даром общения. Ее манера говорить действовала магнетически. Об этом писали М. Данилов [8], В.А. Волынская [6], П.Л. Фефилов [13, 14], воспоминания которого публикуются и в настоящем сборнике. В этом убедилась и автор данной статьи, изучавшая палеографию, эпиграфику, сфрагистику, дипломатику, метрологию, археографию, текстологию под руководством Ксении Петровны в 1983 году, что очень помогло в дальнейшей профессиональной деятельности.

Глубина впечатления при встречах с К.П. Гемп усиливалась видом рабочего кабинета, где на столе лежали поморские рукописи, карты, планы Архангельска, на полках располагалось множество книг, стояли каталожные ящички. Ксения Петровна готовила рукописи к передаче в местные музеи, а в 1960–1977-е годы она передала древнерусские рукописные книги в древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский Дом). «Рукописные книги всегда были неотъемлемой частью духовного мира, быта поморов, а именно изучение и сохранение культуры Поморья стало путеводной звездой в многотрудной и уважения достойной судьбе самой Ксении Петровны», – писал ученый-археограф Института В.П. Бударагин [4, с. 186]. Эти артефакты бесценны. Среди переданных в древлехранилище были «подлинное письмо Аввакума, мне передал его рыбак» (К.П. Гемп); документ с единственной сохранившейся подписью патриарха Никона – резолюция на прошении работников-иконописцев, участвовавших в строительстве Крестного монастыря и просившихся на сенокосные работы домой; древние лицевые сборники (о них написала О.А. Белоброва [2]), синодик Антониево-Сийского монастыря рубежа XVII–XVIII веков, певческий сборник XVI века с записью о принадлежности ее Максиму Яковлевичу Строганову [11].

Древние рукописи стали специальной темой разговора во время одной из встреч с Ксенией Петровной. «Строгановы вели торговлю с Архангельском, и поморы через Архангельск ходили по Северной Двине до Великого Устюга и Вологды, везли свои товары и увозили зерно, муку, крупу, горох», – пояснила она, говоря о певческом сборнике XVI века. На описании «Жития с чудесами Варлаама Важского» ученый остановилась специально. Важно было определить, написано оно полууставом или скорописью, какими чернилами, как «одета» рукопись.

Особенно подробно К.П. Гемп рассказала об «Архангельском Евангелии» 1092 года, изданном в 1912 году факсимильно методом трехцветной цинкографии, изобретенным С.С. Ермолаевым. Евангелие в 1876 году было приобретено Румянцевским музеем у купца Большакова, увлекавшегося историей, купившего его в свою очередь у человека, приехавшего из Архангельска, – отсюда название Евангелия. Заголовки Евангелия оформлены киноварью, то есть яркой красной краской; основной текст написан светло-коричневыми чернилами; письмо – деловой устав; практически все буквы кириллического алфавита написаны с отступлениями от классического устава; почерки нескольких писцов (трех) представляют разные писцовые школы; по своему художественному оформлению Евангелие относится к типу орнаментированных, что свидетельствует о высокой технике оформления книги.

Ксения Петровна сетовала, что никто не приступил к научному изучению этого уникального памятника древнерусской письменности. Материал о Евангелии ею был написан, отпечатан и отдан в Государственный архив Архангельской области, в краеведческий музей и Ленинскую библиотеку. Думаем, что при написании статей современными исследователями, ее труд был востребован [7]. Отрадно, что ученые отдела рукописей Российской государственной библиотеки (бывшая Ленинская библиотека) под руководством доктора филологических наук Л.П. Жуковской подготовили «Архангельское Евангелие» к публикации, оно вышло в свет в 1997 году [1]. Здесь же необходимо упомянуть, что К.П. Гемп изучала архив Соловецкого монастыря, написала и историю многих его строений. Рукопись сохранилась. Многие сведения из нее, со ссылками на К.П. Гемп, использованы С.В. Вереш при описании архитектурных сооружений Соловецкого архипелага [5].

Работая в рукописных отделах центральных библиотек, Ксения Петровна изучала древнейшие книги средневековой Руси, такие как «Остромирово Евангелие», написанное дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира в 1057 году «в дестный лист 294 страниц и столько же оборотов», которое, как она говорила, «видела в натуре». Ученый не обошла вниманием и Изборник Святослава Ярославича, созданный в 1073 году для сына Ярослава Мудрого, отметив, что «был переписан с болгарского оригинала для киевского князя Изяслава, позднее посвящение было переадресовано Святославу». Эти издания являются «свидетелями высокой культуры русского народа», а Архангельское Евангелие 1092 года и Сийское Евангелие 1339/1340 года высокой книжной культуры на Русском Севере: «книги здесь давали в приданое».

Сийское пергаменное Евангелие-апракос, обнаруженное в библиотеке Сийского монастыря и известное в литературе под именем Сийского [3], является еще и важным письменным источником, подтверждающим существование Успенского Лявленского монастыря в XIV веке. Написано оно уставом дьяками Мелентием и Прокошей в Москве при великом князе Иване Даниловиче Калите «на Двину к Святой Богородице» (то есть в Богородичный монастырь). Запись писцов о создании книги на последнем листе Евангелия представляет исторический и филологический интерес.

В библиотеке К.П. Гемп имелась книга «Жития святых», найденная в д. Патракеевка Онежского района. Книга оказалась уникальна тем, что в нее были вшиты листы 1585 года, на которых записана новая версия об убиении царевича Дмитрия. В свое время исследованием этой версии должен был заниматься Лев Николаевич Гумилев.

Многие отмечали как главное достоинство общения с К.П. Гемп – атмосферу любви к Русскому Северу и глубокое знание поморской культуры. Она обнаруживала огромную эрудицию, глубокое знание истории Архангельского края. Эти знания частично вошли в опубликованные статьи и книги, например, «Сказ о Беломорье» (1983), во 2-е издание которого включен труд всей ее жизни «Словарь поморских речений» (2004). Эта книга сохранила живое слово, переданное современным поколениям.

Ксения Петровна всегда интересовалась культурой Русского Севера, этнографией, накопила множество документальных свидетельств о промыслах, жизненном укладе и обычаях поморов. 19 марта 1985 года, порасспросив некоторых коллег о промыслах в Пинежском районе, не получив вразумительных ответов, я отправилась к энциклопедисту – Ксении Петровне. У нее был посетитель из Северного пароходства, которому она рассказывала о Г. Седове, показывала материалы о нем, говорила, что передаст их в музей Северного морского пароходства, хотя получила письмо из Москвы от самого Папанина с просьбой передать материалы по Арктике в Москву. Ожидая своей очереди, я слушала рассказ и услышала фамилию Антонов. Мысленно подумалось, а не «мой» ли это Антонов с Псковского проспекта, который имел два дома. Естественно, я поинтересовалась о нем. И вот что рассказала Ксения Петровна: «Антонов снаряжал экспедицию для поиска судна Седова. Он ходил на Новую Землю за гольцом. Имел торговые ряды в Архангельске. Вел тайно торговлю мехами с Новой Земли: меха с Новой Земли должны были поступать государству. Он продавал пыжик, гагачий пух, оленью шерсть, пимы. На Псковском проспекте построил два дома. Один каменный – для дочери, но она уехала за границу, и в нем поместился Химико-бактериологический институт. Во втором доме он жил сам».

Из пинежских промыслов Ксения Петровна особо отмечала охотничий. «Им занимались крестьяне Пинеги, Пильегор, Ванги, Соялы, Вешколы, Шотогорки». Это, по ее мнению, были основные районы заготовки дичи: рябчиков, косачей, пеструхи (деликатесная птица, как пояснила К.П. Гемп). Дичь поставлялась в Архангельск, и отсюда ее отправляли в Петербург и Москву. Ксения Петровна рассказывала: «В Петербурге в Елисейском магазине продавали эту птицу и в момент продажи было объявление: “Архангельск – Пинега”. Скупал дичь Веркольский купец Сивков (дом имел в Пинеге) и поставлял в Архангельск. Он умел сохранять птицу: выпотрошенную набивал сухой травой. Раньше набивали птицу и ельником, но от ельника птица пахнет. Затем надо причесать птицу и головку положить под крылышко и лапки сложить».

Далее Ксения Петровна отметила такой распространенный на Пинеге промысел, как плетение корзин: «Плетением корзин занимались в Карпогорах,

Шосте, Ежуге и зимой санным путем привозили в Архангельск. Корзины лычковые (за грибами), корешковые, прутяные. Корзины были разные – от самых маленьких до самых больших, корзины-чемоданы, корзины с крышками. Они имели определенные бытовые назначения».

Говорила К.П. Гемп и о холстяном ткачестве: «Холсты ткали в Усть-Поче, Печгорах. В Архангельске был магазин против Никольской церкви – продавали холсты Пинежские и Беломорские». И добавила: «Около Веркольского монастыря в деревнях делались котлы, ведерки. Пинежское масло не уступало Холмогорскому. В монастыре разводили лук, местами он рос хорошо, но лук-шарлотка не приживался. Этот сорт рос в Шенкурском районе».

Ксения Петровна владела знаниями и о хозяйственной деятельности монастырей. На заданные по этой теме вопросы, она ответила так: «В Сийском монастыре была налажена добыча соли. Велись специальные “Соляные книги”. Соль везли в Москву. Сия проложила свою дорогу на Москву через Каргополь. <...> И сельдь соленую везли на Москву. Земледелие в монастыре было немалое. Хозяйство было большое... Сийский монастырь имел тюрьму, и сажали крестьян, и пищу давали один раз в день. Самоуправство было большое у монастыря. За это монастырь наказывали. Монастырь организовал жемчужный промысел, но первенство в этом было за Соловецким монастырем. Соколиная охота: монастырь устроил соколиную охоту. Обучали птицу, чтобы ловить соколом. Зверобойный промысел. Били зверя даже на Баренцевом море. Ходили к Новой Земле и там били зверя. Вытопка сала, обработка шкуры. Салотопни были. Ловили куропаток, обрабатывали крылья и посылали на Москву. Зерно. В Устюг, Вологду за зерном ездили. Была хлебная книга, записывали – сколько зерна <...> расход. Заслуга Сийского монастыря – создали мельницу на жерновах. На Исакогорских островах строили водяную мельницу, на Ширше. Муку Сийский монастырь продавал и возил в Архангельск или Холмогоры».

В Сийском монастыре К.П. Гемп была со студентами в 1925 году. Отметила и архитектуру монастыря: «Архитектура, характерная для Севера. Стены толстые и проходы в стенах. В гостиных тоже ходы в башни. Необычайное соотношение пропорций, строгая пропорция всех частей. Арифметическое соотношение всех частей. Сейчас нарушено (был дом отдыха). Собрание икон было редкостное. Специально приезжали сюда смотреть и изучать иконы». Ксения Петровна, заметила, что ее бабушка была знатоком древнерусской иконы. «На колокольне Сийского монастыря был архив, документы и книги. Во время Дома отдыха весь архив был увезен в Ленинград».

Выступления на конференциях

В рамках деятельности Всесоюзного общества «Знание» К.П. Гемп ездила с лекциями по Архангельской области.

10 сентября 1983 года она выступала в Архангельском государственном музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (тогда еще филиал областного музея изобразительных искусств) с докладом о северных звонарях.

14 февраля 1990 года в Москве ученый приняла участие в конференции Всесоюзного общества пушкинистов, поскольку являлась почетным членом Всесоюзного общества пушкинистов.

19 мая 1993 года в Архангельском центре Русского географического общества Ксения Петровна выступила с докладом на торжественном собрании, посвященном 140-летию со дня рождения Юстина Михайловича Сибирцева.

Мне удалось также услышать от нее рассказ о северных звонарях – часть ее доклада 1983 года в музее «Малые Корелы»:

«Один звонарь соловецкий всю жизнь прожил там и выезжал только дважды в Троице-Сергиеву лавру и вроде был в Пскове, и только в эти поездки был в Архангельске. Был очень музыкальным и талантливым.

Другой прожил долго в Петербурге, зарабатывая деньги на лошадь. Его отец и дед были безлошадными, и он решил купить лошадь и ушел на заработки в Петербург. Там был извозчиком. За 20 лет только дважды был дома (Холмогорский район), и у него, но без него, родилось два сына. Деньги жена зашивала в перину. Деревня эта, где жила семья, сгорела, и сгорели жена и дети, и естественно, что сгорели и деньги. Сам он с горя ушел в Соловецкий монастырь. Работал на конюшне. Имел много колокольчиков, два валдайских. На колоколах было написано «Дар Валдая». Здесь он получил увечье и стал звонарем, принял монашество. В зимнее время, когда не было много богомольцев, ему разрешали звонить не только богослужебную музыку».

Чуть позднее (17 января 1984 года) она рассказывала о Соловецких звонах: «Мы с матерью в 1910 году были на Соловках. Она закончила консерваторию – была пианисткой. И здесь была записана система звонов колокольных.

Звонов много: ходовой, сторожевой, набатный, вечерний, утрешний, заутрешний и т. д. Звонарь должен знать, что у звона 15 голосов. Набор колоколов – [число] нечетное: 3, 5, 7, 9. Это связано с поминанием усопших – по ним звонили в 4 колокола. В страстную неделю звонят в 2 колокола – всю неделю до выноса плащаницы».

Ксения Петровна умела превосходно говорить и о живописи. Не только о работах Тыко Вылки, который дарил ей раковины, переданные Гемпами в музей Арктики; о творчестве А.А. Борисова, подарившего ей 6 этюдов: «Высокий. Подражал Шаляпину в одежде – носил шубу и шапку». Рассказывала Ксения Петровна, что неожиданно, и о работах М.К. Чюрлениса. Показала альбом 1964 года издания, который оказался у нее в 1983 году, подаренный Лауренчикасом. По ее словам, она побывала в 3 экспедициях на литовском побережье. Вспомнила о Г.Я. Седове, сказав, что на Земле Франца Иосифа он дал бухте имя Чюрлениса. Рассказала о «Жемантийских крестах», где похоронены предки Чюрлениса и о тех крестах, которые ставились на могилах. Поговорив о работах художника, заключила: «То, что зародилось в душе – мечта, в мозгу – фантазия и потом получилась сказка. А сказку художник создал кистью – красками».

Знания Ксении Петровны огромны. Мы коротко остановились в основном на тех моментах, которые еще недостаточно освещены в литературе. Литература же пополняется воспоминаниями о ней, сохраняет ее знания для следующих

поколений. С этой же целью проводятся и чтения, посвященные 125-летию со дня рождения Ксении Петровны Гемп.

Список литературы

1. Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1997.
2. Белоброва О.А. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1974. С. 327–330.
3. Богусловский Г.К. Рукописные евангелия Древлехранилища Архангельского епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск, 1904.
4. Бударагин В.П. Собрание древнерусских рукописей К.П. Гемп в древлехранилище Пушкинского Дома // Поморский летописец: Альманах. Вып. 1 / под ред. В.Н. Булатова, сост. В.А. Волынская. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 186–190.
5. Вереш С.В. Архитектурные сооружения на Соловецком архипелаге // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / под общ.ред. Д.С. Лихачева. М.: Искусство, 1980. С. 133–229.
6. Волынская В.А. Ксения Петровна Гемп // Краеведение и краеведы: материалы науч. конф., посвящ. 105-летию со дня рождения К.П. Гемп. Архангельск, 2000. С. 3–9.
7. Волынская А.В., Волынская В.А. Архангельское Евангелие 1092 года. К истории находки, хранения, публикации // Поморский летописец: Альманах. Вып. 1. / под ред. В.Н. Булатова, сост. В.А. Волынская. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. С. 10–17.
8. Данилов М. К.П. Гемп – почетный гражданин Архангельска // Следопыт Севера: Историко-краеведческий сборник. Архангельск, 1986. С. 100–116.
9. Золотусский И.П. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба. М.: Сов. Россия, 1986.
10. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. М., 1994.
11. Маркелов Г.В., Фролов С.В. Строгановские рукописи в Пушкинском Доме // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976. С. 70–71.
12. Потехина И. Соловки. М., 1988.
13. Фефилов П.Л. Рядом с дорогами реликвиями // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. статей. Архангельск, 2014. С. 336–345.
14. Фефилов П.Л. Рядом с дорогами реликвиями. Мое знакомство // Фефилов П.Л. Записки краеведа. Комсомольск-на-Амуре, 2015. С. 7–36.

С.Ю. Ключев

КСЕНИЯ ПЕТРОВНА ГЕМП – ПЕРВЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ЧЛЕН ОБЩЕСТВА «НОРД»

Аннотация: В статье рассматривается история присвоения почетного звания общества «Норд» К.П.Гемп, причины введения этого звания. Статья исследует вопросы сотрудничества К.С.Гемп и добровольного культурно-просветительного общества «Норд».

Ключевые слова: Гемп К.П., культурно-просветительное общество «Норд», Почетный член общества «Норд».

Abstract: the article deals with the issue of conferring the honorary title of the «Nord» society to K.P.Gemp and the reasons for the introduction of this title. The article explores the issues of interaction K. P. Gemp and voluntary cultural and educational society «Nord».

Keywords: Gemp K.P., cultural and educational society "Nord", Honorary member of the society "Nord".

Добровольное культурно-просветительное общество «Норд» – одна из первых некоммерческих организаций Архангельска в новейшей истории России. Образована в 1990 году с целью защиты памятников культуры Архангельской области.

В 1993 году на одном из собраний, по примеру дореволюционных общественных объединений, было предложено принять почетным членом общества «Норд» Ксению Петровну Гемп. Члены общества знали широкую деятельность Ксении Петровны по сохранению северной, поморской культуры. Подкупала и ее большая общественная работа. При этом члены общества резонно высказали мысль, что такой знаменитый человек, почетный гражданин Архангельска, ученый-биолог, историк, этнограф, большой знаток Русского Севера поднимет авторитет молодой организации, придаст вес ее делам.

Решением Правления общества «Норд» от 2 апреля 1993 г. звание почетного члена общества «Норд» присвоено К.П. Гемп за несомненные заслуги в деле изучения и пропаганды истории и культуры Поморского Севера. Объявить об этом решении взялся профессор Б.Д. Богомолов. Он донес решение общества до Ксении Петровны, рассказал об обществе, его делах и проектах. Присвоение этого звания К.П. Гемп восприняла положительно.

Ил. 1. Президиум III научно-краеведческих чтений «Слово о людях и земле Поморской». Б.Д. Богомолов, К.П. Гемп, В.И. Синуцкий

2 апреля 1993 года, проголосовав единогласно за решение о присвоении первого звания почетный член общества «Норд», мы, члены тогда молодой общественной организации, сами того не подозревая, сделали большой шаг в сторону популяризации и общества и его идей по сохранению памятников культуры.

Случай публично объявить о присвоении почетного звания Ксении Петровне представился через год – 28 апреля 1994 года на торжественном открытии III научно-краеведческих чтений «Слово людям и земле Поморской». На открытии конференции К.П. Гемп выступила с приветственным словом к участникам чтений и обращением о необходимости исследования жизни и деятельности М.В. Ломоносова. Призвала к объединению усилий Ломоносовского фонда, Поморского университета, общества «Норд» и других краеведов с целью подъема духовной жизни и сохранения культурного наследия Севера. В дар университету ею была передана ценная книга. От имени университета ее принял ректор В.Н. Булатов [1, с. 66] (ил. 1, 2).

Ил. 2. К.П. Гемп 28 апреля 1994 г.

Эта редкая книга автора Мериан М.С. «Бабочки, жуки и другие насекомые» (Лейпциг, 1976), сейчас находится в отделе редких книг Научной библиотеке имени Е.И. Овсянкина САФУ.

После выступления, в полном актовом зале Поморского университета, в присутствии большинства членов общества и друзей, поддерживающих его деятельность, было объявлено о присвоении К.П. Гемп звания «Почетный член общества «Норд» и вручен билет члена общества за № 1 (ил. 3).

О принятии в почетные члены общества «Норд» К.П. Гемп и Б.Д. Богомолова написал во вступительной статье к сборнику докладов и тезисов III научно-краеведческих чтений «Слово людям и земле Поморской» (выпуск 2)

А.В. Репневский. В этом сборнике опубликован и доклад Ксении Петровны «Плачеи» за подписью: К.П. Кемп, почетный член общества «Норд». Книга вышла летом 1995 года [2], при жизни автора. Рукопись для печати лично выбрала Ксения Петровна. Сейчас с автографом автора рукопись находится в архиве общества и оберегается как ценный экземпляр.

Постепенно появился диплом, удостоверяющий это звание, внесены изменения в уставные документы общества. Официально звание почетного члена общества «Норд» появилось в Уставе в 1997 году (п. 3.5), который гласил, что оно «присваивается за особые заслуги перед обществом, городом Архангельском, Отечеством» [1, с. 154]. В одном из пунктов Устава были прописаны права почетных членов общества.

*Ил. 3. Актный зал Поморского университета
в дни III научно-краеведческих чтений. 28 апреля 1994 г.*

На 1 ноября 2019 года в обществе «Норд» звание почетного члена общества «Норд» было присвоено пятнадцати человекам. Но первой, положившей начало этой традиции, была К.П. Гемп. Она следила за работой общества и с уважением относилась к его деятельности. Об этом говорят ее слова, которые она написала нам в напутствие: «Успехов обществу «Норд». Земля наша северная достойна самой лучшей жизни. «Норд» помогает ей» [1].

Список литературы

1. Культурно-просветительное общество «Норд». Документы и материалы. Архангельск, 2002.
2. Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1995.

ВОСПОМИНАНИЯ О К.П. ГЕМП

Е.Н. Корницкая

ВОСПОМИНАНИЯ Н.Г. БЛОХИНА О ВСТРЕЧАХ С КСЕНИЕЙ ПЕТРОВНОЙ ГЕМП

Николай Георгиевич Блохин долгие годы работал электромехаником на судах Северного морского пароходства. Всю жизнь он увлекался фотографией, киносъёмками и историей. Он был членом Архангельского отделения Русского Географического общества. В его архиве сохранились воспоминания о Ксении Петровне Гемп, а также фотографии, связанные с жизнью её и её семьи. Эти материалы послужили поводом для написания моей книги «Сказы недосказанные» о Ксении Петровне Гемп. Вот часть этих воспоминаний.

К.П. Гемп в музее.

Фото Н.Г. Блохина. 1984 г.

С Ксенией Петровной Гемп я познакомился в начале восьмидесятых. В 1982 году руководство Архангельского морского торгового порта предложило мне подготовить фотовыставку к 400-летию порта. Соответствующей должности в штатном расписании порта не было. Учитывая мою специальность и большой стаж работы электромехаником, мне предложили оформиться машинистом котельной. При этом в основном я должен был заниматься фотографией, собирать материалы в архивах и музеях, но в мои обязанности входило также вести контроль за электромонтажом новой котельной на Экономии, являясь туда не каждый день, а по вызову и при необходимости. Я согласился, история порта меня интересовала. С 12 декабря 1982 года я начал работать в порту. Мне выдали отношения и разрешения на фотографирование в пределах порта, на работу в областном архиве, партархиве и фондах музея. Работал с увлечением. < ... > По запросу в Академию наук прислали флаг (фотокопию) и копию грамоты Ивана Грозного о строительстве города. С этим документом я пришел к Ксении Петровне Гемп, она тогда жила еще на старой квартире с подселением. Она проявила интерес и сделала перевод с древнерусского. Я снял копии, дал ей и отдал в порт. А. Мелкий распространил их, что не следовало бы делать преждевременно. Ксения Петровна говорила, что датой образования города следует считать не 1584, а 1583 год. По ее мнению, эта ошибка пошла с середины XVIII века, когда купец Титов издал Двинскую летопись.

Бывал у Ксении Петровны частенько. Мне хотелось делиться с ней свои-

ми находками, при этом чувствовал и ее интерес ко всему, что связано не толь-

ко с историей, но и с будущим порта. В то время на Экономии возводился контейнерный терминал, и об этом нередко показывали сюжеты по телевидению. Зная, что я часто бываю на Экономии, она сказала, что этот перегрузочный район строил во время 1-й мировой войны ее отец Петр Герардович Минейко и добавила: «Вместе с Наливайко». Я чувствовал, что тема, которой я занимался, была ей близка. Ксения Петровна дала мне для пересъемки старинную карту города, где были отмечены причалы и пристани.

*К.П. Гемп дома за работой.
Фото Н.Г. Блохина. 1991 г.*

Ксения Петровна была прекрасным рассказчиком. Слушать ее было одно удовольствие, так как исключительно грамотная, образная речь интеллигентки перемешивалась с нашим поморским говором, порой сдабривалась поговоркой или пословицей. Само общение с таким человеком – большая удача. В ееквартире редкий день не было посетителей. Приходили пионеры и даже просто посторонние люди. Она уставала от такого беспокойства, иногда и сетовала на это, но говорила: «Если они приходят, значит – им что-то нужно». Это было ее служение русской истории, культуре.

Когда заходила речь о каком-нибудь факте с датами или временем, если она не помнила, тут же начинала рыться в своей картотеке. Найдя нужную карточку, может полсотни лет назад заполненную, с точностью зачитывала нужное поморское речение, а иногда и фамилию, имя, отчество с пометкой места и времени услышанного или увиденного ею. Удивительно пунктуально и акку-

ратно заполнялись эти карточки на протяжении многих лет.

Я старался не надоедать своим присутствием, но чувствовал какое-то теплое и доверительное отношение ее ко мне. Очевидно, этому способствовали такие обстоятельства. Однажды она спросила, где я был во время войны. Я сказал, что начал войну с августа 1942 года в Сталинграде. Она со слезами в глазах поведала, что ее сын Игорь погиб в октябре 1942 года там же. Оказывается, Игорь погиб под Котлубанью, возле Кузьмичей, знакомое место. Я почувствовал, как ей тяжело. Потом мы не раз возвращались к военной теме, но подобной реакции я уже не наблюдал. Она умела себя сдерживать. А тот разговор был долгий.

О чем они могли говорить?

У Ксении Петровны были сомнения насчет времени, места смерти и захоронения Игоря. Дело в том, что сначала Ксения Петровна и Алексей Германович получили письмо от сослуживца Игоря Ивана Шадрина, написанное в октябре 1942 года, в котором сообщалось, что их сын убит в Котлубани. Позже, 19 ноября 1942 года, Игорь Фонарков, который дружил с ее сыном с момента мобилизации в армию, вместе с ним проходил учебу в Тюмени, воевал с ним в одном отделении, написал Ксении Петровне: «...Но вражеская пуля сразила Вашего сына Игоря. Он был убит так в 11 дня 20 октября 1942 г. ...Он погиб в Донских степях от Сталинграда 60 км». В официальном же извещении, которое принесли родителям в марте 1943 года, написано: «Ваш сын, сержант, командир отделения, уроженец г. Арх., Гемп Игорь Алексеевич, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит в бою за социалистическую Родину 21 октября 1942 года. Похоронен 5 км северо-вост. с. Кузьмичи, (Кузьмичи) Сталинградская обл.».

Из хранящейся в Архангельском областном архиве переписки Ксении Петровны с родными, с невестой Игоря Ниной Рябенко-Белобородовой понятно, что все эти расхождения в указании места и даты смерти Игоря очень волновали их с Алексеем Германовичем, одновременно давали некоторую надежду на то, что произошла ошибка и Игорь жив. Они пытались это выяснить.

Где все-таки погиб Игорь? Расстояние от Сталинграда до Котлубани не 60 км, а около 40, а до Кузьмичей и того меньше – около 30 км. Чьей информации верить?

В своих фронтовых воспоминаниях, которые были частично опубликованы в журнале «Двина» №1 за январь 2003 года, а также в видеозаписи беседы со Светланой Морозовой, ведущей программы «13-й этаж» АГТРК Медиа, которую транслировали 9 мая 2002 года, Николай Георгиевич Блохин описывает места, где он воевал. В составе 90-го гвардейского минометного полка он был участником Сталинградской битвы. Именно в Котлубань 20 августа 1942 года из Москвы отправились три железнодорожных состава этого полка со знаменитыми «Катюшами». Он вспоминает, как тем знойным августом в Грачевой балке ночами таскали арбузы, спасаясь от жажды, с одной стороны русские, с другой – немцы. Село Грачи находится в 6-7 километрах севернее

Кузьмичей. А в официальном извещении сказано, что Игорь Гемп похоронен в 5 километрах северо-восточнее Кузьмичей.

Игорь Гемп был командиром пулеметного отделения. В телеинтервью программе «13-й этаж» Николай Георгиевич сказал о том, что ему, как артиллерийскому разведчику, была доступна информация – карты, координаты. А что мог видеть боец из окопа? Возможно, этим и объясняются расхождения в указаниях сослуживцев Игоря места его гибели. Отцу удалось додержаться до победы в Сталинградской битве. Его тяжело ранило 20 января 1943 года, уже за Волгой, в районе озера Цацы. Игорь не дошёл до Волги. Он прибыл в район Котлубани в сентябре 1942 года и почти сразу погиб.

Далее в воспоминаниях Николай Георгиевич Блохин пишет:

*К.П. Гемп возле Морского музея.
Фото Н.Г. Блохина. 1990 г.*

Ксения Петровна много знала о полярниках, с некоторыми была знакома лично, интересно о них рассказывала, писала статьи. Ее приглашали в музеи, в ДК моряков. Несмотря на то, что здоровье у нее было неважное, она не отказывалась, ходила. Во время ее выступления на встрече с писателями-маринистами, я заметил, что многие делали записи. Она рассказывала без конспекта, но очень хорошо, грамотно. Память у нее была отменная. При одной из встреч она

подарила мне свою только что вышедшую из печати книгу «Сказ о Беломорье» с дарственной надписью: «Николаю Георгиевичу. Первые мореплаватели по северным морям – Поморы. Ксения Гемп 21.I.84 г.».

Протянув мне книгу, она удивительно молодо засмеялась и добавила: «Интересуешься материалами для фотовыставки, не забудь посмотреть в библиотеке гравюры о пребывании Петра I на Севере».

Ксения Петровна показывала мне старые открытки, альбомы с фотографиями Северного края, монастырей, Соловков, Архангельска и личные, семейные. Зная, что я фотолобитель, она сразу говорила, откуда был сделан снимок города, например, с колоколен Успенской или Рождественской церквей, Троицкого собора. Изображенных на снимках красивых храмов давно уже не было, но она рассказывала, где они находились, это помогало мне понять, что за место

*Пр. Ч. Лучинского. Справа дом,
где жила К.П. Гемп.
Фото Н.Г. Блохина*

запечатлено на фотографии. И я сделал снимки тех мест, где стояли церкви, а также до неузнаваемости измененных зданий, в которых раньше они находились. Ксения Петровна показала несколько открыток, где были изображены виды, сделанные с пожарной каланчи, и рассказала, как они с отцом и братом поднимались на каланчу и смотрели на город из бинокля. Я почувствовал горечь в ее голосе. <...>

В то время город стремительно менялся. Она досадовала, что сносят исторические здания, которые можно было бы сохранить. Дошла очередь и до дома, где она раньше жила. Я заснял его и на черно-белую пленку, и на цветной слайд.

К 400-летию города Зосима Петрович Калашников подготовил макет до-революционного Архангельска. Огромный труд! По замыслу устроителей на стенах были развешаны мои фотографии современного города. Ксения Петровна рассматривала каждый объект макета, хотя она уже многие из них видела, даже консультировала, но всё собранное вместе её восхитило. Она так увлеклась, что забыла даже просвоего «коня», так она называла клюшку. Для Засимы Петровича её похвала была очень дорога.

З.П. Калашников и К.П. Гемп на выставке макета «Старый Архангельск» в Д.К. Моряков. 1984 год.

Как-то раз разговаривали о Кольском побережье и Соловках. Выходило, что бывали в одних и тех же местах, перешли на грибы и ягоды, а разговор был под весну. Она, будучи больная, неразлучная с костылем, воскликнула: «Ах, как мне хочется поесть морошки с кустика!» ...На следующий день я принес ей баночку с морошкой.

Она взяла, посмотрела оценивающе и попросила открыть крышку. Попробовала чайной ложечкой, а потом говорит: «Николай Георгиевич, а морошка-то не беломорская». Я согласился, ведь я не утверждал, что она с Беломорья. А потом долго удивлялся ее проницательности как знатока и, может, как гурмана. Так ведь она и соль соловецкую могла на вкус отличить от другой. Столько проб сняла, занимаясь альгологией. Почувствовав ее слабость к нашим северным ягодам, я уже знал, что взять с собой, идя к ней в гости.

Фотографироваться Ксения Петровна не любила. Однажды я принес ей фотографию аналогичную той, что была на моем 75-летию. Сделана она была в ее комнате во время рассказа пионерам из Северодвинска. Выражение ее лица на фото было живое, энергичное и с воодушевлением. Она посмотрела, вроде как-то отпрянула и устреми-

*К.П. Гемп дома со школьниками
из г. Северодвинска.
Фото Н.Г. Блохина. Май 1989 г.*

лась взглядом на меня, словно недовольная. Видя это, я сказал: «Ксения Петровна, так вы при беседах именно такая, живая». Она ответила: «Какая живая, скоро сотня будет». А потом я слышал от Валентины Александровны Волынской и от Любви Анатольевны Горбуновой, что она тепло отзывалась о наших встречах и хвалила мои фотографии, в том числе и не вошедшие в неоконченную фотолетопись. Она доверяла мне переснимать фотографии ее самых близких родственников, что я и сделал.

Однажды Ксения Петровна позвонила мне по телефону. Это было, если я не ошибаюсь, в июне 1994 года. У меня был взят билет на теплоход «Федор Абрамов» до Красноборска на завтрашний день. А звонила она вечером и просила сделать пересъемку материалов, которые подготовила для отправки в Пушкинский дом, к дополнению их семейного фонда. Я извинился, выразил свое согласие, если она подождет до моего приезда, и объяснил причину. По возвращении, я позвонил ей, просил разрешения прийти, как обычно. Я навестил ее. Она меня встретила приветливо, расспрашивала о поездке. Поинтересовавшись здоровьем хозяйки, я извинился еще раз и перевел разговор на невыполненную ее просьбу. И она с сожалением сказала, что материалы уже отправлены. А каково было мое сожаление, знаю только я, так как она сообщила, что отправила в Петербург очень много фотоснимков и открыток. Вот как бывает.

В моей жизни бывали неоднократно знакомства с очень интересными людьми. Такие случаи, когда, не сделав совместного снимка, жалеешь всю жизнь. Так было и с Ксенией Петровной Гемп, так было и с Иваном Дмитриевичем Папаниным.

*Воспоминания Блохина Николая Георгиевича записала его дочь,
Е.Н. Корницкая*

АВТОГРАФЫ КСЕНИИ ГЕМП

С Ксенией Петровной Гемп я был знаком более тридцати пяти лет. У меня была переписка с ней по многим вопросам, касающимся краеведения и проблемам культуры. Прежде всего меня интересовали трудности, связанные с отправкой экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу. Тогда меня интересовало старинное село Кеврола, в котором находилось воеводство еще со времен Ивана Калиты. От Ксении Петровны я узнал, как помогала Кеврола строительству Гостиного двора Архангельска. Сама по себе Ксения Петровна была блестящая наставница для нас, тогда молодых людей. Разговоры с Ксенией Петровной всегда были интересными, увлекательными, и мне это очень нравилось, я больше узнавал о родном мне Севере, хотя вот теперь живу уже 66 лет на Дальнем Востоке.

Любопытно, что ее интересовало, кто из поморов плывал на Тихом океане: «Поищи-ка, пожалуйста, там наших северных мореходов...» И никуда не деться – прошло более двух десятков лет, а поиск все-таки продолжается даже сегодня!..

В 1978 году я пробыл на Соловках целый месяц, написал там акварелей, графики, в общей сложности около ста работ. Ксения Петровна проявила большой интерес к моим работам. Позднее я выполнил 19 гравюр, часть из них подарил ей. Она хотела включить их в свою книгу – «Сказ о Беломорье», но возражало издательство, т. к. были уже подобраны работы местных художников. Она искренне сожалела, об этом писала мне в письме.

В 1982 году, в марте месяце, мы с двоюродным братом Борисом Щербаковым отправились с лыжами на его машине в длинное путешествие по Терскому берегу Белого моря. По припаю шли на лыжах, оставляя в поселках автомобиль, где-то использовали технику. Но самое интересное для меня было то, что я встретил вросший в лед, разбитый морем карбас, а на мысу выразительный крест. Меня сразу поразила композиция – «Гибель помора», и была написана картина, которая обошла несколько выставок. Мой брат ловил корюшку, а я в деревне Ковда писал Никольский храм, постройки 1674 года. На вершине холма я увидел высокий крест, как потом узнал, служивший маяком для поморского мореходства. Рисунок креста я передал Ксении Петровне. Она им очень заинтересовалась...

Через несколько дней звонит мне Ксения Петровна и говорит восторженно: «Вы знаете, вы сделали настоящее открытие! Этого креста не оказалось в моей академической публикации». Я сразу не понял, в чем состоит открытие. Естественно, и представить себе не мог, что, по ее словам, найденный крест окажется открытием!

Вспоминается другой случай, как я увидел в музее Арктики в Петербурге фотографию Яна Нагурского – первого летчика, который трижды летал на поиски экспедиции Г.Я. Седова. Сказал Ксении Петровне, какой красивый этот офицер-летчик! И тут она воскликнула: «А Вы знаете, я с ним мазурку танцева-

ла». Ну, не устаешь удивляться, и тут тоже оказалась участницей Ксения Петровна.

Был случай: я летел домой и встретил Ксению Петровну в аэропорту «Шереметьево». Она была с помощницей – соседкой, у которой была тяжелая сумка с книгами. Я понял, что Ксения Петровна на костылях испытывала некоторое неудобство, т. к. из зала ожидания надо было спуститься к самолету и затем подняться по трапу в самолет. Шутка ли – подняться и спуститься, да еще на костылях. Мы несколько выждали, когда поднимутся пассажиры и стало свободнее на трапе. Я громко попросил расступиться, взял на руки Ксению Петровну и внес ее в самолет. Помню только, что ее костыли она держала за моей спиной, и была совсем нетяжелая. Соседка с книгами поднималась за нами. Когда усаживалась на свое место, Ксения Петровна спросила: «Какое у Вас место?». Она тут же попросила свою помощницу сесть на мое место, ну а мы поговорили во время перелета до Архангельска. Она решила мне рассказать, как она курсисткой трижды вместе с подругами видела В.И. Ленина. Я внимательно слушал ее, основное записал. Получилось три рассказа – «В.И. Ленин у Финляндского вокзала», «В.И. Ленин у дома Ксешинской», «Ленин на встрече со студентами в одном из молодежных клубов Петрограда». Интересно, что Ксения Петровна потом спорила с ученым, который писал, что В.И. Ленин у броневика был в кепке. Ксения Петровна доказала, что он в тот момент был в шляпе. Стоит только удивляться, какая сила духа таилась в этой замечательной женщине! Пока мы были в самолете, она мне поведала, как она покупала эти книги, что везла ее помощница (фамилию и имя ее я не запомнил – жаль).

Когда мы прибыли в аэропорт Архангельска, у трапа Ксению Петровну встречали ее знакомые и журналисты. Я спускаю по трапу Ксению Петровну. Тут же вмешался известный журналист Евгений Салтыков, он меня начал отталкивать и захватывать инициативу, но тут вдруг повелительно она произнесла: «Он со мной!». И так, пока не сели мы в «уазик», Салтыков не мог понять, откуда я взялся.

Мы останавливались в гостинице «Россия», той, что была тогда у Кремля. Ксения Петровна увидела книгу по искусству на французском языке, подошла к книжному ларьку и попросила ее посмотреть. Продавщица ответила, что книги эти для иностранцев... Тогда, чуть возбужденная, Ксения Петровна потребовала эту книгу на чистом французском языке!

И еще, рассказывали, как однажды Ксения Петровна на костылях шла по длинному коридору, постукивая по паркету, к председателю Совета Министров А.Н. Косыгину, и он ее принимал по разным вопросам, в том числе и по водорослевым. Как известно, в годы блокады Ленинграда она бывала у А.А. Жданова не один раз и тоже по вопросам жизнеобеспечения ленинградцев. «Моя задача соединять тех людей, которые находятся в поиске, которые что-то ищут», – не раз она говорила мне. И можно себе представить такого подвижника, который не о себе думает, а думает, как помочь людям? Ксения Петровна была именно такой.

Как-то я был в командировке в Ленинграде, позвонил Ксении Петровне, справился о здоровье, а она мне и говорит: «Если сможешь, зайди в аптеку, на углу Садовой и Невского, – там раньше продавали облатки-конфетки от удущья. Раньше-то мне сестра их присылала из Риги, теперь ее нет. Но есть ли аптека на том месте?». Оказалось, что аптека есть, а конфеток пока нет, но изредка бывают. «Надо же, – подумал я, – она помнит, где была аптека чуть ли не в 1918-м году!» Встал вопрос, как помочь Ксении Петровне. Я поговорил со своей двоюродной сестрой Ниной Игоревной, а она говорит: «У нас на работе в Горном институте иногда заказывают сладкие продукты, в том числе и на Кубе». Для меня такой ответ был неожиданным. Сестра заказала подобные конфетки и отравила их Ксении Петровне в Архангельск. Через какое-то время та звонит и говорит: «Вы меня завалили конфетками!» Сколько сестра отравила, я не знаю.

Как-то Ксения Петровна мне говорит: «Раньше мне выделяли молоко, 2–3 литра в неделю, потом перестали выделять, а я ведь ходить уж не могу». Тогда я зашел в горком партии, к третьему секретарю, и говорю: «У нас на Дальнем Востоке известно, что вы не можете обеспечить постоянное снабжение такого известного ученого, инвалида – Ксению Гемп». Тут начальник уверил меня, что все будет налажено. Через неделю я узнал, что ее закрепили за магазином и она стала получать молоко. Ведь и сегодня все так – ветеранам внимание только на словах! Не везде, конечно!

Однажды я пришел к Ксении Петровне и вижу на столе какие-то карты. Она говорит: «Еще от Петра I было известно, что у Гостиного Двора были какие-то палисады? Вот и разыскиваю их...» И тут позвонили в двери. Ксения Петровна открыла входную дверь, вошел мужчина с узенькой бородкой, и они начали что-то обсуждать по карте. Она у него спрашивает, какие грузы забирал в 1913 году с Новой Земли какой-то пароход (я уж сейчас не помню какой). Называли фамилию сына Бориса Вилькицкого. Я заметил, что мужчина оставил на столе какой-то сверток. Когда она закрыла за ним дверь, спрашивает меня: «А вы думаете, что он мне принес?» – и развернула пакет. А там хозяйственное мыло! «Какая проза, – подумал я. – Такой идет серьезный разговор о подробностях истории Севера, а мыла все-таки нет». О чем это говорит?

В другой раз приехал к ней, а в квартире темнота. «Многие лампочки перегорели, а мне уж никак не достать», – говорит мне Ксения Петровна. Можно понять, насколько человек в одиночестве нуждался в помощи других людей...

Иногда очень жалею, что я постеснялся попросить посмотреть ее сокровище – ее «седовскую папку», а надо было спросить. Ведь нельзя не вспомнить, какой она была великий коллекционер! Ящики с карточками, и все это по различным вопросам знаний: все пыталась систематизировать, а это дорогого стоит. Шутка-ли – собрать и подарить «Пушкинскому дому» сотни материалов о жизни самого А.С. Пушкина. Она знала каждый дом, где поэт читал стихи. «Я собирала по Петербургу, я любила Пушкина», – сказала она мне. Тогда я спросил ее о кораблях, хотя корабли-то все-таки не ее предмет изучения. «Что вы, это все для меня очень важно», – ответила она. Тогда я уже знал, что Ксения

Петровна Географическому обществу Ленинграда подарила бесценные для ее настольные часы Беклемишева и около тысячи старинных открыток судов и кораблей – коллекцию собранную вместе с мужем Алексеем Германовичем.

Ксения Петровна собирала марки и очень переживала, когда от ее писем, которые она ждала из Китая, отклеивали марки. В Китае она работала по сохранению плантаций морских водорослей. За научную работу по водорослям ей присвоили звание почетного доктора Пекинского Университета.

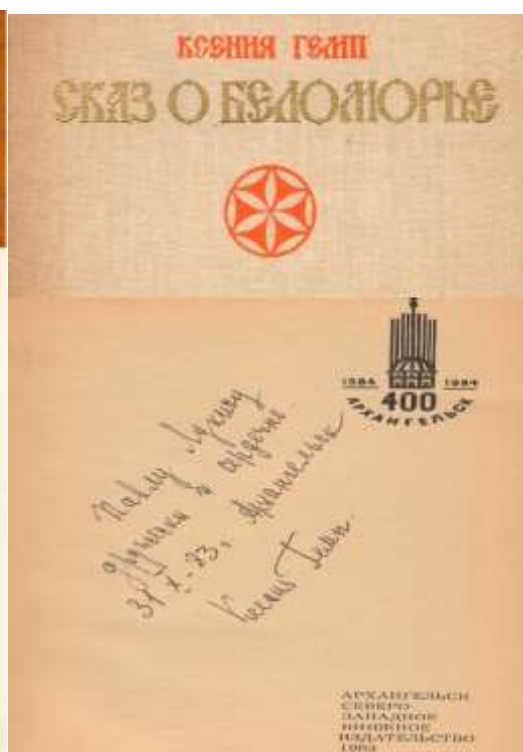
Деятельность Ксении Петровны была очень разносторонней. Многие годы она дружила с женой Георгия Яковлевича Седова, была большая переписка с Верой Валерьяновной, которая закончилась в связи со смертью последней. В 1970-е годы она дружила и переписывалась с Федором Абрамовым – он интересовался материалами об Аввакуме Петрове, а Ксения Петровна готовила ему такие материалы. Как-то она попросила меня отнести на почту и отправить пакет писателю. Я постеснялся попросить посмотреть ее материал, хотя сам тоже тогда собирал статьи об Аввакуме и самом Федоре Абрамове. Позднее пожалел, что не спросил ее об этом.

ПЕРЕЧИСЛЮ АВТОГРАФЫ КСЕНИИ ГЕМП:

1. На титульном листе книги «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов» (М., 1980). «Архангельск. 6 января 1981 г. Соловки – чудо, созданное руками поморов, пример нам задумки, мужества и труда». *Ксения Гемп* (ил. 1).
2. На титульном листе книги «Сказ о Беломорье» (Архангельск, 1983) – «Павлу Лукичу дружески и сердечно». 31.Х.1983. *Ксения Гемп*(ил. 2).

Ил. 1

Ил. 2

3. «Павлу Лукичу Фефилову. Фото Алексея Германовича Гемп. «Река Северная Двина, правый берег г. Архангельска, церковь «Градская в честь Михаила Архангела, покровителя Города», справа домик Петра Великого, под каменным футляром». 25.X.1986. Ксения Гемп (ил. 3).

Ил. 3.

4. На первом листе книги «Панорама искусств 11» (М., 1988). «Павлу Лукичу Фефилову в память давнего знакомства эти драгоценные воспоминания». Архангельск, 8.06.1989 г. Ксения Гемп.

5. «Павлу Лукичу на память о долгих беседах о Севере», надпись на ее статье: И.К. Вылко в Архангельске //Природа и хозяйство Севера. 1982. Вып. 10. С. 94–101.

6. Пустозерск, 1911 год – с акварели К.П. Гемп. «Кресты на месте сожжения Аввакума, Лазаря, Епифания и Федора». Фотография размером 16,5 x 23 см., черно-белая. Подлинник самой акварели К.П. Гемп, по ее словам, передала в «Пушкинский Дом» в Ленинград. Дату передачи я не знаю (ил. 4).

По мотивам этой фотографии мной написана картина «Кресты на месте захоронения Аввакума, Лазаря, Епифания и Федора» (ил. 5), 1997 год, оргалит, масло, 63 x 73 см. Подарена мной Приамурскому географическому обществу в Хабаровске. В 1997 году ее не принял на региональную выставку московский выставком, даже после 2-х туров голосования. Не поняли ее. Возможно, побоялись взять – тема малоизвестна.

Ил. 4

Фефилов П. Л. «Кресты на месте захоронения Аввакума, Лазаря, Епифания, Федора»
по мотивам акварели К. П. Гемма 1911г.

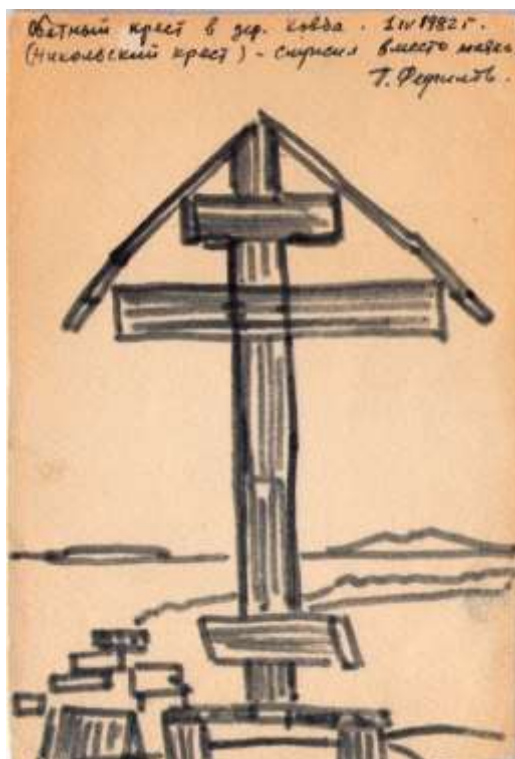
Ил. 5.

В 2006 году на картину обратил внимание архиепископ старообрядческой общины, и, по моему согласию, ученый секретарь Приамурского ГО В.И. Симаков переписал дарственную и передал картину общине. Был случай: на какой-то старообрядческий праздник картину приносили в зал краеведческого музея имени Н.И. Гродекова, пришло много людей, в зале у картины как у иконы люди молились. Это мне рассказала смотритель музея.

В апреле 2015 года от краеведа Ивана Леонидовича Шевнина я узнал, что архиепископ умер, а его супруга не считала нужным сохранять картину и она

пошла по рукам. И.Л. Шевнин сохранил ее и передал в фонды краеведческого музея имени Н.И. Гродекова, о чем при встрече в г. Хабаровске в апреле 2015 года и рассказал мне.

7. Обетный крестом в деревне Ковда. 1.04.1982 г. (ил. 6).

Ил. 6. Крест в д. Ковда

8. «На память о Беломорье. Кс. Гемп, 6 января 1981» – автограф на книге «Выдающийся памятник истории поморского мореплавания...» (Ленинград, 1980) (ил. 7).

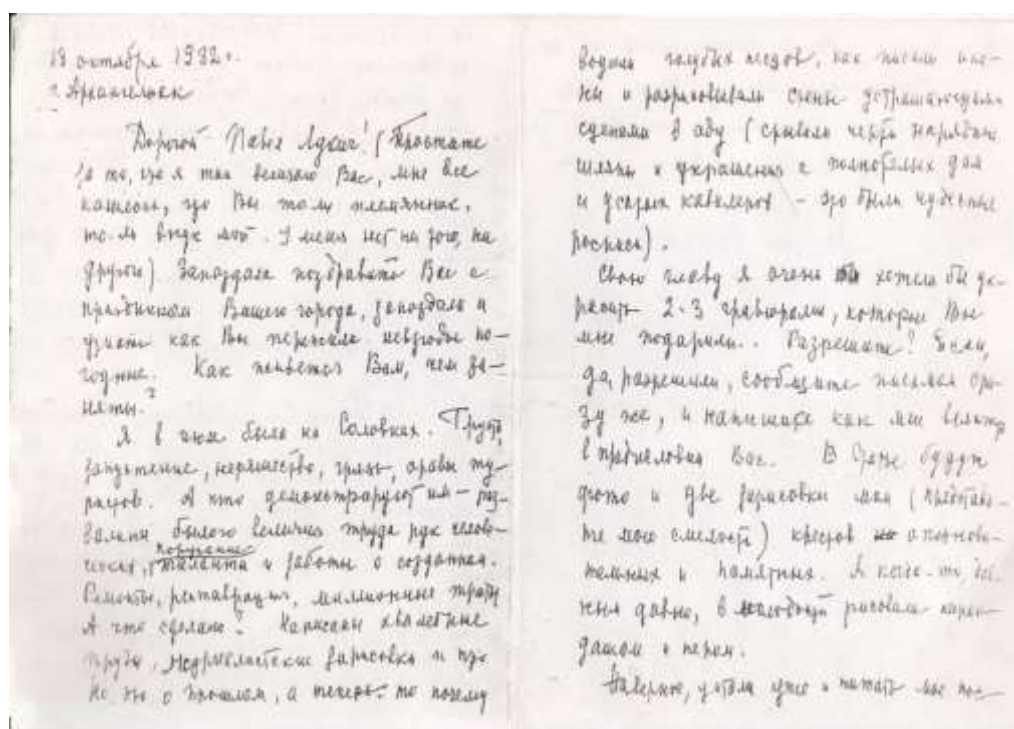

Ил. 7.

9. Конверт письма на мое имя, на мой адрес в г. Комсомольске-на-Амуре, с подписью «сердечно Ксения Гемп» (ил. 8).

Ил. 8. Конверт письма

Ил. 9. Фрагмент письма

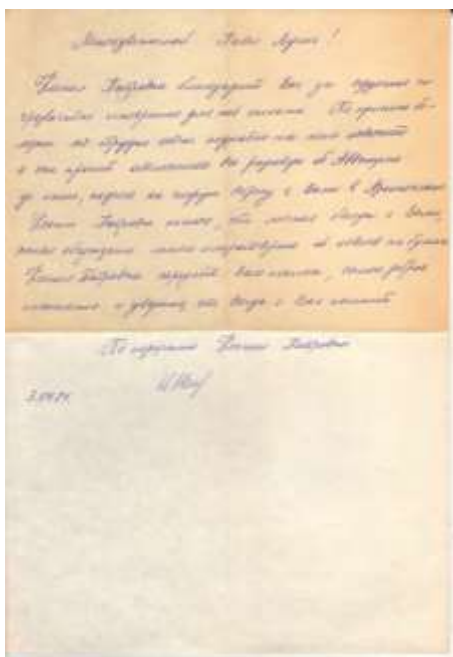
Приведу текст письма от 18 октября 1982 года, г. Архангельск: «Дорогой Павел Лукич! (Простите за то, что я так величаю Вас, мне все казалось, что Вы то ли племянник, то ли внук мой. У меня нет ни того, ни другого). Запоздала поздравить Вас с праздником Вашего города, запоздала и узнать как Вы пережили невзгоды погодные. Как живется Вам, чем заняты?»

Я в июле была на Соловках. Грусть, запустение, неряшество, грязь, оравы туристов. А что демонстрируют им – развалины бывшего величия труда рук человеческих, поругание таланта и работы о созданном. Ремонты, реставрация, миллионные траты. А что сделано? Написаны хвалебные труды, журналистские зарисовки, и грешно это о прошлом, а теперь почему водили голубых песцов, как писали иконы и разрисовывали стены устрашающими сценами в аду (срывали черти нарядные шляпы и украшения с полнотелых дам и усатых кавалеров – это были чудесные росписи).

Свою главу я очень хотела бы украсить 2–3 гравюрами, которые Вы мне подарили. Разрешите? Если, да, разрешили, сообщите письмом сразу же, и напишите как мне величать в предисловии Вас. В статье будут фото и две зарисовки мои (представьте мою смелость) крестов опознавательных и памятных. Я когда-то давным давно, в молодости рисовала карандашом и пером.

Наверное, устали уже и читать мое послание. Это я напрашиваюсь на положительную оценку Вами моего письма и Ваше разрешение использовать гравюры. Жду Вашего ответа.

Сердечно Ксения Гемп» (ил. 9)

Ил. 10. Текст письма

10. Письмо помощницы Ксении Петровны, по ее поручению от 3.04.84 г. К сожалению, фамилия помощницы неразборчива, а конверт не нашел, где-то в моих бумагах.

Текст письма от 3.04.1984 года (ил. 10):

«Многоуважаемый Павел Лукич!

Ксения Петровна благодарит Вас за сердечное и чрезвычайно интересное для нее письмо. По причине болезни ей трудно сейчас подробно на него ответить и она просит отложить все разговоры об Аввакуме до июня, надеясь на скорую встречу с Вами в Архангельске. Ксении Петровне кажется, что личная беседа с Вами, живое обсуждение много плодотворнее ее ответов на бумаге. Ксения Петровна передает Вам поклон, самые добрые пожелания и уверения, что всегда Вас помнит. По поручению Ксении Гемп». Под-

пись неразборчива.

11. Оценка моей рукописи статьи «В защиту доброго имени» дается Ксенией Петровной Гемп, следующего содержания: «Читала с огромным удовольствием и считаю, весь текст «В защиту доброго имени» подтверждается документами, отлично проанализирован автором.

Георгий Яковлевич Седов достоин почета, уважения и любви не только современников, но и потомков. Он дал пример и указал путь тем и другим, Седов – человек и воспитатель. Слава ему.

Ксения Гемп, Архангельск. 29.10.1991 г.»

12. Три встречи с В.И. Лениным из воспоминаний Ксении Петровны Гемп, записанных автором.

Мы летели в самолете из Москвы в Архангельск. Я рассказывал свои впечатления о новом спектакле «Так победим!» по пьесе М. Шатрова во МХАТе, где роль В.И. Ленина исполнял А.А. Калядин, заслуженный артист РСФСР. «А Вы знаете, я трижды видела В.И. Ленина. Тогда я училась на Бестужевских курсах в Петрограде. Нам курсисткам, посещавших марксистский кружок, которым руководил Ерманский (имя, отчество не помню), сказали, что сегодня едем на Финляндский вокзал для встречи очень важного человека, возвращающегося из эмиграции. Нас пришло человек 20–30, были приглашены небольшое количество рабочих. Никто не знал, кто такой Ленин? Знали, что он очень важный человек, который борется за новую жизнь, за социализм. Никто, никаких фраз о коммунизме тогда не произносил. В.И. Ленин, среднего роста, плечистый, вышел из вокзала в сопровождении нескольких человек, ему преподнесли цветы. У вокзала стоял броневик, и видимо были приняты меры предосторожности по охране этого человека. С помощью товарищей Ленина подняли на броневик, т.к. на него забраться не просто. Одет он был в темном пальто и в шляпе. Сейчас его рисуют, выступающим на броневике, держащим в руке кепку. Это не верно! Он приехал в шляпе вручили ему несколько цветков и выступал он очень кратко, изредка размахивая этими цветами. Грандиозного митинга не было, но было большое оживление среди собравшихся. Все кто окружал броневик, и были участниками его. Кое-кто выкрикивал фразы несогласные, но были и приветственные. Меня поразило, что Ленин сильно картавил, но говорил быстро четко и недолго. Выкрики касались «откуда Вас привезли в запечатанных вагонах?», туда и отправляйтесь!» Бесспорно они были меньшевиками. Позже, увидев, что Ленина изображают выступающим и держащим кепку я написала академику Минцу о том, что лично он неверно пишет о встрече Ленина у Финляндского вокзала. Чего писать, чего на самом деле не видел? — задавала я вопрос. Ведь Вы на этом митинге сами-то не были? На самом деле, позднее Минц признал, что записал по воспоминаниям других людей, что сам там не был и не видел.

Ксения Петровна подчеркивала, что «власть в свои берут большевики, ныне наступит новая эра пролетариата». Говорил Ленин быстро, отрывочно изредка взмахивая цветами как-бы подчеркивая в такт своей небольшой речи. Неудивительно, что в силу видимо конспирации, мы не знали кто такой Ленин, не знали его имя, отчества и шли встречать на вокзал по просьбе нашего руководителя Ерманского, как для встречи очень важного, интересного и мыслящего человека, вернувшегося из эмиграции. Многие выкрикивали: Ленин! Ленин! А кто он, не знали мы.

Во второй раз мы с сестрой видели В.И. Ленина, выступающим с балкона дворца Ксешинской. Было достаточно много народа. Ленин говорил не много. Длительных речей не было, подходили и сменялись люди. Ленин выступив уходил с балкона в комнаты дворца, потом вновь возвращался, снова говорил: о революции, о роли большевиков. На балконе, с краю были люди его сопровож-

давшие. Таким образом, с перерывами выступление повторялось. Но речь его была опять-таки очень краткой и очень выразительные жесты рукой. Вот, это особенно запомнилось мне у дворца Ксешинской.

В третий раз я видела В.И. Ленина, когда он выступал в Военно-морском корпусе на Васильевском острове. В большом зале было полно народу, в большинстве много военных и моряков. В зале было много учащейся молодежи, студентов – они носили форму тогда. Все сидели в ожидании. Проход был свободен. Затем по проходу прошел В.И. Ленин, в сопровождении большевика Чернова зашел на сцену. Чернов очень тепло рассказал о В.И. Ленине, представив его сидящим в зале. Делал он это очень умело, грамотно пояснив, что недавно В.И. Ленин вернулся из эмиграции и т.п. Осталось впечатление очень подвижного человека, ходящего по сцене быстро, не крупными шажками, поражала очень сильная картавость В.И. Ленина, может быть потому, как он долго в эмиграции говорил на не родном языке. Но картавость у него была с детства. Заканчивая беседу, я спросил Ксению Петровну, почему она об этом не напишет? Написали бы и послали в институт Маркса, Энгельса, Ленина. Для многих это было бы очень интересным материалом. «Да, все как-то не доходят руки, да и не думала над этим по-настоящему... Скажу Вам больше, есть материалы в которых Карл Маркс очень тепло отзывался о трудах моего деда.... Мой дед Герард Иосифович Минейко работал в статистическом комитете, преподавал историю. Его ученицей была Александра Яковлевна Ефименко, девичья фамилия ее Ставровская – уроженка деревни Кузомени (куда я Вам рекомендовала бы поехать сказала К.П.Г.), которая вышла замуж за Петра Савича Ефименко, впоследствии, первая женщина профессор истории в России. Карл Маркс дал высокую оценку работам Ефименко и ее учителю Герарду Иосифовичу Минейко в работе по статистике и землевладению на Севере. Маркс считал ее хорошо выполненной работой, и эти книги выписывал для своей библиотеки».

Я попросил назвать точную ссылку, в какой работе Маркс писал об этом «Есть и ссылка, надо только ее найти среди моих тысяч бумаг. (Такая ссылка есть – твердо сказала Ксения Петровна).

Так, вот когда я училась в марксистском кружке под руководством Ерманского, он меня спросил: «У вас не тали фамилия Минейко, о которой так высоко отозвался К. Маркс?»

Добавления и исправления внесены после чтения этих записей с участием К.П. Гемп. 22.03.1982 г.

СЛОВО ПОМОРСКОЕ: ЯЗЫКОВАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

С.Н. Третьякова

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА РУССКОГО СЕВЕРА В СОЧИНЕНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI – начала XX в.

Аннотация. В XVI–XVII вв. по Северу путешествовали в основном купцы и дипломаты, прибывавшие в Россию морским арктическим путём. Русский Север их интересовал с точки зрения экономической выгоды и как транзитный путь в Персию и Сибирь. Представления о Севере этого периода мало отличаются от общего взгляда на Московское государство. Отдаленность и малонаселённость региона рождала у европейцев соблазн установить над этими территориями свой контроль, особенно в тяжёлые для русского государства периоды. Перенос торговли с берегов Белого моря на Балтику сократил число путешественников по Северу. Новое «открытие» России происходит в XIX в. В этот период Север интересен не только с экономической точки зрения, но и как регион со своими историко-культурными особенностями, сохраняющий древние традиции.

Ключевые слова: Русский Север, записки путешественников, образ России, проекты колонизации Севера.

Abstract. Merchants and diplomats constitute majority of travelers by the Arctic sea route in XVI–XVIIth centuries. Russian North was attractive from economic point of view and as transit to Persia and Siberia. European perception of North at this period differs little from image of Russia in whole. Remote and sparsely populated region caused temptation to control these territories. Transfer of trade from White Sea to Baltic shores reduced the number of travelers. New “discovery” of Russia by Europeans happened in XIXth century. Not only economic profit but cultural and historical peculiarities of the Russian North were of interest.

Key-words: Russian North, travelogues, image of Russia, colonization projects.

Сочинения иностранцев о России представляют несомненный интерес, особенно важен взгляд со стороны в контексте взаимных представлений, оказывающих немаловажное влияние на отношения между странами и народами. При всех недостатках, свойственных запискам иностранцев, их свидетельства являются важным источником. Цель данного исследования – определить, какое место в этих общих представлениях о России занимал Русский Север, как происходила эволюция этих представлений с течением времени.

Сразу отметим, что далеко не все иностранные авторы, которые писали о России, лично посещали страну. Примером может служить сочинение итальянца Павла Иовия (Джовия), который опирался на сведения русского посланника в Риме Дмитрия Герасимова (1525г.), или «Московия» английского поэта и политика Джона Мильтона (1682 г.). Можно сказать, эти авторы совершали заоч-

ное путешествие по России. Но и те, кто посещали Россию, также нередко использовали чужие произведения в дополнение к своим наблюдениям. К наиболее авторитетным авторам XVI–XVII вв. относят Сигизмунда Герберштейна (дважды приезжал в Московское государство в период правления Василия III) и Адама Олеария, который три раза бывал в России (как участник голштинского посольства в Москву и Персию в 1634 и 1639 гг., и в 1643 г.). Именно у них черпали информацию многие иностранные авторы, писавшие о России. Ни тот, ни другой сами на Севере не были, но в свои повествования описание нашего региона включили.

Первоначальные представления о Русском Севере у европейцев были довольно смутные. Центральное место в этих первых описаниях, конечно же, принадлежит Северной Двине, «самой обширной из всех рек Севера», которая течет в Северный океан и которую пока именуют просто Двина. Павел Иовий сравнивает ее разливы с Нилом: река, «утучняя» окрестные равнины наносами, «оказывает удивительное сопротивление суровости холодного климата» [6, с. 261]. Герберштейн объясняет, что ее название получилось от слияния рек Юг и Сухона, «ибо Двина по-русски значит два или по два». Эта версия часто повторяется и другими авторами. В Двинской области, которая ранее была новгородским владением, как пишет Герберштейн, нет ни городов, ни крепостей, кроме крепости Холмогор и крепости Пинеги. От Москвы до устьев Двины считается триста миль, но по причине «частых болот, рек и обширных лесов», признается автор, произвести точного расчета пути нельзя. «Жители снискивают пропитание от ловли рыбы, зверей и от звериных мехов всякого рода, которых у них изобилие». Эта страна также изобилует солью, а в приморских местностях, как говорят, водятся белые медведи [4, с. 127].

Попытки европейских мореплавателей найти морской путь в Китай через Северный Ледовитый океан привели к «открытию» России. Особенно активными были англичане и голландцы, чьи корабли со второй половины XVI в. не раз появлялись в северных морях, однако дальше Новой Земли пройти не смогли. Первым иностранным путешественником по Северу можно считать англичанина Ричарда Ченслера, участника экспедиции 1553 г. Заметим, что местных жителей, встретивших его, он называет «варварами». Мореплаватель, совершивший затем поездку от Белого моря до Москвы, отметил, что Россия изобильна землей, людьми и товарами, среди которых он называет рыбу, звериный жир, соль, меха, рыбий зуб (уточняя, что рыбой называется морж) [8, с. 35-37]. Если говорить о городах, то в его сочинении их названо только 6, помимо Москвы – это Вологда, Великий (Новгород) и Псков, Ярославль и Холмогоры.

Джилс Флетчер, автор сочинения «О государстве Русском», спустя три десятилетия приводит более подробную информацию. Среди «коренных» российских областей он называет Двинскую, Каргопольскую, Важскую и Устюжскую, замечая при этом, что все эти области гораздо обширнее английских графств, хотя менее населены. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, но они не принадлежат ему исключительно [16, с. 26]. Среди главных

городов России Флетчер называет Вологду, Устюг, Холмогоры, Каргополь (всего городов перечисляет уже 16). Характеризуя водные пути, он отмечает, что от пристани св. Николая через реки можно попасть до Финского залива, в использовании этого пути водой русские имеют большой опыт.

Интересными являются наблюдения Стифена Бэрроу, продолжившего розыски морского пути до устья р. Оби, которая, по тогдашним представлениям, «вытекала из Китайского озера». В 1556 году он на своем судне проделал путь от Лондона к берегам Новой Земли и острову Вайгач, откуда был вынужден повернуть назад. Бэрроу не открыл пути в Китай, но сделал описание северного побережья России. Во время плавания он встречал многочисленные русские промысловые суда, отправившиеся на лов моржей и семги из Колы и Холмогор. Он засвидетельствовал хорошие мореходные качества кораблей и выучку поморов, которые оказывали ему помощь [2].

Больше всего сочинений этого периода принадлежит английским дипломатическим и торговым деятелям. Эти свидетельства имеют практическую цель – сообщить точные сведения о расстояниях, средствах и способах передвижения, ресурсах и товарах, значимых поселениях и их укреплениях. Север англичан больше интересовал как транзитный путь в Сибирь или Персию, не отказывались они и от намерения найти северо-восточный проход в Индию и Китай. Видимо, они действительно ничего примечательного здесь не видели, ибо большая часть этой области необитаема «по причине зимних холодов». Отмечая, что Двина очень велика и красива, на ней стоят Холмогоры и много красивых деревень с пастбищами и пашнями, тем не менее констатируют, что ее берега представляет «своего рода пустыню» [12].

Конечно же, иностранных путешественников интересовали разные аспекты русской жизни – экономика, политика, религия, традиции и быт. Отметим постоянный интерес авторов к коренным северным народам. Но, по справедливому мнению русского историка В.О. Ключевского, который одним из первых проанализировал сочинения иностранцев о России, «внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона» – вот что с наибольшей полнотой и верностью мог описать посторонний наблюдатель. Напротив, «известия о домашней жизни, нравственное состояние общества», которые менее открыты для постороннего глаза, не могли быть в такой же степени верны и точны [10, с. 8].

Путь английских купцов и дипломатов пролегал, как правило, по маршруту: Белое море – р. Северная Двина до Устюга и далее по р. Сухона в Вологду и Москву. Авторы отмечали недостатки, которые создавали неудобства для ведения торговли – короткая навигация, большие расстояния, порча товаров от морозов, мели на Двине, необходимость постоянно перегружать товары, и др. В Холмогорах (Колмогорах) останавливались все иностранцы, ожидая разрешения ехать дальше. Там находился один из дворов Английской компании. По свидетельству Томаса Рандольфа, которое относится к 1568 году, Холмогоры представляют собой «большой город, весь построенный из дерева, не обнесенный стеной, с разбросанными в беспорядке домами. Население по манерам гру-

бое, одевается крайне просто, за исключением праздников и свадебных дней», они много предаются пьянству и другим отвратительным порокам. Жители, находя выгодным торговлю с англичанами, очень внимательны к ним [12]. Другие города до Вологды, уточняет Рандольф, «очень похожи на Холмогоры, и жители не отличаются от тамошних».

Становление Архангельска, основанного в устье Северной Двины по указу Ивана Грозного, проходило на глазах иностранцев. Город они именовали по монастырю св. Михаила Архангела, причем это место так обозначалось ими еще до появления города (т.к. это был один из главных топонимов их северного маршрута наряду с Холмогорами и монастырем св. Николая), либо просто Архангельском (Archangel), ноне используют название Ново-Холмогоры, которое встречается в отечественных источниках. Со временем именно Архангельск по праву займет главное место в записках иностранных путешественников по Северу.

Одно из первых описаний нового города принадлежит французскому купцу Жану Соважу Диеспскому, приплывшему с купцами летом 1586 года. Город св. Михаила Архангела он характеризует как «крепкий замок», сооруженный из заостренных и перекрестных бревен, в котором находятся «более двадцати пушек из красной меди, на хороших бастионах, и делают они ему сильную защиту». Постройка из бревен превосходна: «нет ни гвоздей, ни крючьев, но так хорошо все отделано, что нечего похулить». В нем находятся до сотни домов, в которых приезжие купцы хранят свои товары. Соваж описывает, как губернатор очень приветливо их встретил, в результате этого гостеприимства делается вывод, что «обычай здешней земли пить очень много» [7, с. 265-266]. Основное же население города, судя по запискам, пока составляют стрельцы, а купцы приезжают сюда с товарами в августе на срок две-три недели.

Об оборонном потенциале Севера мы узнаем от немца Генриха Штадена. Он провел в России 12 лет, сначала служил толмачом, затем перешел в опричнину. В 1574–1575 годах он жил в Поморье, выступая посредником в меховой торговле между иностранными и русскими купцами, и, видимо, хорошо изучил регион. Штаден предложил римско-германскому императору план обращения Московии в имперскую провинцию. Предполагалось разделить Русскую землю на две-три части, ибо она очень обширна. Начинать надо было с Севера, продвигаясь по рекам Онеге и Двине. В своем плане он приводит довольно подробное описание региона с перечислением и краткой характеристикой рек, поселений, монастырей и т.п. Не последнее место для проникновения в страну он отводит Каргополю, исходя из его удобного местоположения. По морю, а потом по Онеге до Каргополя можно быстро доставлять всё, «что ни потребовалось бы военачальнику». А у великого князя не будет возможности получить подкрепление, и до этого места можно не бояться появления врага.

Для занятия Холмогор, по его мнению, хватит отряда в 800 человек, Соловецкого монастыря – 500 человек, Кий острова и устья р. Онеги – 1000 человек, для Каргополя он называет цифру уже в 3000 человек (и это при «миролюбивой» характеристике его жителей) [17, с. 70-71]. Штаден считал, что в России

вообще нет хороших крепостей, «города и остроги выстроены из бревен, закиданных потом землей», и в центре государства все они «упали и запустели». Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе, а каменные стены есть только у некоторых богатых монастырей. Все это должно было, по его мнению, способствовать легкости реализации плана.

Все русские поселения, на взгляд иностранца, были похожи один на другой. Они состояли из деревянных построек, а на улицах вместо мостовых были положены «обтёсанные сосновые деревья, одно подле другого». Обратимся к сочинению Флечера: «дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма прочно из сосновых брёвен, которые кладутся одно за другое и скрепляются по углам связями. Между брёвнами кладут мох...». Он объясняет, почему русские используют при строительстве только дерево – потому что в каменных постройках больше сырости и они холоднее, к тому же «провидение наградило их лесами» в изобилии, – но добавляет, что такие строения неудобны тем, что могут сгореть [16, с. 37-38].

О том, что «в строительстве не пользуются камнем тут», писал в поэтической форме англичанин Джордж Турбервилль [15, с. 261-262]. Умение русских плотников строить дома так, чтобы защищать их от холода и дождя, подтверждает и ученый Джон Традисканд, прибывший в Архангельск в 1618 году, отмечая при этом, что сельские постройки ничем не отличаются от городских. Его, конечно же, больше интересовали флора и фауна, но и некоторые бытовые наблюдения он записал [20, с. 274-275]. Таким образом, регион представлял собой царство деревянной архитектуры, делая свой весомый вклад в создание образа деревянной Руси.

Можно отметить, что средневековый Север рассматривается иностранными авторами в контексте общего взгляда на Московию как «деспотического» и «варварского» государства – огромные территории, неосвоенные и малозаселённые, неэффективно используемые и плохо управляемые. Отсюда и появлялись разнообразные проекты колонизации Русского Севера наподобие плана Штадена, который был не единственным. Ослабление России в период Смутного времени послужило причиной рождения новых подобных планов, в частности «английский Штаден» Томас Чемберлен, бывший наемником в корпусе Якоба Делагарди, подал в 1612 году королю план установления контроля над Русским Севером. Оправдывались подобные проекты необходимостью «спасения» России.

Активность иностранцев вызвала опасения у российских властей, что они могут начать контролировать сибирские земли и проложить через них свой путь в Китай и Индию. Это привело к решению запретить морской «мангазейский ход» в 1620 году, хотя иностранных мореплавателей это не останавливало. Проекты европейской колонизации окраин Московии остались нереализованными, но отозвались политикой закрытых дверей в Арктике [5, с.17-18]. Подобное отношение к России помогло самим русским осознать не только экономическое, но и стратегическое значение северного региона и арктических морских путей в контексте общей безопасности российского государства.

С ревностью смотрели на растущий Архангельск в Швеции, где были очень заинтересованы в возвращении торговли на берега Балтийского моря. Шведский торговый представитель в России Иоганнде Родес в середине XVII века даже разрабатывал план, как это лучше сделать. Для этого он предлагал, например, использовать англо-голландскую торговую войну, вплоть до того, чтобы натравить англичан на захват и разрушение Архангельска. Кроме того, он предлагал скупать основные экспортные русские товары, сбивая таким образом на них цену за рубежом [13]. К сожалению, спустя полвека шведская мечта будет осуществлена Петром I.

Отметим сочинения голландцев, конкурировавших с англичанами в освоении северных территорий. Интересными являются наблюдения Койэтта [11], участника посольства Нидерландов в Москву (1675–1676), и художника и путешественника Корнелия де Бруин [1], который провел в Архангельске несколько месяцев в 1701 году, совершил поездку по России, вернувшись вновь через Архангельск. Он стал свидетелем первых побед русского оружия, одержанных в Северной войне, и первых петровских преобразований. Он сопровождал описание своего длительного путешествия рисунками, которые опубликовал в книге, вышедшей в 1711 году, отразив в том числе начальный и завершающий этапы строительства Новодвинской крепости.

О заинтересованности в продолжении поиска северных морских путей-свидетельствует сочинение Николааса Витсена, амстердамского бургомистра и ученого, который в России был только раз, но много лет собирал сведения о Крайнем Севере и Сибири, имел сеть корреспондентов, опубликовал первую в Европе подробную карту Сибири, а также план Пустозерского острога. Петр I был дружен с Витсеном, тот сопровождал царя во время Великого посольства по Нидерландам, впоследствии переписывался с ним. Второе издание своей книги «Северная и восточная Тартария», вышедшее в 1705 году, Витсен посвятил Петру I [3].

Петровская эпоха, с одной стороны, вызвала новый интерес к Российскому государству, что нашло отражение и в зарубежной литературе эпохи Просвещения [9]. Но с перенесением торговли на Балтику уменьшилось число путешественников по Северу, который уже перестал быть «экзотикой». Внимание европейцев переключилось на новый регион – Сибирь. Кроме того, эпоха Просвещения рождала новый тип путешественника, которого можно назвать «путешественник-интеллектуал». В своих странствиях он руководствовался в первую очередь уже не «деловым взглядом» на мир, а любознательностью.

Но Архангельск сохранял свой образ «северных ворот в Россию». Поэтому неслучайно в описании нового путешествия Робинзона Крузо автор Д. Дефо возвращает своего героя на родину из Китая через Сибирь и Архангельск [18]. Те, кто оправлялся на Русский Север, имели о нём определённое представление, но не всегда их ожидания оправдывались, особенно зимой, когда жизнь в городе замирала (точнее замерзала). Можно было прочесть и такое мнение: это «ужасно унылое место» [22].

Возродился интерес к региону во второй половине XIX века, когда происходит всплеск внимания к России в целом как следствие происходящих в ней реформ, а также под влиянием увлечения русской литературой. И этот новый интерес к Северу был неслучаен. Авторы отмечают, что северный край является заповедной территорией, где не было ни чужеземных завоеваний, ни крепостного права. Именно здесь сохранилась «чистая славянская раса», исконная речь и древние традиции [19, с. 15]. Наиболее известный путешественник этого периода – английский журналист Уильям Диксон, который свое знакомство с Россией в 1869 г. начал с посещения Архангельска и Соловецких островов, написав книгу с громким названием «Свободная Россия». Отметим также Стефана Грэхема, который в 1910 г. пешком прошел от Архангельска до Москвы, описав увиденное в книге также со звучным названием «Неоткрытая Россия» [14].

Естественно, что первые ассоциации иностранцев, связанные с Архангельском – это порт, «переполненный судами всех национальностей». В их представлении это был космополитичный город, но одновременно он сохранял традиционные русские черты. Путешественников поражало множество церквей (но сам вид религиозных сооружений их не впечатлял), деревянные дома и мостовые и, конечно же, белые ночи и долгая зима. Летом городская жизнь бурлила, а в зимнее время город засыпал. Описания Архангельска включали в себя разные образы, с одной стороны пространство города ограничивалось монастырем, а с другой – Соломбалой, где была сосредоточена портовая жизнь. Это был и открытый для контактов морской город, но одновременно и изолированный (льдами, лесами, болотами, расстояниями). Это был город на границе природы и культуры.

Естественно, что каждый наблюдатель воспринимает увиденное сквозь призму своей культуры, своего мировоззрения. Поэтому, хотя Архангельск и был портовым городом, но он не походил на город, каким он должен быть с точки зрения европейца. Диксон его называет даже восточным городом. Но, характеризуя дух города как «дом Архангела, порт Соловков, ворота Бога», он обратил внимание на другое важное обстоятельство – это стратегическое положение Архангельска, который был единственным русским морским портом России. Он поясняет, что Астрахань – это татарский, Одесса – итальянский, Рига – ливонский, а Гельсингфорс – финский порты. Ни один из этих выходов к морю не является по настоящему русским. Завоеванные мечом, они таким же образом могут быть и потеряны. Но это не будет большой бедой для России, уверен Диксон, так как Архангельск является ее единственной дорогой к морю, выходом к северным водам. Это выход, «данный ей Богом, и который не может быть забран человеком» [19, с. 27]. Это подтвердилось последующим ходом истории. В годы мировых войн именно северные порты (Архангельск, а затем и Мурманск) оказались практически единственной возможностью морского сообщения и союзных поставок.

В целом во внешних описаниях Севера мало что изменилось. Как и в XVI–XVII веках, авторы отмечают, что городов (центров цивилизации) очень

мало, они все похожи, достаточно описать один, чтобы иметь представление о других. Диксон констатирует, что по дороге длиной в 400 миль от Холмогор до Каргополя и от Каргополя до Вытегры он не встретил «ничего, что можно было бы назвать городом». Вполне закономерно он называет это «империей деревень» [19, с. 197]. Грэхем очень удивляло, что в городе могло не быть уличного освещения, мостовых, парикмахерской и театра (обязательных по западным меркам), но непременно – несколько соборов.

Можно привести новый взгляд на древний Устюг в книге англичанина Алана Летбриджа, совершившего поездку по Северу в 1914 году. Если в средние века Устюг – это «торжище», куда жители Перми, Печоры, Югры и другие отдалённые народы привозили драгоценные меха и обменивали их на другие товары [6, с. 261], то сейчас – это город со своим очарованием, с «фантастической религиозной архитектурой». Летбридж называет Великий Устюг «Флоренцией Севера» (заметим, что подобную характеристику он придумал не сам), искренне восхищаясь увиденным. Он подчёркивает, что город нельзя даже сравнивать с соседним Котласом – в последнем нет ничего романтического [21, с. 95].

Потеряли свое былое значение Холмогоры, теперь они ассоциировались уже с именем «великого русского поэта Михаила Ломоносова». На Диксона Холмогоры произвели приятное впечатление. Он называет их то деревней, то сельским городом, то лесным городом. Он уверен, что именно в таком месте и должен был родиться национальный поэт [19, с. 191]. При этом он выражает надежду, что в будущем Ломоносову установят памятник, более соответствующий его русскому духу, чем тот, который он увидел в Архангельске.

В заключение отметим, что Русский Север в разные времена привлекал иностранных путешественников по разным причинам. И помимо традиционного интереса к экономическому потенциалу, появляется понимание Севера как региона, где сохраняются традиции и русская самобытность. Объясняли это авторы тем, что северяне «никогда не склонялись под татарским игом, не научились подчиняться немцам. У них не было ни господ, ни рабов. Они держались своей древней жизни». Диксон объясняет этот феномен не только удалённым расположением, но и тем обстоятельством, что эта территория была колонизирована Великим Новгородом, когда он еще являлся свободным городом, и его колонии сохранили эту «хартию вольности». Поэтому изучение России, он уверен, «должно начинаться с северной ее полосы» [19, с. 15].

Летбридж высказывает сходные мысли о притягательности Русского Севера, акцентирует внимание на том, что из-за суровых природных условий эта территория не привлекала богатых землевладельцев, поэтому была «возможность расти сильным, свободным, независимым» [21, с. 6]. Грэхем именно на Севере увидел наиболее яркое воплощение образа «Святой Руси». И в этом была определенная ценность и привлекательность края. Повлияло, на наш взгляд, и то обстоятельство, что в самой России началось осознание, что Север является хранителем русского культурного наследия.

Сам Север за эти века мало изменился, авторы продолжают описывать регион как край земли, удаленный от центра России (даже для самих русских) и отделенный от него бескрайними лесами и болотами. Но о некоторой эволюции в его восприятии можно говорить. Это связано и с тем, что меняются характер и цели путешественников. Соответственно, мы видим, что их сочинения и описания становятся более содержательными и доброжелательными. У ряда авторов прослеживается даже романтический взгляд. Пришло время, Русский Север начал открываться с другой стороны, точнее приоткрываться для внимательного наблюдателя свое истинное богатство.

Список литературы

1. *Бруин де К.* Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 17–188.
2. *Бэрроу С.* Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные Стифеном Бэрроу. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Barrow/text.htm>
3. *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария: в 3 т. Амстердам, 2010.
4. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908.
5. *Головнев А.В.* Европейские мореходы на Русском Севере: путешествия и геополитика XVI–XVII веков // Вестник САФУ. Гум. и соц. науки. 2015. № 3. С. 11–21.
6. *Иовий Павел Новокамский.* Книга о московитском посольстве // В книге: *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 251–275.
7. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Диеппского, в 1586 году // *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 3. Архангельск, 1999. С. 260–267.
8. Записки Чанселлора. Архангельск, 1998.
9. *Захарова Н.Н.* Русский Север в литературном «зеркале» Скандинавии и Англии. IX – начало XIX вв. // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. Архангельск, 2017. С. 105–128.
10. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.
11. *Койэтт Б.* Исторический рассказ или описание путешествия господина Кунраада фан-Кленка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Klenk/>
12. Путешествие Томаса Рандольфа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Randolph/text.phtml?id=1170>
13. Состояние России в 1650–1652 гг. по донесениям Родеса. М., 1914.
14. *Третьякова С.Н.* «Неоткрытая Россия». Образ Русского Севера начала XX века в восприятии британского писателя-путешественника Стефана Грэхема // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. Архангельск, 2017. С. 136–143.
15. *Турбервилль Дж.* Послания из России // *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII вв. М., 1990.
16. *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов. М., 1991.
17. *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925.
18. *Defoe D.* The Father Adventures of Robinson Crusoe. London, 1719.
19. *Dixon W.H.* Free Russia. New York, 1870.
20. England and Russia: comprising the voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and others to the White Sea / by J. Hamel. London, 1854.
21. *Lethbridge A.* The New Russia from the White Sea to the Siberian Steppe. London, 1915.
22. The English Woman in Russia. New York, 1855.

РУССЕНОРСК КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Аннотация: В статье рассматривается роль пиджина (контактного языка) в развитии русско-норвежских торговых связей и культурного взаимодействия России и Норвегии в конце XIX начале XX веков.

Ключевые слова: «поморская» культура, «норвежская морская» культура, этнокультура.

Annotation: The article considers the role of pidgin (contact language) in the development of Russian-Norwegian trade relations and cultural interaction between Russia and Norway in the late XIX-early XX centuries.

Keyword: "Pomeranian" culture, "Norwegian Maritime" culture, ethnoculture.

Исторические события, которые происходили на обширных просторах Европейского Севера России, тесно связаны в различные периоды с историей современных скандинавских государств – Данией, Швецией и Норвегией. Корни добрососедских отношений России со Скандинавией уходят в глубокое прошлое. Разнообразные исторические материалы свидетельствуют о развитии интенсивных как экономических, так и межэтнических культурных связей на рубеже XIX–XX веков жителями приморских областей русского и норвежского Севера.

Именно в Северном регионе на рубеже XIX–XX столетий формируются две культуры: «поморская» и «норвежская морская», которые повлияли на развитие разноуровневых обществ и в то же время способствовали культурному взаимодействию России и Норвегии.

Понятие «поморская культура», несомненно, относится к пространству Русского Севера, охватывая традиционную культуру северорусского населения. Это и социокультурная среда поморов, в рамках которой осуществлялась как экономическая, так и культурная связь между народами Русского Севера и Норвегией. Следует отметить, что понятие «морская» культура исследователи справедливо относят не в целом к скандинавским странам, а к Норвегии. Именно норвежцы рассматривались как носители традиционной европейской культуры на Русском Севере. В то же время «морская» и «поморская» культуры – это приморские территории, которые можно отнести к социокультурному заплечью (периферии). Для Норвегии – это приморские города Тромсе, Вадсе, Финнмаркен, Варде. Для России – это Русский Север: Архангельск, Мурман, Карелия. Они становятся центрами торговых связей. В Норвегии эту широко-масштабную торговлю называли «руссехандель». Со временем за ней закрепилось название «поморхандель» – «поморская торговля»[1, с. 24-28].

Большую роль в конце XIX века в развитии русско-норвежской торговли играл Архангельск. Поэтому здесь постоянно жили норвежские купцы и предприниматели. Опираясь на архивные сведения, можно отметить деятельность 19 купцов из Датско-Норвежского королевства. Они были представителями торговых компаний Бергена, Тронхейма и других городов Северной Норвегии.

Страницы архивных документов сохранили имена поморов из различных районов Беломорья, которые регулярно и на легальных основаниях посещали арктические порты Северной Норвегии.

В Кеми были хорошо известны купцы Норкины. В начале XIX века семья Норкиных – братья Федор, Василий, Антон, Иван – имела торговые сделки с северо-норвежскими купцами Карлом Герсом, Христианом Якальсеном, Петером Ростом, Оге Акерманом. На своих судах доставляли они в Хаммерфест, Варде, Вадсе рожь, доски, свечи и другие товары. Купцы из города Колы также поддерживали тесные коммерческие связи с купцами из Варде и Вадсе. В начале XIX века купцы из Колы Степан Попов и Пахомов, купец из Архангельска Андрей Долгошеин, мещанин Самсон Роскутов из Сумы, мещанин Илья Корнилов и поморы Прокопий Щадрин и Федор Кузнецов из Кемской округи Сорочкой волости заключили с финмаркенским купцом Норагером договор об обмене хлеба на рыбу и другие товары.

В 1810 году в Тромсе ходили жители Кемского уезда Иван Матвеев, Иван Морозов и Василий Кормичев, Иван Дементьев, Прокопий Щепетов. Кроме того, в селение Шервей ходил Х.Толмачев, в Хаммерфест – Я.Быков, Ф.Быков, Ф.Патрин, С.Кораблев, в селение Алта – Г.Собинцев, в провинции Нурланд торговали Я.Гвоздарев, С.Рекутов, И.Морозов.

За период с 1874 по 1915 год ходили в Норвегию по торговым делам на своих судах Мезенские мещане – Мелентий Николаевич, Алексей, Иван, Петр Мелентьевичи Фокины, Петр и Алексей Федоровичи Сопочкины, Иван Семенович Филатов, Дмитрий Афанасьевич Куреньгин, Федор Иванович Кузиков, Михаил Дмитриевич Маслов, Василий Антонович Коткин, Василий Козьмич Кострушин. Всего 12 человек [2, л. 4].

Крестьяне Койденской волости – Степан Васильевич, Алексей Ефимович, Иоаким Степанович, Алексей Иванович, Иван Иванович, Еким Алексеевич, Федор Васильевич, Иван Ефимович, Алексей Васильевич, Леонтий Васильевич, Александр Григорьевич, Ефим Степанович, Иван Федорович, Александр Григорьевич, Иван Антонович, Андрей Степанович, Григорий Ефимович, Василий Алексеевич, Андрей Антонович Малыгин, Василий Семенович, Григорий Семенович и т. д. Всего 37 человек.

Крестьяне Долгощельской волости – Павел Степанович и Прокопий Иванович Медведевы, Максим и Дмитрий Андреевичи Нечаевы, Николай Федорович Селиверстов, Козьма Фомич Увакин, Дмитрий Егорович Широкий, Александр Степанович Буторин. Всего восемь человек [3, л. 4–6, 94–95, 101–102, 107–108].

Крестьянин Дорогорской волости Михаил Максимович Паюсов.

Крестьяне Койденской волости – Евлампий Акинфович, Михаил, Николай, Алексей Иванович Малыгины, Николай Алексеевич, Василий, Николай, Григорий Васильевич Юрьевы, Семен Меркушев. Всего 9 человек [2, л. 4].

Торговая деятельность приобретает такой размах, что в процессе контактов русских поморов и норвежцев возникает специальный язык руссе-

норск(русско-норвежский пиджин), который широко использовался во всем Поморье.

Пиджин – это разновидность контактного языка с упрощенной грамматикой и ограниченным запасом слов, возникающая в результате необходимости общения на разноязычной территории. В силу своей специфики руссенорск был ограничен во времени летними месяцами навигации, а в сфере бытования – областью торговли и морского обихода. Он и обслуживал взаимовыгодную меновую торговлю производителей и добытчиков, русских и норвежских [6].

Руссенорск рассматривался учеными-этнографами и лингвистами как одно из проявлений интерэтничного феномена – арктической поморской культуры. Компонентами этой культуры как динамической системы, сформировавшейся в процессе длительного взаимодействия этносов, являются прибрежные поселения арктической ной зоны Северной Европы.

В области лингвоконтактов Северная Норвегия становится некой «языковой лабораторией», которая безусловно повлияла на возникновение и развитие самого распространенного пиджина в Скандинавии – руссенорска. По свидетельству многих путешественников, там говорили на норвежском, шведском, датском, саамском, финском, русском. В руссенорск попадают, прежде всего, слова русского и саамского происхождения, в то же время руссенорск оставался открытым для слов из других языков. При этом, как отмечают исследователи, на образование словарного состава руссенорска в основном повлияли два языка: русский и норвежский [5].

Руссенорск имеет важную особенность: несмотря на то, что название языка начинается с «русс», русские и норвежцы были социально равноправными партнерами. Как отмечал норвежский профессор И.Брок, в руссенорск вошло приблизительно одинаковое количество русских и норвежских слов. Словарь руссенорска состоит примерно из 390 лексических единиц, где 47% слов норвежского происхождения, 39% слов русского происхождения, 14% – из других языков [1, с. 24-28].

Сами поморы и норвежские моряки называли его как «спрек» или «твоя-по-моя». «Твоя-по-моя» был широко распространен среди рыбаков, купцов, ремесленников, лавочников. Наибольшее распространение руссенорск получил в середине XIX века. Источники подтверждают его применение на территории, протянувшейся почти на 740 км от Тромсе на западе до Кольского полуострова на востоке. Всем морякам был известен общий минимум слов, который называли морским жаргоном.

Распространение руссенорска способствовало не только расширению меновой торговли, но и установлению более продуктивного диалога среди поморов и норвежцев. В процессе общения поморы познакомились с созидательной, конструктивной деятельностью норвежцев. В то же время у северных соседей складывается представление об особом типе русского человека, обладающем такими чертами характера, как предприимчивость, смелость, ум, независимость в делах и суждениях. Руссенорск способствует расширению не только

торговых связей, но и формирует своеобразную поморскую промысловую культуру.

Таким образом, взаимодействие между двумя промысловыми традициями – поморской и норвежской – способствовало расширению контактов между северными народами и проникновению инородных элементов в культуру этнических групп.

Развивающаяся торговля требовала все более глубокого знания языка партнера, чего можно достичь лишь в результате специального изучения. Практической необходимостью стало преподавание русского языка в школах Финмаркена в XIX– начале XX веков.

Развитие поморской торговли, торгово-экономических связей с Норвегией способствовало появлению первого на побережье Белого моря мореходного класса в Сумском Посаде – центре поморского крестьянского судостроения.

Губернатор Н.А. Качалов считал, что воспитанники мореходного класса должны иметь возможность не только посещать иностранные порты для лучшего познания таможенных и полицейских законов этих стран, но и участвовать в торговых операциях. Вследствие этого в 1859 году в Кемском уездном училище был открыт «дополнительный класс норвежского языка». Первым учителем стал кемский мещанин норвежского происхождения А. Ульсен[4]. В 1862 году «класс норвежского языка» был переведен в Кемскую шкиперскую школу. Преподавателем был принят норвежец И. Суль, который проводил занятия с учащимися три раза в неделю, а остальное время отдавал частным урокам норвежского языка. Преподавание норвежского языка осуществлялось также в Архангельске на шкиперских курсах.

Надо отметить, что для изучения норвежского языка и приобщения к европейской культуре поморы избрали для себя наиболее удобный метод – «метод погружения». Существовала практика оставлять на зиму в норвежских семьях детей поморов, которые посещали местную школу, где учились норвежскому языку. Это была эффективная форма изучения иностранного языка. В свою очередь, норвежцы отправляли своих детей в учебные заведения Архангельска и других северных городов.

Как пишет архангельский этнограф А.Н. Давыдов, «среди норвежских купцов было традиционно принято посылать в Архангельск своих сыновей. Во второй половине XIX века ежегодно до десяти человек училось русскому языку» [4].

Губернатор Н.А. Качалов считал, что таких выпускников, без сомнения, охотно будут приглашать к себе хозяева, чьи суда совершают дальние заграничные рейсы. Все это свидетельствовало о культурном обмене между норвежцами и прибрежным населением Архангельской губернии.

В 1870 году в Архангельской губернии предпринимаются попытки создания русско-норвежского словаря, который бы помог в изучении языка. Первый словарь был издан в Архангельской губернской типографии отдельной книжкой и распространялся бесплатно среди воспитанников шкиперских курсов и поморов-судохозяев.

В начале XX века начинается работа по составлению норвежско-русского словаря, который, в отличие от первого, должен был служить не только «правильному пониманию норвежского наречия русскими», но и «изучению русского языка норвежцами». К 1903 году такой словарь был составлен М. Добро-творским, жителем Архангельской губернии. Издавался словарь в одной из крупнейших газет губернии – Архангельские губернские ведомости (с № 126).

В 1906 году издается «Краткий русско-норвежский словарь», составленный уроженцем поморья А.С. Кучиным. Словарь А.С.Кучина был выпущен издательством «Помор», организованным при типографии норвежской газеты «Финнмаркен». Еще более обширный русско-норвежский словарь издается в 1912 году в Архангельске А.Кошкиным. Надо отметить, что руссенорск использовался вплоть до закрытия границы между Норвегией и Россией после 1917 года. Это период в развитии культурных связей Норвегии и России можно выделить как один из этапов этнокультурных связей.

Ежегодные летние приезды поморов, торговля рыбой, мукой и другими товарами способствовали тому, что обе стороны хорошо узнали друг друга В г.Варде в 1862 году был создан норвежско-русский словарь. Словарь, «предназначенный для торговцев и рыбаков и всех, кто желает общаться с русскими», в нем было около десяти страниц специального разговорника по темам рыбной ловли и торговли. В 1899 году уже в Тромсе был издан словарь, содержащий специальные таблицы перевода русских мер и весов и «предназначенный помочь всем, кто будет иметь дело с русскими скупщиками рыбы».

Таким образом, экономические добрососедские связи Поморья и Севера Норвегии способствовали росту взаимопонимания, обоюдного уважительного отношения к особенностям образа жизни, культуры и характера народа-соседа. Этнокультурное взаимодействие между двумя народами проявлялось на разных уровнях: в преемственности традиций устного фольклора, в развитии поморской промысловой культуры, в возникновении особого русско-норвежского языкового диалекта.

Список источников и литературы

1. Брок И. Моя-по-твоя. Русско-норвежский язык-пиджин // Оттар. 1992. № 192. С. 24–28.
2. ГААО. Ф. 1.Оп.3. Д.1001.
3. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.368.
4. Давыдов А.Н., Пономаренко В.Н., Куратов А.А. Руссенорск – арктический пиджин Европы // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.
5. Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
6. Перехвальская Е.С. Руссенорск как пример начального этапа формирования пиджина // Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. М., 1987.

**РЕДКИЕ ИЗДАНИЯ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
Ф.А. АБРАМОВА**

Аннотация: личные книжные коллекции писателей являются отражением культурной и интеллектуальной жизни не только отдельной личности, но и общества в целом, что позволяет рассматривать их как важный источник информации. В Архангельской областной научной библиотеке им. Н.А. Добролюбова хранится личная коллекция Ф.А. Абрамова. Она создавалась годами, поэтому ее книжные пласты отражают бег времени, смену политических эпох, исторических личностей, мировоззрения. Личная библиотека Абрамова – это издания советского времени второй половины прошлого века. Однако среди книг этого периода встречаются те, которые заслуживают особого внимания и изучения: книжные памятники, редкие книги, библиофильские издания.

Ключевые слова: личная библиотека, книжные памятники, редкие книги, автографы, книжные издательства, записи на книгах.

Abstract: Writers' private book collections reflect the cultural and intellectual life of not just one person, but the whole of society, which makes them an important source of information. Arkhangelsk Regional Scientific Library named after N. A. Dobrolyubov has in its keeping the private book collection of F. A. Abramov. The collection had been in the making for many years, thus its items reflect the flow of time, the supersessions of the political periods, historical figures and worldviews. The writer's private library consists of various Soviet editions from the second half of the 20th century. Nevertheless, some of the books from that period are worthy of being studied with particular care: there are some book memorials, some rare books and also some collector's editions.

Keywords: private library, book memorials, rare books, autographs, book publishers, book inscriptions.

Одна из задач современного информационного общества – сохранение личных библиотек известных людей, которые внесли неоценимый вклад в развитие культуры, науки и искусства того или иного края. Помимо памятников письменности, прижизненных изданий авторов, книг, современных владельцу библиотеки, в таких коллекциях сохраняются документы, значимые для постижения местной истории: записи на книгах, письма-вложения, открытки и т.п.

В Архангельской областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова (далее – АОНБ) хранится несколько личных коллекций известных людей, чья жизнь так или иначе связана с Архангельским Севером. Среди них особый интерес представляют мемориальные коллекции Г.П. Гемп и Ф.А. Абрамова. Почетная архангелогородка и пинежанин неоднократно встречались, беседовали о литературе и истории, дарили друг другу книги. Эти книги с автографами и словами признательности хранятся в АОНБ.

В каждой личной библиотеке есть свои ценные или значимые для владельца книги. Состав библиотеки Ф.А. Абрамова насчитывает более 1170 экземпляров, большинство из которых – издания 50–80-х годов прошлого века. В

этом собрании встречаются книги, которые заслуживают особого внимания и изучения. Это книжные памятники федерального значения, книги выдающихся издателей конца XIX – начала XX в., книги периода первых лет Советской власти (1918–1926), книги, имеющие авторские переплеты и издательские обложки.

Так, в библиотеке Ф.А. Абрамова хранятся две книги гражданской печати XVIII века, которые являются памятниками русского права. По указу Анны Иоанновны при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге в 1739 году были напечатаны «Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийскаго : состоявшиеся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число, 1725 году». Издавались указы для нужд «судебных мест». Каким образом данное издание оказалось в библиотеке Ф.А. Абрамова, сложно сказать. Книги писатель покупал, коллеги дарили свои произведения, местные жители несли книги в дар за литературный труд. Каждая из книг имеет свою судьбу и свою историю.

Вторая книга XVIII века попала в собрание писателя из личной библиотеки К.И. Коничева, о чем свидетельствует экслибрис на внутренней стороне верхней крышки переплета. Это «Уложение по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится» царя Алексея Михайловича. В XVIII веке «Уложение...» переиздавалось более 10 раз. Так, имеется два издания с датой выхода 1737 года. В данном экземпляре на титульном листе сохранена дата первого издания «1737», но по факту книга вышла в свет в 1748 году тиражом 2025 экземпляров, что в два раза меньше первого издания. Отличительные признаки данной печати: вторая строчка выходных сведений – «Академии наук 1737 года» (в первом издании «1737 года»); напечатано на бумаге с водяным знаком 1746 года. Запись на титульном листе чернилами «Уважаемому Михаилу Николаевичу Адамову от И.В. Есупова(?) на память. 1892 г. мая 28» говорит о владельцах книги в конце XIX века. Установить их личности представляется возможным. По всей вероятности, этот экземпляр К.И. Коничев мог приобрести в любом букинистическом магазине, а позже подарить писателю.

Сегодня оба издания XVIII века хранятся на территории Архангельской области в единственном экземпляре, введены в региональный свод «Книжные памятники Архангельской области» [3].

Книг XIX века (1852–1900) в библиотеке писателя насчитывается 13. Это книги по разным отраслям знаний, изданные известными типографами. Вторая половина XIX века – период активного развития просвещения и культуры, оживление общественной жизни. Это требовало значительного расширения выпуска печатной продукции.

Книга известного книговеда Н.А. Рубакина «Приключения двух кораблей, или Рассказы о царстве вечного холода» (М., 1898) не случайно оказалась в собрании писателя. Чернильная запись на форзаце свидетельствует о том, что книга в 1900 году была подарена ученику старшего отделения Чухченемской школы священником Акиндином Красильниковым Александру Игнатьевичу

Попову. Местное население часто приносили книги Ф.А. Абрамову. Видимо, так попала к писателю и эта книга.

Произведение Рубакина было издано в товариществе И.Д. Сытина, которое на тот момент являлось самым мощным в стране объединением в области книгоиздания, печатного дела и книжной торговли. Сытин, став крупнейшим издателем учебной книги, привлек к созданию букварей и учебников лучших педагогов и ученых. В том числе и без Н.А. Рубакина он не смог бы осуществить свою просветительскую программу. Неслучайно книга оказалась в руках священника приходской школы одной из пинежских глубинки Архангельской губернии.

Ф.А. Абрамов не мог обойти вниманием одно из значительных произведений русского фольклора – «Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым». Книга вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1885 году в издательстве А.С. Суворина, который очень много сделал для пропаганды и распространения отечественной и зарубежной литературы.

Кропотливая работа авторов издательства «Типография Е. Евдокимова» была направлена на создание доступных образовательных пособий. Четыре тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [3], выпущенные типографией в 1892 году, стоят на полке в библиотеке писателя. Данное издание печаталось под наблюдением П.Н. Полевого, литературоведа и переводчика, закончившего историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Тома 7 и 8 облачены в один издательский переплет. На верхней крышке имеются сведения: «Издание «Севера». Рис. В. Овсянников». Черным по серому вытеснены заглавие книги и орнаментальная рамка с растительными и тератологическими элементами. Каждая буква словно из древнерусской сказки попала на обложку книги, что раскрывает содержательный аспект карамзинской истории. Над художественным оформлением и иллюстрированием издания работал известный русский художник-график В.В. Овсянников. Черно-белые иллюстрации с изображением плана Москвы, облачения бояр, народных сцен сегодня вызывают неподдельный интерес у современных почитателей «старых» книг.

Краеведческий материал имеется в книге А.Д. Поленова «Крайний Север. Частный павильон Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги» (М., 1896). Издание примечательно тем, что А.И. Мамонтов, представитель русской купеческой династии, при публикации книги использовал 15 фототипий с изображением севера. История появления данного издания такова: в 1896 году в Нижнем Новгороде прошла знаменитая Всероссийская выставка строящейся железной дороги. По заказу Мамонтова павильон «Крайний Север», рассказывавший о богатстве края, проектировал и оформлял К. Коровин. В книге представлены фотографии того времени Новой Земли, набережной Северной Двины, Исакогорской насыпи, самоедов в тундре, настила, проложенного по болоту. Художник попытался не только в книге, но и в павильонном антураже передать свои северные ощущения. Его эскизы одобрил Василий Поленов.

В начале XX века в России широкую известность приобрело издательское товарищество «Р.Р. Голике и А.И. Вильборг» (1902–1918). 18 июня 1902 года император Николай II подписал Устав товарищества, тем самым утвердив «Товарищество на паях». Р.Р. Голике и А.И. Вильборг сразу получили звание «Поставщиков Двора Его Императорского Величества». В библиотеке Ф.А. Абрамова хранятся 2 книги этого издательства: «Нечистая, Неведомая и Крестная сила» С.В. Максимова (СПб., 1903) и «Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь» Б.В. Бессонова (СПб., 1909). Последняя принадлежала К.И. Коничеву, о чем свидетельствуют карандашная запись 1934 года, штамп и экслибрис на форзаце книги. Примечательно, что на форзаце книги приклеено стихотворение Михаила Дудина, посвященное К.И. Коничеву «Вологда зеленая...» [2]. Всего товариществом было выпущено около 50 изданий, среди которых встречаются шедевры книжного искусства. Сейчас многие издания имеют историческую и коллекционную ценность.

Большой букинистической и антикварной ценностью обладают издания издательства «Academia», существовавшего в 1921–1937 годах. Академическую книгу «Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения» [1] подарила К.П. Гемп Абрамову в 1981 году со словами: «Федору Абрамову. Честность, честь, боль – Ваши книги. Прозрение, горькое счастье – Ваш труд. Так думаю. Ксения Гемп. Сердечно. Архангельск, 13 августа 1981 г.».

Внимания заслуживают библиофильские издания, относящиеся по хронологическому охвату к первым годам советской власти (1918–1926). Так, в Петрограде в 1921 году в частном книжном издательстве «Алконост» вышли «Последние дни императорской власти» (Петербург, 1921). По неизданным документам книгу подготовил А.А. Блок, идейный вдохновитель и редактор «Алконоста». Всего за время существования издательства (1918–1923) в нем вышло в общей сложности 58 книг, включая почти все послереволюционные произведения А.А. Блока. Их отличало оригинальное оформление, тираж был невелик, порой не больше 333 экземпляров. Именно поэтому сегодня книги издательства «Алконост» являются уникальными библиографическими редкостями.

Ил. 1. Обложка книги

В библиотеке Ф.А. Абрамова оказались 2 книги петроградского издательства З.И. Гржебина (1919–1923), который предпринял издание книг по всем отраслям знания для читателей различного уровня подготовки. Документальное наследие российской революции было запечатлено в книге «Записки о революции» Н.Н. Суханова (Петербург, 1919). Первая книга «Мартовский переворот» вышла в свет весной 1919 года, когда издательство только-только приступило к своей профессиональной деятельности. На обложке и титульном листе

имеется неразборчивая подпись 16.VIII.1919, поставленная почти сразу после выхода в свет данного издания (ил. 1).

В 1920 году З.И. Гржебин заключил договор с Госиздатом на издание книг за границей. Он легализовал в Германии свою фирму, добился значительных льгот и развернул широкую издательскую деятельность в Берлине, затем в Стокгольме и Лейпциге. На высоком полиграфическом уровне было выпущено более 50 книг, в том числе труд Г. Покровского «Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.)» (Берлин, 1923). Книга вышла в Берлине в 1923 году. Но уже в октябре этого же года издательство прекратило свое существование. Сегодня книги издательства З.И. Гржебина являются редкими образцами книжного искусства 20-х годов прошлого столетия.

В библиотеке Ф.А. Абрамова, ценителя русской литературы, имеется прижизненное издание стихотворений С.А. Есенина (М.; Л., 1924), выпущенное издательством «Круг» в 1924 году. Издательство выпускало литературно-художественную русскую и переводную литературу, выдвигало некоторых современных «писателей-попутчиков» (так, впервые в «Круге» вышла «Улялаевщина» И.Л. Сельвинского). Небольшое количество книг этого издательства ставит их в один ряд с букинистическими, антикварными, редкими. Изучая есенинский сборник стихов, понимаешь, что именно эту книгу мог видеть сам автор, он с нетерпением ждал ее появления.

Ил. 2

Нельзя не упомянуть об отношениях Ф.А. Абрамова и К.И. Коничева. Книги из личной библиотеки вологодского писателя также хранятся в АОНБ. Они тесно общались, дарили друг другу книги, обменивались мыслями о советском издательском процессе. Об отношениях этих двух северных писателей говорят записи на книгах. К.И. Коничев пишет: «Сия книга дадена мною Федору Абрамову на воспользование сроком на 10 лет и 9 месяцев. 5/1 64. К.К.». Абрамов уже не смог вернуть книгу (Коничева не стало в 1971 г.), она так и осталась в его библиотеке. Две книги в авторском переплете ручной работы также были подарены Ф.А. Абрамову К.И. Коничевым (ил. 2).

Сатиновые обложки книг выдают пристрастие их автора к деревенской жизни, к фольклору, к народу.

Внимание привлекает небольшая книга, в которой всего 23 пожелтевшие страницы. Это произведение Н.А. Клюева «Погорельщина», отпечатанное множительным аппаратом в Санкт-Петербурге в 1930 году. При жизни поэта «Погорельщина» не публиковалась. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Клюев

читал ее на собраниях в квартирах знакомых литераторов, артистов, художников, что послужило впоследствии одним из главных поводов для обвинений его в «антисоветской агитации».

Необходимо отметить, что в 1929 году Клюев подарил рукопись «Погорельщины» итальянскому ученому-слависту, переводчику на итальянский язык Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкини и др. Этторе Ло Гатто, и таким образом она была сохранена и впоследствии издана в составе двухтомного собрания сочинений Н.А. Клюева, вышедшего в Нью-Йорке в 1954 году. В Советском Союзе отрывки из поэмы были опубликованы через полвека после смерти автора в книге «Стихотворения и поэмы» (Архангельск, 1986), а полностью поэма впервые была напечатана в журнале «Новый мир» (1987, № 7). Н.И. Толстой, советский и российский лингвист и фольклорист в предисловии к поэме пишет, что в России известны две машинописные копии поэмы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (г. Санкт-Петербург) и Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ. Ф. 43). В «Новом мире» публикация сделана именно по списку ИМЛИ. Сравнительный анализ опубликованного списка и машинописной копии из библиотеки Ф.А. Абрамова показал, что тексты близки; есть незначительные расхождения в словах (морские/лесные; весной/зимой). Таким образом, на сегодняшний день АОНБ является обладательницей третьего списка поэмы. Как невзрачная книжица оказалась в библиотеке писателя – загадка.

Личные библиотеки – заметная часть культуры любой страны. Особую роль личные библиотеки играют в российской провинции. Создание и бытование личных книжных собраний, их позднейшее хранение в различных учреждениях нашей страны, чаще всего в библиотеках, информация о них, доступность для использования обусловлены осознанием важности сохранения культурного наследия. Книги, ставшие в процессе исторического, полиграфического и культурного развития редкими, «рассказывают» читателю свою историю происхождения, бытования и значения в творческом пути писателя. Редкие издания из личной библиотеки Ф.А. Абрамова заслуживают особого внимания и изучения. Это драгоценные жемчужины среди книгоиздательского процесса досоветского и советского периодов.

Список литературы

1. [Аввакум]. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступ. ст. и коммент. Н.К. Гудзия. М.: Academia, 1934.
2. Дудин М.А. Вологда зеленая... // Литературная Вологда. 1959. № 5. С. 12–13.
3. Книжные памятники Архангельской области [Арханг. обл. науч. б-ка им. Н.А. Добролюбова: официальный сайт]. [Архангельск], 2004. Режим доступа: <http://svod.aonb.ru>.

**ОСТРОВНОЙ ЛОКУС В ПОВЕСТИ С.Б. РАДЗИЕВСКОЙ
«ОСТРОВ МУЖЕСТВА»**

Аннотация: Статья является частным этапом в исследовании Северного текста русской литературы для детей. В ней рассматриваются особенности островного локуса в повести С.Б. Радзиевской «Остров мужества». Автор анализирует хромотоп и систему образов персонажей, которые формируют художественную картину мира Севера в повести.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, островной локус, образ Севера.

Abstract. The article is a private stage in the study of the Northern text of Russian literature for children. It considers the peculiarities of the island locus in the story of S.B. Radzievsky "Island of Courage." The author analyzes the chronotope and the system of images of characters that form the artistic picture of the world of the North in the story.

Keywords: The Northern text of Russian literature for children, island locus, image of the North.

В северном русском сознании складывается своя концепция архитектоники мира, где земное пространство формируется, определяясь двумя ключевыми локусами: материковым и островным. В этой антитезе во «взрослой» литературе выражена идея противопоставления в мире и человеке материального, временного (материкового) и духовного, вечного, сакрального (островного). Наиболее отчетливо эта мысль реализуется в пространстве островных монастырей, которые занимают в духовном, культурном ландшафте Русского Севера особое место. Однако в Северном тексте русской литературы для детей островной локус получает иное наполнение, обусловленное прежде всего традициями приключенческой прозы, поэтому важное место в произведениях занимает мотив робинзонады.

В корпусе текстов о «северных робинзонах» выделяется повесть С.Б. Радзиевской «Остров мужества», вошедшая в ее сборник «Повести и рассказы» (1981 г.).

В основе повести лежит реальный факт – история о том, как четверо поморов больше шести лет после кораблекрушения жили на необитаемом острове Малый Берун (Броин, он же – Берун) архипелага Шпицберген. Однако в трактовке деталей писательница и историки несколько расходятся. По мнению последних, кормчий Алексей Химков, возглавлявший артель промышленников, собранную на деньги Мезенского купца Еремея Окладникова, вышел с товарищами в море летом 1743 года. С.Б. Радзиевская же в Предисловии к своей книге упоминает дату 1797 год. Кроме того, различные исторические источники неодинаково определяют степень родства Алексея и Ивана Химковых, называя последнего то братом, то племянником кормчего и указывая на его старший

подростковый, либо юношеский возраст (15–16 лет). Радзиевская же в своей книге изображает Ивана десятилетним мальчиком, сыном Алексея.

Думается, эти частные расхождения связаны не только с особенностями индивидуально-авторского художественного восприятия писательницы, но и с тем, что в XX веке в Северном тексте русской прозы для детей начинает складываться своеобразный художественный миф о поморах-робинзонах, поэтизирующий силу человеческого духа и интеллекта, способную противостоять дикой природной стихии. Миф этот отчасти связан с соцреалистическим утверждением – «человек сильнее обстоятельств» – и вниманием к положительным сторонам личности простого человека. История о поморах-робинзонах, овеянная героическим пафосом, стала подходящим материалом для детской приключенческой литературы, тем более что наряду с задачами воспитательными позволяла решать и обучающие – давать информацию о быте и промыслах северян, о природе и климате Заполярья.

Обратимся к тексту повести С.Б. Радзиевской подробнее. Уже название произведения – «Остров мужества» – ставит в центр повествования человека, которого испытывают судьба и Север.

Книга Радзиевской имеет черты романа-воспитания, поскольку одна из сюжетных линий воспроизводит историю взросления Ванюшки Химкова. Суровый северный остров рождает в юном герое художника: только в самом финале начинаешь понимать, что важной эстетической задачей автора было рассказать о творческом рождении талантливого мастера-костореза Ивана Алексеевича Химкова. Мотив творчества пронизывает весь текст повести и экстраполируется образом северного острова.

Мир острова у Радзиевской включает в себя специфические пространственно-временные компоненты, а также образы животных и человека.

Художественное пространство книги в целом выстраивается по принципу антитезы: автор противопоставляет мир дома героев, материкового Севера (Архангельска, Мезени) и мир острова. Первый возникает в воспоминаниях и снах Ванюшки о матери и в финале повести, где появляются образы дороги и северного леса и мотив прощания отца с сыном, выбравшим для себя *«не поморское счастье»* (здесь и далее цитаты из текста приводятся по изданию [1]).

Пространственная структура образа «Острова мужества» также в основе своей имеет антитезу: избушка, в которой живут герои-робинзоны, противопоставлена дикому, угрожающему миру острова. При этом изба промышленников с первых дней начинает восприниматься Химковым с товарищами как дом: *«"Домой" выговорилось так просто, что всем показалось, что так и надо. Где же им и дом теперь, как не в этой избушке?.. Вся их надежда тут»*. Автор наполняет описание избушки бытовыми деталями (стол, нары, незамысловатая печь, жирник, самодельная кузня) и подробно повествует о действиях героев, которые налаживают свой одинокий быт: *«Недалеко от берега, над навесом скалы, стоит маленькая, тоже засыпанная снегом избушка. На бревенчатой крыше тяжёлые камни, чтобы не унесло её бурей. Дверь низкая, не нагнувшись, – не войдёшь, но снегу около неё было мало: скала с этой стороны хорошо за-*

щищала избушку от ветра». Неоднократно в тексте возникают производные от существительного «уют» при характеристике зимовья («*Спасибо, Федя, – ласково проговорил кормщик, – приютил ты наше зимовье, а где тепло да сытно, там беда не живет*»), которые обладают оценочной семантикой.

Однако не менее подробна С.Б. Радзиевская и при создании образа внешнего по отношению к избушке природного мира острова: «*А за стенами избушки глухо гудело море, ворочались, трещали льдины припая. Шел прилив – большая вода*». Элементами внешнего пространства в тексте становятся море и ледяной припай, мороз, ветер, скалы с птичьим базаром.

Образ моря в повести получает как реалистическую, так и народно-поэтическую трактовку. Море – могучая и опасная стихия, угрожающая человеку. Об этом размышляет Ванюшка, глядя вниз со скалы птичьего базара: «*... шел прилив. Узкая прибрежная полоса скрылась под водой. Волны вздымались все выше, ударяли о скалы, рассыпались белой пеной. Разбиться, падая, о скалы, или прибой подхватит и сам о них разобьет...*». Об этом он думает, чуть не погибнув в гроте, который затапливают морские волны во время бури в главе «Встреча с нерпой».

Море живет собственной жизнью, неподвластной человеку (герой не смог спасти нерпу от касатки и сам чуть не погиб). Интересно, что таким угрожающим морю кажется главным образом Ванюшке, который в контексте книги противопоставлен остальным героям не только как ребенок взрослым, но и как художник, исключительная личность – обывателям. Его старшие товарищи, которые не знают «*другой жизни*» кроме поморской промысловой доли, воспринимают море иначе. Их взгляд выражен в многочисленных поморских пословицах, включенных в текст: «*Море, оно слабодушных не любит*»; «*Море того не любит, кто чужой бедой богатеет*». Море в синкретичном восприятии поморов – некая могучая стихия, божество, чья любовь обеспечивает удачу и благополучие, счастье человека, нелюбовь обрекает на гибель; оно «*готовит судьбу*» помора, определяет его долю; с ним связаны смерть (кораблекрушение, главы «На промысел» и «Дождется ли?») и жизнь. Собирая плавник и железо с обломков кораблей на берегу, герои размышляют: «*Чужую беду нам море на спасение выкинуло. С обломков этих, что раньше карбаса были, железа наберем. С тем и олешиков, и морского зверя промыслим. А может, и от ошкуя рогатиной отбиться доведется... Сколь тут много карбасов загубленных лежит. Может, и нашего тут железа, от нашего карбаса наберём, а того не знаем... Вечная тем память, чьи карбасы злая беда поломала и на берег вынесла. Только погибшим душам обиды нет, что мы с их обломков железа себе на спасение наберем*».

Близок в смысловом отношении к образу моря и ледяной припай, который актуализирует мотив единства северного мира. Как и во многих других произведениях северного текста русской литературы для детей, возникает в повести мотив слияния моря, неба и земли: «*И не понять было, где кончается край земли и начинается море: лед у берега и берег – все покрыто снегом. Мутное небо казалось чуть темнее белой земли, на нем еле видно солнце – бе-*

ловатый без блеска кружок». Морской припай – своеобразная граница между жизнью и смертью для героев. В начале повести, преодолевая его, четверо поморов спасаются от гибели и добираются до спасительной земли; с другой стороны, в главах «На промысел» и «Дождется ли?» на льдинах припая Степан, Алексей и Федор пятеро суток борются за жизнь с торосами и морем, уносящим их на оторвавшейся льдине.

Образ припая конкретизируется через образы арктических льдов и бури: *«Тучи все чернее, все ниже спускались, казалось, вот-вот лягут на море. Говорить было невозможно: льдины с грохотом лезли друг на друга, становились дыбом, опрокидывались. А то остановится льдина и крутится на месте, пока зимовщики не перестанут соображать – с какой стороны берег, с какой – открытое море»*. Припай оказывается особым отдельным пространством полярного мира, которое существует по своим законам. Повелитель этого микромира – ветер, определяющий движение льдов. Образ припая иллюстрирует философию бытия человека, помора: герои не способны изменить ситуацию, от воли человека в этом мире не зависит ничего, а вот его собственная жизнь зависит от того, насколько точно он будет улавливать движение стихий и стараться не преодолеть его, не форсировать ситуацию, а подстроиться под нее. Робинзоны у Радзиевской надеются только на судьбу и Бога: *«Не чувствует? Ветер снова переменялся, в голомя нас боле не гонит, будто вдоль берега пошли. Коли так, может, Бог благословит, льды сдвинутся, по ним до земли доберемся»*. Лексемы «чувствует», «будто», «может» указывают на то, что в своих действиях и восприятии герой руководствуется не столько разумом и опытом, сколько интуицией, верой и надеждой: человек перед лицом природной стихии мал и слаб, но именно подобные экстремальные ситуации становятся проверкой его истинной сути. Поморский промысел на припаяе, опасность, связанная с ним, высвобождают в героях подлинные нравственные качества. Алексей и Степан не бросают больного Федора: *«Знали одну свою простую поморскую правду: друга в беде покинуть негоже. По той правде жили, а если придется – с ней и умирать легче»*.

Кроме того, образ морского припая связан с мотивом красоты льдов, частотным для образа Арктики в Северном тексте. Устойчивым в повести Радзиевской становится сравнение морского льда с лебедем и башней: *«Льдины. Большие и маленькие, между ними, как белые лебеди, плывут падуны. Одни – это просто громадины сплошного прозрачного льда, другие, постарше, так изгрызены и истончены водой и солнцем, что стали похожи на башни, на обломки древних замков, а то и на диковинных зверей. Море немного утихло, падуны больше не бьют, не крошат малых льдин, все плывут по одному направлению»*. Писательница в отрывке использует прием субъективации авторского повествования: ее герои, даже находясь в смертельной опасности, не могут не замечать своеобразной красоты Арктики, того мира, с которым связала их судьба.

Так, например, безжалостный мороз, который *«ползет по стенам избышки»* белым инеем, чуть не убивает промышленников на оторвавшейся от припая льдине, приходит в мир прекрасно, с «шепотом звезд»: *«Звезды это шепчут.*

Знак дают. Стужа идет злая, теперь доведется дома больше посиживать, как бы вовсе не обморозиться». Он же рождает заполярное чудо – северное сияние.

Так и каменная, скалистая земля острова способна создавать красоту, от которой у художника Ванюшки подчас замирает сердце: *«... на бурой земле за светилось что-то ярко-желтое. Цветок! Крошечный полярный мак. Пригрелся в хорошо защищенном от ветра местечке и всеми лепестками радуется солнцу... Цветок как из чистого золота кованный! Сорвать не решился: завянет без толку. А сюда и другой раз придешь, на него полюбуешься».* От того, что эта живая красота – редкость на Острове мужества, она становится еще ценнее.

Образ скал связан и с птичьим базаром – традиционным элементом в описании арктического острова в Северном тексте. Он дан через восприятие Ванюшки: *«Шум птичьего базара был слышен издали. Скалистый берег спускался к морю, как стена с крутыми узкими уступами. Сверху хорошо было видно: на каждом уступе, где только можно было прилепиться, сидели птицы, тесно прижимаясь к каменной стене. Другие тучей летали около стены, спускались к морю и опять взмывали – ловили рыбу».* Птичий базар ошеломил героя своим криком и внутренней динамикой и чуть не принес ему гибель. В этом эпизоде Остров мужества вновь испытывает Ванюшку: избежав опасности сорваться со скалы, он вновь хочет спуститься вниз, на что Степан, повторяя слова старшего Химкова, называет мальчика *«настоящим грумманланом».*

Таким образом, художественное пространство островного локуса в повести актуализирует древнейшие в мировой культуре смысловые оппозиции «человеческое – природное», «свое – чужое», «жизнь – смерть».

По принципу антитезы, с одной стороны, выстраивается и художественное время. Автор противопоставляет полярные день и ночь. Интересно, что конкретизируются они в соответствующих астральных образах. Полярный день – в образе солнца, ночь – северного сияния и звезд. По положению солнца и звезд герои-поморы определяют время: *«Кормщик только по звездам примечал, где кончается день и настает такая же темная ночь. Учил тому и молодых. Ванюшке эта наука очень нравилась, то и дело в ясную погоду норовил в двери выглянуть: на много ли Лось на небе повернулся, который час показал».*

Образу солнца как жизнеподателю уделено большое внимание в повести. По вечерам герои отмечают его красный цвет: *«А солнце уже чуть не к самым торосам на горизонте снизилось, покраснелось, словно лахтачья кровь до него добрызнула».* О низко поднимающемся и быстро уходящем в начале зимы солнце Ванюшка говорит: *«Вишь как зеленилось... точно его за ремень кто привязал да вниз тянет».* Авторское сравнение с мячом получает солнце, ведущее за собой полярную ночь: *«Солнце уже не отрывалось от земли. Один день, словно мячик, оно покатило по земле, потом до половины и меньше стало показываться, наконец, самая макушка из-под земли покраснелась и спряталась».* Отдельная, десятая, глава посвящена возвращению солнца и дня в мир, которое герои отмечают как праздник: *«Край неба покраснел у самого горизонта, все ярче, краснее. И вдруг, в этой красноте, он не заметил, как по-*

явилась черточка еще ярче. Появилась и стала расти. Вот уже не черточка, а точно краюшка горбатенькая. Все выше показывается и плывет, краснея, в небе. Но что это? Опять пониже стала, поменьше, самый-самый краешек блеснул и пропал. Все! Небо еще густо краснеет, а солнца уже нет».

Солнце, как и море, изображено не только в реалистическом, но и в народно-поэтическом ключе. Алексей Химков «торжественно», словно читая молитву, обращается к нему: «*Батюшка-солнышко, взгляни на нас опять, не забудь!*». В синкретичном сознании помора солнце – свет и жизнь – связывается с могучим и милостивым Богом, дарующим надежду на преодоление долгой ночи и смерти.

Полярная ночь устойчиво ассоциируется с северным сиянием и звездами. Образ сполохов актуализирует в тексте антитезу «дом – остров». Ванюшка, глядя на северное сияние на острове, вспоминает то, которое видел дома: «*Но такой игры дома не бывало: все небо красным, а то зеленым да золотым возьмется, точно кто разноцветными крыльями машет, и огни все переливаются. Светло делается, чуть как не днем, век бы смотрел. А потом вдруг все разом погаснет, и ночь еще черней кажется, пока глаза к ней опять не привыкнут. Тогда станет видно, как белый снег и от звездного сияния чуть отсвечивает».* Игра северного сияния развлекает мальчика, которому «скушно» без солнца: и полярная ночь – тоже форма жизни, поэтому неслучайна и ассоциация с птицей, которая возникает в описании. Кроме того, особую полярную природу сполохов подчеркивает и внезапность их появления и исчезновения, выраженная словом «вдруг». Сполохи, как и «вдруг» исчезающее солнце, «вдруг» начинающаяся буря, – особое природное проявление Севера.

Близок к образу северного сияния и образ звезд: «*Тут случилось удивительное, что только в этих местах бывает: рев бури оторвался, словно его и не было. Ветел улетел в другие места и утащил за собой тучи, покрывшие небо. Полная луна засияла так ярко, что звезды около нее потускнели, а снег засветился синими огоньками».* Устойчивым при характеристике звезд становится мотив отражения их света снегом: «*Белый снег от сияния звезд мутно отсвечивал. На нем чернели отдельные камни и скалы: на крутых боках снег не держался. Небо то ли черное, то ли синее – не разобрать, но чистое, все звездами усыпано».* Он актуализирует семантику единства неба и земли в тексте. Именно на затерянном в северном море острове героям дано почувствовать эту суровую гармонию.

Органичной частью природного космоса в картине мира острова становятся животные и человек. Сквозным образом в тексте является белый медведь – негласный хозяин острова. Его читатель видит в начале повести, в нескольких сценах охоты, в эпизодах нападения на избушку, герои встречаются с ним на ледяном припае, на берегу залива, попадают к нему в берлогу и пр. Интересно, что образ медведя особо выделен писательницей с помощью субъективации авторского повествования: в начале повести с его точки зрения рассказывается о появлении робинзонов на острове, а глава «В берлоге» акцентирует внимание на том, как медведица ищет место для зимовья. Радзиевская точна в описа-

нии возможного поведения хищника, его агрессивности и любопытства, только в этой главе образу медведицы, пожалевшей Ванюшку, приданы человеческие черты: *«Ванюшка запрокинул голову, а медведица опустила свою. Маленькие черные глаза встретились с широко раскрытыми голубыми и задержались на них... Черные глаза на мгновение заглянули в голубые, и белая узкая голова исчезла в темном проломе берлоги.*

- Пожалела!».

Образ глаз как выражения внутренней сути объединяет в этом эпизоде человека и зверя. Ошкуйница жалеет мальчика, как он жалел животных, на которых приходилось охотиться; оставляя жизнь Ванюшке, природа с благодарностью отдает долги.

С темой охоты связаны в повести образы песцов, нерпы, белька, лахтака, северных птиц. Ванюшка от Степана и отца перенимает на северном острове не только охотничий промысловый опыт, но и неписанные нравственные поморские законы отношения к природному миру. Так, во время первой охоты на оленей Степан объясняет мальчику, почему нужно стрелять в самца, а не в важенку: *«А то в толк возьми: важенка теленка принесет. А ты ее убил и приплод с ней пропал. А которые того не понимают, не промысленники они, а живодеры»*, а после добавляет: *«Зверю зря мученье делать не положено»*.

В главе «Ночная охота» Степан излагает особую жизненную философию опытного, внимательного, осторожного и чуткого по отношению к окружающему миру промышленника: *«Месяц... на другую половину круга перешел. По которому же он небушку ходит? Гляди, тень-то с другой стороны от камней да от торосов на берегу перекинулась. Ты примечай, оно все тебе путь указывает. Привыкнешь эту науку разгадывать, и везде под небом родной дом будет»*. Идиома в последнем предложении может быть рассмотрена в контексте художественной картины мира повести как актуализирующая семантику связности мира и человека. Мир для помора, внимательно наблюдающего за окружающим, не убивающего ради забавы, уважительно относящегося ко всему живому, в широком смысле может восприниматься как родной дом.

Особое внимание уделяет автор реакции Ванюшки на охоту. С одной стороны, его *«забирает» «охотничья лихорадка»*. Это нервное напряжение соотносимо в контексте повести с творческим азартом, вдохновенным желанием передать образ материалу, которое охватывает юного героя и выражается в физическом ощущении: *«и сразу по пальцам колотье пробежало»*.

Импульсом для творчества героя является острая жалость, которую он испытывает к животным, – мотив, также связанный с охотничьей темой: *«Я важенку с теленком никогда не трону, только олешка. А нерпу бьют, она на белька своего глядит, слезами плачет. Я того терпеть не могу»*. Степан, определяя эту особенность восприятия, отмечает: *«Нету в нем страха... Жалость в нем большая, сердце звериной муки не терпит»*. В своих резных скульптурах мальчик как бы запечатлевает живые эмоции, которые он наблюдает в жизни: нападающего медведя, нерпу с бельком... Искусство рождается от не-

равнодушия и «оголенности» души, неслучайно Алексей переживает за сына: *«А как ему с таким сердцем на свете жить?»*.

Кроме того, сквозным мотивом, связанным с образами поморов, становится мотив труда. Это не просто сознательное усилие, деятельность, которая обеспечивает выживание на необитаемом острове, это и самоцель; труд организует время героев, не позволяет им впасть в отчаяние (*«За работой веселеет душа»*). Он не просто приносит материальные результаты (наконечники для копий и рогатин, утварь, календарь, одежду и пр.), но и гармонизирует психологическое состояние, это еще и внутренняя работа. Так, особых усилий от Алексея, как старшего, требует недопущение психологического конфликта между Степаном и Федором в начале книги.

Особое отношение к труду как норме жизни, ее смыслу и наполнению, отличает в книге Радзиевской героев-поморов. Эта и другие специфические черты северо-русского варианта национального характера (немногословие, твердость духа, мужество, верность) раскрываются не только в сюжете книги, но и во внесюжетных элементах, например, во вставных эпизодах – рассказах героев в начале повести. Автор противопоставляет историю Федора о *«слабых духом»* англичанах, для которых смерть казалась более притягательной, чем *«вечное поселение»* на Груманте, и рассказ Алексея о русских поморах Пафнунтии Анкудинове и Иване Узком, которых опыт и доверие друг другу, спокойствие и сила духа приводят к желанной цели. Химков напрямую сопоставляет себя и своих друзей с героями последней истории, замечая: *«Так-то, Федя, не аглицкие люди, а мы, поморы, свои морским званием, свои духом живем. Хоть и закинула нас злая непогода на Грумант, а мы не аглицкие висельники, духом не падем и родные берега увидим»*.

Символично, что именно словом *«засвечивает»* кормщик в своих друзьях надежду. Народное поморское слово в тексте повести, явленное в многочисленных пословицах и поговорках, воплощает творческое начало и выступает как средоточие национального духа: *«Всякое утешенье в помощь человеку окажется»*; *«Хворь на лежачего кидается, а стоячего бежит»*.

Таким образом, островной локус явлен в повести Радзиевской через сложный образ Груманта-Шпицбергена, созданный на стыке реалистического и народно-поэтического восприятия. Автор подробно характеризует художественное пространство, которое выстраивается на смысловых антитезах *«большая земля (дом) – остров»*, *«избушка – природный мир острова»*. Центральными также становятся метафоры *«остров как дом»*, *«мир как дом»*, которые также реализуются в тексте. Художественное время выстроено на оппозиции *«день – ночь»* и подчинено календарному принципу, причем основные элементы противопоставления конкретизированы через астральные образы солнца, северного сияния и звезд.

Образы обитателей острова – животных и человека, – с одной стороны, противопоставлены как представители дикого природного и социального миров, а с другой – связаны сквозной темой охоты и лейтмотивами единства мира и творчества.

При создании образов героев автор обращает внимание не только на их индивидуальные портретные и психологические черты, но и на их связь с северно-русским поморским миром. Они представляют собой специфический единый собирательный образ помора-промышленника и художника.

Список литературы

1. Радзиевская С.Б. Остров мужества. URL: www.rulit.me/books/ostrov-muzhestva.html (дата обращения: 14.08.2018).

А.В. Петров

«ВОЗЖЕЧЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...»: КСЕНИЯ ГЕМП И ФЕДОР АБРАМОВ

Аннотация: В статье говорится о духовном родстве и человеческой дружбе двух выдающихся личностей Русского Севера – Ксении Гемп и Федора Абрамова. Приводятся письменные свидетельства, воспоминания об их общении, анализируются творческие переключки их литературного наследия.

Ключевые слова: Ксения Гемп, Федор Абрамов, северные говоры, северный фольклор, разговорная речь.

The article discusses the kinship and friendship of two outstanding Northern Russians – Ksenia Gemp and Feodor Abramov. We examine written evidence, reminiscences of their contact, and its resonances in both personages' literary heritage.

Keywords: Ksenia Gemp, Feodor Abramov, Northern dialects, Northern folklore, colloquial language.

Публикация выступления Федора Абрамова на архангельском телевидении 11 октября 1981 года в сборнике публицистики писателя «Чем живем-кормимся» (Ленинград, 1986) вышла под названием «Возжечь человеческое...». Выступление было приурочено к премьере спектакля Архангельского театра драмы имени М.В. Ломоносова «Дом» по роману Ф.А. Абрамова. Фрагмент выступления, давший название публикации, звучит так: «Артисты для того и артисты, чтобы возбудить, взбудоражить зал, накалить его своими гражданскими чувствами, чтобы возжечь человеческое, в каждом человеке поднять человеческое! Пробудить в человеке человеческое. Вот, в конце концов, задача всякого искусства, в том числе и театра! Накалить!» [1, с. 425].

Эта же фраза «Возжечь человеческое...» стала заголовком воспоминаний Ксении Петровны Гемп о Федоре Абрамове, они были опубликованы сначала в газете «Северный комсомолец» от 24 февраля 1990 года, затем перепечатаны в сборнике «Федор Абрамов и Север» (Архангельск, 1992). Видимо, не случайно

выбор пал на такое заглавие воспоминаний, поскольку эта заветная для писателя фраза, в которую он вложил свое заветное, выстраданное понимание задачи искусства, как нельзя лучше подходит для него самого, для его творчества и гражданской позиции, ведь именно так можно и нужно охарактеризовать значение духовного наследия самого Федора Абрамова. Причем здесь на месте именно «возжечь» – высокое, поэтическое, старославянское по происхождению, а не, допустим, будничное «зажечь», да и субстантиват «человеческое» без какого-либо определяемого слова точнее всего передает суть высказывания.

На той премьере Ф.А. Абрамов был вместе с К.П. Гемп, о чем свидетельствует неоднократно опубликованная фотография Валентина Гайкина. Читаем у известного архангельского журналиста Евгения Салтыкова: «А как был рад пригласить К.П. Гемп Федор Абрамов на премьеру спектакля по его роману «Дом»! В зале они сидели тогда рядом – 1 октября 1981-го. Как волновался писатель...» [14].

После премьеры спектакля – 11 октября 1981 года – состоялась встреча Федора Абрамова с архангельской интеллигенцией в Архангельском отделении Союза театральных деятелей (тогда еще Всероссийского театрального общества), в зале, который сейчас, видимо, неслучайно называется Абрамовским. Встреча была записана на магнитофон, на основе этой записи была сделана публикация сначала в журнале «Север» (1984, № 7), затем в книге «Чем живем-кормимся» (1986). Именно на этой встрече прозвучали восторженные, пламенные слова писателя о Ксении Петровне Гемп: «Это человек, который достоин, чтобы к ней просто ходили на поклон, паломничества совершались. Это человек невероятный, это живая история вообще всего Севера. <...> Живая бестужевка! Это невероятно сегодня, а она вот тут под боком живет. И, наконец, она человек обостренного чувства слова<...> А вообще перед Ксенией Петровной я преклоняюсь. Я радуюсь, что такой живет человек в Архангельске и вообще на свете» [1, с. 191].

Ксения Петровна на той встрече не была, однако эти слова ей довелось услышать в особых обстоятельствах. Вспоминает известный архангельский журналист Вера Румянцева (к слову, именно ее записка с вопросом о судьбе рукописи К.П. Гемп стала поводом для пламенной речи Абрамова):

«После кончины писателя Ксения Петровна собрала домашний вечер его памяти. Потом Абрамовские вечера у Гемп стали такой же непреложной традицией, как Пушкинские. Но первый был потрясением. И прежде всего – для хозяйки.

Кто-то по просьбе Ксении Петровны принес магнитофон. И она предложила начать с прослушивания пленки, которую писатель, уже больной, прислал ей в подарок, а она вот так и не смогла познакомиться с ней, да и техники нужной в хозяйстве не было.

Включили магнитофон. На мгновение всех буквально оглушил живой, страстный голос Абрамова. Звучал он не по-домашнему, а как с амвона, с пафосом, на который Федор Александрович был способен перед большой аудиторией. <...>

Потрясенная и своим голосом, и тем, что всё это о ней да еще принародно (если б знала, разве устроила бы такое прослушивание?!), она встала. Так, стоя, бледная, как-то мигом осунувшаяся, и выслушала до конца его похвальное слово. <...>

Наверное, мы в это время просто перестали для нее существовать – она была наедине с ним. А он сказал то, что никогда бы не осмелился сказать наедине. Будто хотел попрощаться навсегда» [13].

Этот эпизод красноречиво свидетельствует о духовном родстве двух выдающихся личностей, уроженцев и певцов Русского Севера, истинных его радетелей – Федора Абрамова и Ксении Гемп. Об этом духовном родстве, о творческих переключках их наследия хотелось бы рассказать в статье.

Федор Абрамов буквально боготворил Ксению Петровну Гемп. Как замечает В. Румянцева, это слово «боготворил», которое, кстати, не нравилось самой К.П. Гемп, «вместило и уважение, и преклонение, и почти школярскую робость перед “человеком невероятным”. Он и не скрывал, что рядом с ней чувствует себя учеником. Но это было счастливое ученичество. Каждая встреча с ней давала пищу для его неутомимой мысли» [13].

К.П. Гемп скрупулезно подсчитает: «С Федором Александровичем Абрамовым я встречалась двенадцать раз. Трижды в Ленинграде и девять раз в Архангельске. В 1973–1981 годах. Были встречи и короткие, были и встречи – длительные разговоры» [7, с. 134]. В другой раз она скажет: «Мы знакомы были в общей сложности 17 лет, а четырнадцать лет нас связывала крепкая дружба» [10].

В заметках Ф.А. Абрамова «2 часа у Гемпов», датированных 27–28 марта 1976 года, читаем: «Я давно мечтал познакомиться с Гемпами. Много о них слышал, не раз читал в газетах. Но как побороть свою крестьянскую стеснительность? <...> Выручил меня на этот раз главный идеолог Архангельска, секретарь обкома Сапожников – его я упросил поехать со мной» [4, с. 14].

Журналист Евгений Салтыков в 1989 году пишет: «О феноменальной памяти и трудах Гемп много был наслышан, в том числе и от Дмитрия Сергеевича Лихачева, наш земляк, писатель Федор Абрамов. А вот встретиться с ней и воочию убедиться в этом Федору Александровичу довелось в свои последние годы. Первая такая встреча произошла 12 апреля 1981-го. Остается только горько сожалеть, что никакого диктофона по этому случаю тогда не оказалось, а отрывочные беглые записи в журналистском блокноте не воспроизведут и в малой степени весь колорит долгого вдохновенного разговора двух самобытных наших современников, радетелей северного народного слова и земляков» [14].

В тот день Ксения Петровна подарит Абрамову свою фотографию с надписью на обороте: «Федору Александровичу Абрамову на память о хорошей беседе. Вопросы на беседе были “в точку”. 12 апреля 1981 г. Архангельск. Ксения Гемп» [5, с. 40].

А вот что написано в новой книге Сергея Доморощенова об Абрамове «Великий счастливец»: «Федор Александрович был наслышан о К.П. Гемп, гордости просвещенного Архангельска, знатоке Севера. В 1972 году предста-

вился случай познакомиться с ней – без договоренности пришел к Гемпам в гости с двумя знакомыми мужа Ксении Петровны. Она написала: “В тот вечер интересного разговора не завязалось, все о чем-то говорилось «вообще». Осталось первое впечатление: нервный, внимательный, может быть даже любопытный. Все оглядел вокруг и, кажется, сделал для себя какие-то выводы”.

На следующий день Абрамов пришел один. Разговор получился уже другим. “Вы в двух веках живете”, – сказал гость. – “Не одобряете?” – “Нет, завидую”» [9, с. 294].

Как видим, налицо нестыковки в датах, в событиях, в фактах, однако не это главное, важно, что духовное родство, настоящая человеческая дружба К.П. Гемп и Ф.А. Абрамова были, они бесспорны и непреходящи.

Вот своеобразная переключка дарственных надписей на книгах.

«Ксении Петровне и Алексею Германовичу с земным поклоном от пинежанина. 25 марта 1976 г. Ф.Абрамов» [10].

«Федору Александровичу – пинежанину. Пинежане-то тоже поморы, ходили и до Груманта. Пинежанам-поморам от меня всегда привет. Ксения Гемп. 1 апреля 1981 г. Архангельск» [5, с. 39].

«Милой и бесконечно дорогой Ксении Петровне Гемп, встреча с которой дала мне столько радости, веры и света! 20 апреля 1981 года. Ф. Абрамов» [10].

«Федору Абрамову. Честность, честь, боль – Ваши книги. Прозрение, горькое счастье – Ваш труд. Так думаю. Ксения Гемп. Сердечно. Архангельск. 13 августа 1981 г.» [5, с. 39].

О немалом эмоциональном воздействии Ксении Петровны Гемп на Федора Абрамова напишет сам писатель в личных заметках: «Я ушел от Гемпов потрясенный. И теперь часто обращаю свой внутренний взор туда, на Север, в город на берегу Двины, где в тесной комнатенке в коммунальной квартире догорают два русских светильника» [4, с. 15]; «Внешний вид. Я любовался... Свет исходил от нее. Радость. Счастье общения. Когда еще я был так счастлив за последние годы?» [4, с. 15]; «Я был в неважнецком настроении. Ксения Петровна меня воскресила. От нее хлынул небывалый свет. Беседы с ней, общение смыли с меня всю пыль и грязь повседневности, весь мусор тщеславия – я вышел от нее как из духовной бани...» [3]; «...а какой человечнице! Как солнце всё вокруг освещает» [12, с. 286]. Как видим, основное и главное в характеристике К.П. Гемп для Абрамова – свет, ярчайший символ, точнейшая метафора.

А вот впечатления К.П. Гемп об Абрамове как человеке и как писателе:

«Характер Федора Александровича не был веселым. Он был сосредоточенным, иногда угрюмым. Но добрейший человек. Помогал кому и как мог, втихаря, негласно. Сам ценил помощь. Мог быть и грубым, и резким – не стеснялся оборвать резко. Мог накричать. И мог быть бесконечно ласковым и внимательным, походил на ребенка. Разнообразного характера был Федор.

Серьезно относился к своей работе и прислушивался к мнениям. Для него большой труд – несказанное мучение, а конечный результат – несказанная радость» [10].

И еще: «Для писателя первое требование – Талант. Бесталанному с народом говорить нечего. Второе – мало хорошо знать многие жизненные вопросы, надо их знать очень хорошо. Тогда что-то у писателя выйдет. А третье обстоятельство: писатель должен твердо стоять на моральных установках. Федор Абрамов никогда не боялся сказать не к месту. Был честным во всем» [10]. Вера Румянцева пишет: «Ксении Петровне в радость было общение с писателем, мучительно и страстно ищущим высшую Правду» [13].

Федор Абрамов многое сделал, чтоб вышла в свет книга Ксении Гемп «Сказ о Беломорье», он предложил и ее заглавие, первоначально рукопись называлась «Памятные встречи» (см. [1, с. 190]): «Ксения Петровна согласилась. Сказ – слово неоднозначное. Бытует оно в просторечии и как повествование. Коротко и ясно. Вот и весь сказ» [14]. На встрече с архангельской интеллигенцией Ф.А. Абрамов скажет: «Я очень хотел, чтобы эта книга увидела свет, и, разумеется, со своей стороны почти, сочту за счастье сделать все, чтобы это случилось. И я это делаю» [1, с. 191]. И добился вместе с Д.С. Лихачевым публикации. Правда, первое издание вышло в урезанном виде, второе – дополненное – выйдет только в 2004 году, после смерти К.П. Гемп.

Абрамов летом 1981 года в Верколе напишет предисловие-напутствие к книге, которое впервые будет опубликовано в выходившем почти двухмиллионным тиражом журнале «Огонек» (1982, № 21) вместе с фрагментом будущей книги: «Это свободный раскованный рассказ человека, который выступает в самых разнообразных ипостасях: то как неутомимая, более чем с пятидесятилетним стажем труженица моря, то как ученый-биолог, то как географ и историк, то как этнограф и фольклорист. И потому таким богатством содержания и красок отличается эта книга. Книга, которая, я не сомневаюсь, будет с живейшим интересом встречена самым широким читателем» [1, с. 360]. К сожалению, книга вышла в 1983 году уже после смерти писателя, а его подпись в предисловии будет помещена в траурную рамку.

В свою очередь Ксения Петровна оказывала большую помощь Федору Абрамову, желавшему знать впечатления о своих произведениях и выступлениях. Она неустанно собирала рассказы о писателе, отзывы о его книгах. В своих воспоминаниях она пишет: «Видя, какой интерес вызывают произведения Ф.А. Абрамова у читателей разных возрастов и профессий, я решила записывать их отзывы. Знакомых у меня много, разговоры о литературе ведутся часто. Меня немало удивило, что читателей у Абрамова среди людей “простых” профессий больше, чем среди “престижных”. Таких записей у меня 58» [7, с. 136]. И приводит наиболее любопытные и показательные. «Старый рыбак сказал о вас: “Федор-то Александрович наш писатель”. Это признание от сердца и разума. Чего вам еще надо?..» – напишет Гемп Абрамову, видимо, в ответ на какие-то сомнения писателя [9, с. 344–345].

У Сергея Доморощенова читаем: «Гемп записала слова Абрамова о том, что писатель не должен ждать пощады от критиков; “не щадить того, что считает ложным, позорным. Ценить Человека. Надо, чтобы писательское произведе-

дение будило мысль и чувства, побуждало к действию, помогало различать добро и зло, помогало жить» [9, с. 294–295].

Еще очень трогательный факт. Вера Румянцева вспоминает: «Было и такое. Абрамов уже в Ленинграде, а ей до самых холодов приносят от него великолепные букеты цветов; одни не успевают утратить свежесть, а на столе уже новые...» [13]. Федор Александрович оставлял деньги Евгению Салтыкову и просил его покупать Ксении Петровне живые цветы. Она напишет Абрамову: «Цветы – очей очарование. Евгений Евгеньевич выбрал лучшие и отлично подобрал расцветки гвоздик» [9, с. 218–219].

И еще более пронзительное – это трепетное отношение Ксении Петровны к последнему букету Федора Абрамова, который она засушит и будет хранить как драгоценную реликвию (об этом см. [10; 13]).

Но именно К.П. Гемп могла позволить себе отчитать Абрамова за какие-то его слабости, у В.Н. Румянцевой читаем: «Так, однажды ему крепко досталось от архангельской гостыи за излишества в рабочем кабинете. Он-то в почти ребяческой гордости выставил там всякие сувениры, подаренные ему за рубежом, а она сочла это просто неприличным для писателя. Стерпел, слова поперек не сказал. А когда жена рванулась на защиту, цыкнул: “Молчи!”» [13].

Абрамов восхищается трудами и открытиями Ксении Петровны, удивляется ее человеческой энергии, феноменальной памяти: «ученый с мировым именем в области водорослей», «за одну только разработку собственного метода получения пенициллина могла войти в историю медицины», «человек удивительной энергии», «кладезь всяческих знаний», «Непоседа! Всю жизнь в движении, всю жизнь барахтанье в человеческом муравейнике», «хранительница», «истинный интеллигент» [4, с. 15–16]. Возмущается писатель невниманием к ней властей, общественности: «Ходят к ним, восхищаются их бескорыстием, подвижническим служением Родине, в газетах о них пишут, а что бы не похлопотать о квартире для них, о мало-мальски сносных условиях существования?» [4, с. 14]; «Но власти не ценят ее. Заходят всякие жучки... Шушера. Обижают» [4, с. 16]; «Архангельску бы гордиться ею, на руках носить, а они элементарных бытовых условий для нее не создали. <...> А сколько почетных граждан в Архангельске? А самый великий нынешний житель города этого звания не имеет» [12, с. 286]. Почетным гражданином Архангельска Ксения Петровна станет в 1984 году, в год своего 90-летия.

Ф.А. Абрамов проявлял постоянную заботу о Ксении Петровне Гемп: «Когда я приезжала в Ленинград, – говорит К.П. Гемп, – Федор ни разу не пропустил, чтоб не встретить меня, хотя надо ехать в Пулковое встречать архангельский самолет. Ни разу не сказал, что нету времени вас проводить. Отвезет, посмотрит и скажет: “Эта женщина должна сидеть на переднем месте у окна”», а в аэропорту Архангельска ее уже ждала машина [10]; «В письмах из Ленинграда или своей родной Верколы Федор Александрович неизменно спрашивал: “Как там К.П.? Как она чувствует себя? Все ли в порядке?”», – делится с читателями Е.Е. Салтыков [14].

Федор Абрамов высоко ценил стиль и слог сочинений Ксении Гемп, о чем говорил ей непосредственно. Евгений Салтыков передает его слова: «Ксения Петровна, о давних временах вы пишете современно, люди вашего возраста старым слогом пишут обычно. Это не комплимент – на самом деле так. Читаешь вами написанное – не оторвешься, истинный бог, говорю...» [14]. Ксения Гемп, в свою очередь, отмечала: «Федор Абрамов не только писатель, а великолепный докладчик, выступал без конспектов, бумажек. Начинал спокойно, разгораясь постепенно “входил в раж”, как он сам выражался. Убедительно говорил» [10].

Каковы же творческие переключки К.П. Гемп и Ф.А. Абрамова? Прежде всего то, что оба трепетно относились к живому народному «родниковому» северному слову. Сравним их высказывания об этом.

Вот Ксения Гемп: «На Севере знают и почитают устное народное творчество, ценят слово – мудрое и меткое, слово, смягчающее печаль, слово веселое, разгоняющее тоску. Уважительно относятся у нас к творцам, сказителям – хранителям, а также и к собирателям былин, старин, сказываний, песен, сказок, поговорок, загадок, речений и слов. Все эти творения – сокровищница языка, показатель его развития, зеркало истории, характера народа, его чаяний, достижений его культуры» [8, с. 135]; «Высоко ценилась и ценится образность речи на Севере, особенно в Поморье. Здесь встречаем мы творцов слова силы необычайной. Они передают глубочайшие чувства человека, не передаваемые никакими другими средствами, даже музыкой» [8, с. 195].

А вот Федор Абрамов: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем, будь ли то обычная бытовая речь или по-местному “говóрю”, то ли песня и сказка, то ли героическая былина и искрометная скоморошина, то ли задиристая и забористая частушка» [1, с. 31]; «Север – это заповедная земля нашей национальной культуры. Сказки, былины – всё, что изначально создано русским народом, нашими дальними предками, пращурами нашими, всё здесь еще до сих пор, даже сегодня, сохранилось в первозданной красоте» [1, с. 182].

Интересны зафиксированные К.П. Гемп разговоры с поморами о живом слове, о языке: «Поразительна точность поморского слова. Заслушаешься»; она записывает объяснение простого рыбака: «Живое слово – это когда вопросы задаешь, путь для своей мысли прокладываешь с помощью книг или газет или разговоров» [8, с. 136].

Ф.А. Абрамов признается в интервью 1972 года: «Когда я приезжаю в деревню, то буквально омываюсь в живых родниках речи. Слушая родную “говóрю”, я чувствую себя счастливым. Через слово возвращается ко мне мое детство, открывается та среда, откуда вышел я и все мои герои» [1, с. 451]. И действительно, можно сказать, все произведения писателя питались из такого живого родника. В том же интервью читаем: «В любой деревне есть мастера и мастерицы речи, и на моей родине живет немало старух, с которыми я встречаюсь каждый год. Мне просто доставляет неизъяснимое удовольствие слушать их разговор, саму интонацию, замечать, как перемешиваются в речи самые раз-

народные лексические элементы: и ласкательные, и грубые, и деловые, и сентиментальные» [1, с. 449].

Ксения Гемп создает уникальный, единственный в своем роде «Словарь поморских речений» – истинную сокровищницу народного языка, и сама поражается. «Когда сегодня перебираю свой словарь, – удивляюсь: неужели это я собрала? А ведь за этим словарем – вся моя жизнь» [8, с. 277].

В творчестве Федора Абрамова, великого писателя-деревенщика, черты северных говоров не представляются чужеродными вкраплениями, они являются органичной составляющей его художественной речи, для него северный говор – родной, материнский язык. Ему не нужно пересиливать себя, выискивать, собирать, запоминать, осваивать северную лексику, особенности северной фонетики и грамматики, чтобы вставить их в свое произведение как номинативное или образное средство. Он буквально «транслирует» северный говор в художественный текст, становясь проводником и защитником родного языка, тем самым повышая его статус.

Ш.З. Галимов отмечал: «Писатель должен вслушиваться в язык народа и отбирать из него всё самое свежее, яркое, меткое – это важнейший путь обогащения языка поэзии. Народная жизнь, народная стихия, народная речь – по Ф. Абрамову – живительные родники литературы. Художник слова никогда не должен отрываться от этих питательных ключей: они дают ему силу, наполняют его “колодец”» [6, с. 230]. Сам Абрамов был убежден в том, что «писатель должен быть не столько словотворцем, сколько словодобытчиком» [1, с. 489].

Ксения Гемп с любовью и трепетом записывает поморские разговоры, особо выделяет женские, семейные разговоры, каждый из которых воспринимается яркой, выразительной прозаической миниатюрой, подобной тем, которые помещает в своей книге «Трава-мурава» Федор Абрамов. Вот, например, «Бабий разговор», подслушанный и обработанный мастером:

« – А я, женки, то говорю: Бога забыли.

– Не плети! Не забыли. Пущай вместо молитв наша работа будет. Как думаешь, примет Бог-то заместо молитв нашу работу?» [2, с. 27]

А вот запись Гемп, так созвучная мыслям, тревожащим писателя – народного заступника:

« – Не пойму, что деется. Куда народ из деревни бежит? Это в войну деревню жали. Понимали мы, терпели, для своих работаем. Армию кормить, обувь надо. Теперь облегчение, меньше жмут, а люди бегут, не работают.

– Бегут, потому что мало еще нашей поморской деревне внимания. А чем город жить будет без деревни? Ситцем, самоварами, зеркалами сыт не будешь. Придут обратно, в ноги будут кланяться беглецы эти: “Пустите в отцовы дома!”» [8, с. 154].

Вот образец народного монолога из маленького рассказа Абрамова «На века́»: «Я додвою замуж выходила. За другого вышла, уж девка на выданье была. Всё крепилась, всё честной вдовой жила. Да налоги-те больно больши стали, до пятьсот да боле платить надоть. Вот девка-то у меня рассудительна была: “Мама, уж нето тебе идти, как жить-то будем?”» [2, с. 26].

А вот народный монолог, записанный Гемп: «Ушел мой муж на войну безвозвратно. Не возвернулся в дом свой. А дом-от родимый спервоначалу, а потом наш с им, семейный наш. Я тут сына, первенца, родила. Дочери он не дождался, через два месяца я разродилась после его. Вот так. Замуж второй раз не пошла. Не пожелала. Детям еговым отчима не дала» [8, с. 167].

Евгений Салтыков пишет: «Помню, когда хозяйка крохотной в ту пору, едва ли не до потолка обложенной старинными и современными книгами комнаты читала записанные ею на заре века поморские плачи, эмоциональный по своему обыкновению Федор Александрович восклицал: “Как прекрасно!” “Как это грандиозно!”» [14].

Отдельный раздел «Сказа о Беломорье» К.П. Гемп составляют «Пословики, присловки, посмешки», который начинается так: «Слово в Беломорье – в точку отковано, оно вразумительно и в то же время много в нем подлинной поэзии и душевности» [8, с. 171]. Абрамов помещает в VI завершающий раздел цикла «Трава-мурава» речения пословичного типа, заключающие в себе народную философию. По мнению Л.В. Крутиковой-Абрамовой, «в них – спрессованная мысль, мудрость, опыт... Над каждой строкой можно долго размышлять и проверять свою жизнь, настраивая ее на высокую духовную волну. Часто в одной фразе – итог и начало, загадки и мудрость бытия, эпитафия к прожитой и предстоящей жизни, толчок к самоочищению, к строительству своей личности, своей души» [11, с. 8].

Приведем примеры народных речений, помещенных в книгах К.П. Гемп и Ф.А. Абрамова, некоторые из них перекликаются, если не по форме, то по содержанию:

К.П. Гемп	Ф.А. Абрамов
Сын мой, а ум уего свой.	Не теперь сказано: сын-то мой, а ум-то свой.
Не по хорошу мил, а по милу хорош – вот тогда и семейная любовь.	С ним легко жить-то: он ладило, всем угодит.
Бездельно живешь – ни семьи, ни друга ни наживешь.	Из сна шубы не сошьешь.
Человек злой всем чужой.	Живешь не человеком и умрешь не покойником.
Не ищи добра, ищи доброты.	Сотвори мир в душе и пошли его людям.

Дороги и Гемп, и Абрамову личность и творчество уникальной пинежской сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой – Махоньки. Ксения Петровна ее видела лично, слушала ее выступления, общалась с ней. Любовно делится она своими воспоминаниями в книге: «Небольшая, сухонькая, быстрая и подвижная, у нее шаг опытного пешехода, взгляд острый – всё подметит; при разговоре, а особенно когда рассказывает, каждая морщинка загорелого, темного лица играет. Смешливая и насмешливая и какая-то наивно доверчивая; многое удивляло ее, удивление она выражала открыто – и словами, и восклицаниями, и

жестами. <...> Голос ее поражал глубиной, силой и музыкальностью, было в нем что-то от органа. Это голос большой певицы. Интонации у нее тонкие, иногда только намек, но есть и выразительный акцент, и выдержанная, многозначительная пауза» [8, с. 219].

Абрамов видел в Махоньке одну из главных героинь своей заветной «Чистой книги», оставшейся не завершенной, практически только в замыслах, набросках, однако одно из центральных мест в 18 беловых главах романа занимает именно Махонька, буквально с первых страниц она появляется в книге: «Стоит старушечка-говорушечка, шубейка старенькая с разводами, котомочка за спиной, на руке коробок с кусочками, прикрытый белой холстиной, – и поклон, к каждому слову поклон, – ни дать ни взять из сказки вывалилась» [15, с. 8]. А вот ее выступление: «И тут как будто прорвало плотину: голос ее разлился рекой, но рекой веселой, с подскоком, с игрой на перекатах», «Скуластное, широкоглазое лицо Махоньки от впалого морщинистого рта, в котором победно сверкал один-единственный зуб, до корней седых волос, аккуратно заправленных под повойник, омылось счастливейшей улыбкой» [15, с. 20].

К.П. Гемп записала ответ Марии Кривополеновой на рассуждения о том, не переехать ли ей жить в город: «Нельзя мне в городе жить, душа моя замрет без домашнего воздуха отцовского да материнского. О тяжелой жизни говорите, какая же это тяжесть. Ну, плохи, неподходящи бывают там дни или недели. А радости да восторгу сколько на родительской-то земле» [8, с. 220]. А вот как говорит собравшаяся из гостей домой Махонька у Абрамова:

«У вас дом есть, да и я не бездомна. А я когда из дому-то? Сколько шлядобиралась до вас? Да от меня, гулёны, и печь-то своя отвернется. И скотина на порог не пустит.

– Да у тебя разве есть своя-то скотинка?

– А как? Кот Котофей, белые лапы, да стадо коровушек с длинным хвостом, которые под полом живут» [15, с. 45].

И еще крепко связывает К.П. Гемп и Ф.А. Абрамова – их неподдельный интерес к судьбе и мыслям неистового протопопа Аввакума. Ксения Петровна сравнивала Абрамова с Аввакумом: «В нем самом что-то от Аввакума. В его приверженности высокой Правде, в его стремлении возжечь в людях человеческое. Когда он говорил – а ведь почти всегда горячо, ярко, – мне на память приходили слова стариков-поморов об Аввакуме: “Говорит и руками взмахивает, как крыльями”» [7, с. 136]. Вот тут-то и пригодилось то самое «возжечь человеческое», объединяющее Аввакума и Абрамова. «О своей схожести с неистовым Аввакумом слышал писатель и от других людей. Ему было приятно, но он отмахивался: мол, против Аввакума-то кишка у меня тонка», – читаем у С. Доморощенова [9, с. 391].

Ксения Петровна подарила Абрамову «Житие Аввакума» перед его поездкой на Печору, в Пустозерск, а потом он разбудил ее ночью телефонным звонком: «Два дня я читал Аввакумовы писания. Дурак я был, болван, до сих пор не знал их, только так, кое-что... Теперь понял, какое Слово страстное и бесстрашное, какие мысли, какие чувства». На что Гемп ответила: «Разбудили. Но

об Аввакуме – правдолюбце и страдальце – я и среди ночи ваши слова готова слушать» [7, с. 135].

К.П. Гемп записывала много лет народные предания об Аввакуме как о борце за правду. Вот одно из них, записанное в 1966 году: «Бывала я на Пустозере, давно было, пятьдесят лет тому. <...> Великие были мученики, страсто-терпцы, то и помнят их. Райская жизнь им уготована, за правду стояли. Такому человеку воздать уважительность и на земле должно» [8, с. 253]. Вспоминается рассказ Ф.А. Абрамова «Из колена Авакумова» (1978): «Одно Пустозерье на свете, – посуровевшим голосом ответила старуха. – В студеных краях, у Печоры-реки, где лиходеи великого праведника и воителя за истинные веры протопопа Аввакума сожгли» [2, с. 277].

Интересно сопоставить суждения старого рыбака Алексея Михайловича Митькина из поморской Кимжи об Аввакуме и Абрамове, записанные К.П. Гемп: «Об Аввакуме слыхали. Умный был человек, а горячий, в споры кидался, все забывал, сам только правым был. <...> Говорил Аввакум хорошо, доходило до народа; наша поморская речь не забывается» [8, с. 253]; «Да, хорош. Я бы сказал так: что там ни говори, а он наш человек» [7, с. 136] – это уже об останкинской встрече с Абрамовым.

Ксения Петровна вспоминает: «Мы много разговаривали о писателях. Федор Абрамов считал, что нет писателя выше Пушкина. Нет жизненного вопроса, которого он бы не задел в своем творчестве и не ответил бы. Задел, поднял и ответил – вот отличительная черта Пушкина» [10]. Сама она высоко ценила Пушкина, проводила у себя дома Пушкинские вечера, а ее «Сказ о Беломорье» завершает раздел «Поморы и Пушкин», в котором поместила она свои записи народных суждений о творческом наследии великого поэта. Вот одна из них, о том, как старый помор перед смертью с морем прощался: «Слова-то какие – “свободная стихия”, – и помолчав, продолжил, – “шуми, волнуйся подо мной великий океан”. Человек-то – всё же властелин и над свободной стихией: “Подо мной”, – сказал. Не знаю, не слыхал больше таких других стихотворцев, умен, а, кажись, не стар был» [8, с. 269–270].

Ксения Гемп, по абрамовскому определению «человек обостренного чувства слова», однажды исполнила наказ старой поморки – написала «Слово о невозвратившихся с поля ратного» о поморах, погибших в Великую Отечественную войну, привезла на суд свой плач Белого моря – приняли Слово поморки. Потом она торжественно напишет: «Это был для меня самый строгий суд. Суд над Словом, а не за сплетение слов» [8, с. 234], – и поместит в книге наряду с подлинно народными творениями свое выстраданное Слово: «Тяжелы те слезы – пробивают они камень, скалы, хоронятся в них. Море Белое их льет. Это память моря вечная по воинам – защитникам своим» [8, с. 235].

Федор Абрамов, выступая на вечере встречи выпускников филологического факультета Ленинградского университета в 1979 году, произнес свое Слово о не вернувшихся с поля ратного, которое сродни торжественному и величественному поморскому Слову:

«Каждый наш шаг, каждый наш поступок, каждый наш помысел до конца дней своих, до последнего часа мы обязаны, должны измерять мерой их великого подвига, выверять их короткой, но такой удивительно красивой и чистой жизнью.

Наши сверстники и товарищи навсегда ушли от нас, но они всегда с нами, они и сегодня помогают нам жить, быть лучше и чище. Мы и сегодня живы ими» [1, с. 387].

«Возжечь человеческое...» – эти слова, сказанные однажды Ф.А. Абрамовым, затем повторенные К.П. Гемп, прежде всего, можно и нужно адресовать им самим – уникальным, неистовым, настоящим, искренним, честным. «Возжечь человеческое...» – было их человеческим и творческим кредо.

Список литературы

1. *Абрамов Ф.А.* Чем живем-кормимся. Л., 1986. 528 с.
2. *Абрамов Ф.А.* Трава-мурава. Были-небыли: Миниатюры. СПб., 1993. 304 с.
3. *Абрамов Ф.А.* Сродни поморке // Правда Севера. 1994. 17 декабря.
4. *Абрамов Ф.А.* Встречи с К.П. Гемп // Двина. 2013. № 2. С. 14–16.
5. В мире Федора Абрамова. СПб., 2005. 384 с.
6. *Галимов Ш.З.* Федор Абрамов. Творчество, личность. Архангельск, 1989. 251 с.
7. *Гемп К.П.* «Возжечь человеческое...» // Федор Абрамов и Север. Архангельск, 1992. С. 134–137.
8. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. Москва, Архангельск, 2004. 637 с.
9. *Доморощенин С.Н.* Великий счастливец. Биография Федора Абрамова. Архангельск, 2019. 478 с.
10. *Зорина Е.* Встречи радости, веры и света // Пинежская правда. 1988. 14 мая.
11. *Крутикова-Абрамова Л.В.* Врачующее слово // Абрамов Ф.А. Трава-мурава. Были-небыли: Миниатюры. СПб., 1993. С. 5–10.
12. *Крутикова-Абрамова Л.В.* В поисках истины: воспоминания и размышления о прожитой жизни. Архангельск, 2015. 328 с.
13. *Румянцева В.Н.* Последний букет. Памяти Ксении Петровны Гемп // Правда Севера. 1998. 14 марта.
14. *Салтыков Е.Е.* Федор Абрамов: «Как там К.П.?» // Правда Севера. 1989. 17 декабря.
15. Чистая книга Федора Абрамова. Архангельск, 2015. 384 с.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЛЕТНЕГО И ТЕРСКОГО БЕРЕГОВ БЕЛОГО МОРЯ

Аннотация: Локальное социокультурное пространство представляет собой полифункциональную коммуникативную структуру, выраженную в слове и топографии. Номинация, имянаречение – один из важнейших инструментов идентификации человека и социума. Основанием для прозвища («уличной фамилии») были внешность главы семьи, его характер или случившееся с ним событие. Идентификация жителей разных сел требует противопоставления «своих» и «чужих» с помощью прозвищ, имеющих негативное оценочное значение. Наименования рыболовных тоней и сенокосных угодий содержат комплекс жизненно важной информации, выраженной в функциональных и визуальных особенностях местности, с одной стороны ограниченной береговой линией, разделенной рыболовными тонями, с другой – тайгой, к которой примыкают сенокосные угодья.

Ключевые слова: морская культура, Летний берег Белого моря, Терский берег Белого моря, ономастика, социокультурное пространство.

Local cultural and social space is a multifunctional communicative structure expressed in word and topography. Nomination and naming are one of the most important tools of the person and society identification. The appearance of the family head, his character or the happened to him occurrence were the basis for the nickname. The different villages residents self-identification requires the opposition of "ins" and "outs" aided by nicknames that have a negative value. The fishing ground and grassland names contain a complex of vital information expressed in the functional and visual features of the area, on the one hand limited by the coastline, separated by fishing grounds, on the other — by the taiga, which is adjacent to the grasslands.

Keywords: sea culture, White sea, Summer coast, Tersky coast, onomastics, cultural and social space.

Исследование словесных маркеров, позволяющих разделять «своих» и «чужих», актуализировано размыванием границ социокультурного пространства в рамках территориально-административного деления Архангельской области. Стираются диалектные различия, забываются названия пожен (сенокосных угодий), рыболовных тоней (промысловых участков на морском берегу), «уличные фамилии». На месте сел, деревень и погостов, которые на протяжении веков были для государства неисчерпаемым ресурсом рабочей силы, сельхозпродукции, культурных ценностей, фольклора, остались дачные поселки, перелески и пустыри. Современное состояние сельской глубинки является результатом политических экспериментов и догоняющей модернизации в отечественной экономике.

В настоящей статье проанализированы особенности сохранившегося ономастикона Летнего и Терского берегов Белого моря. Материалы, используемые в данной работе, получены в ходе историко-этнографических экспедиций региональной общественной организации «Товарищество северного мореходства» и Кенозерского национального парка 2017–2018 гг. (записи М.В. Калинина, В.Н. Матонина, С.В. Рапенковой). Исследование опирается на методологию изучения ономастики в локальном измерении, антропонимов и прозвищного фольклора, представленную в работах отечественных ученых А.В. Суперанской [11], Ю.Б. Воронцовой [3], Т.Т. Денисовой [4] и др. Наиболее полная систематизация локально-групповых прозвищ и ономастики Русского Севера осуществлена Н.В. Дранниковой [5].

Летний берег

Берег называется Летним, потому что снег здесь сходит раньше, чем на других берегах Беломорья. В эпоху, предшествующую новгородской колонизации XII–XIV вв., на Летнем берегу жили саамы (лопари). Названия сел имеют финно-угорское происхождение и соответствуют наименованию рек, возле которых основаны одноименные поселения. Например, Лопшеньга (название реки и села) происходит народа лопь (лопари). Наименования рыболовных тоней, пожен и других объектов, связанных с функциональным использованием природных ресурсов, имеют исключительно общеславянское происхождение.

Социально-хозяйственная характеристика территории

Первое документальное упоминание о «промысле сала» и «кожи» на Летнем берегу датируется 1459–1469 гг. в Жалованной грамоте Великого Новгорода Соловецкому монастырю [6]. В начале XVI в. вотчинами Соловецкого «Дома Спаса и Николы» становятся Уна, Луда, Лопшеньга [10, с. 118]. Хозяйственная деятельность монастырских крестьян на Летнем берегу основывалась на морских промыслах: солеварении, рыболовстве и охоте на морского зверя. Морские промыслы требовали развития судостроения, плотницкого и кузнечного дела, сетевязания и других ремесел. Кроме того, местные жители занимались сельским хозяйством: скотоводством и земледелием. Материальное благополучие местных жителей зависело от рыболовных тоней и наличия пожней. В каждом селе или деревне складывались особые промысловые и судостроительные технологии, формировался неповторимый жизненный уклад: «своя поредня» (свой порядок).

«Соловецкий летописец» сообщает, что в бытность Филиппа (Колычева) соловецким игуменом «прибыл» соляной промысел в Солокурье на Луде, где «двумя цренами варят» [10, с. 118]. Из воды соленого источника монастырские трудники и крестьяне вываривали соль – «ключовку». Она считалась более качественной, нежели «морянка» (соль, получаемая из морской воды). Соль варили зимой. Лес для дров связывали в плоты и доставляли водным путем через морскую губу на расстояние 12-ти верст. До нашего времени сохранились соляные колодцы в Уне и Луде. Постепенно и добыча соли из морской воды и со-

ленных источников становится невыгодной. Легче и дешевле было купить каменную соль.

Основным рыбным промыслом в XV–XVII веках на Летнем берегу Белого моря был вылов семги. С XVIII века появляются сведения о промысле сельди. Сельдь добывали также в Унской губе. Данные о промысле кумжи встречаются в документах с начала XVIII века. [9].

Численность населения имеет отрицательную динамику. В 1894 году в Лопшеньге проживали 550 человек, в Луде – 554 человека, в Уне – 947 человек. В 2006 году в Лопшеньге – 263 человека, в Луде – 93 человека, в Уне – 90 человек. В 2018 году, в МО «Пертоминское», включающем в себя все поселения Летнего берега, зарегистрировано 971 человек. В Уне – 68, в Луде – 83, в Пертоминске – 360, в Лопшеньге – 203 (Сведения получены от заместителя главы Администрации села «Пертоминское» Екатерины Игоревны Мартемьяной. Родилась в Архангельске. С 2016 года живет в Пертоминске). В настоящее время на Летнем берегу большинство когда-то многолюдных сел зимой пустуют, превращаясь в дачные поселки — временные поселения с неопределенными границами.

Ономастикон

«До колхозов» (до 1930–1931 гг.) локальное социокультурное пространство формировалось как система коммуникаций, включающая в себя семантические и топонимические характеристики, традиции, ландшафтные и природные особенности территории, ресурсы, транспортные средства. Одним из важнейших механизмов, определяющим принадлежность местных жителей к локальному социуму, были прозвища и уличные фамилии.

Жителей Лопшеньги (лопшарей) называют турками, а жителей Яреньги (яреньжан) – японцами. Жителей села Пушлахта (пушлоходян) именовали шведами. В других местах Беломорья можно наблюдать такую же картину в характеристиках сельских жителей. Например, крестьян села Долгощелье на берегу реки Мезени называли турками, а Долгощелье – Турцией. По словам Марии Андреевны Вешняковой (1927 г.р.), долгощелы носили шаровары «как турки». Н.В. Дранникова рассказывает топонимическую легенду, объясняющую происхождение прозвища «турки»: однажды долгощелы ожидали приезда архиерея. Жителям велено было выстроиться на берегу и при появлении лодки со священноначалием кричать «Ура!» Мужики (ну и турки) вместо «Ура!» закричали «Караул!» [5, с. 318].

У пертоминцев прозвища не зафиксированы, потому что после закрытия Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря в 1920 г. и расформирования бывшего на территории монастыря концентрационного лагеря (1920–1923) постоянное поселение появляется здесь лишь в 40-е гг. XX в.

Житель села Лопшенька Евлампий Иванович Пирожников (1936 г.р.) объяснил, почему жителей Яреньги называли японцами:

–Если вот на тоню кто зайдет из пришлых: самый гостеприимный народ – в Летнем Наволоке, в Лопшеньге – еще более-менее, ухой всяко накормят, а в Яреньге на тоню зайдешь – ни гу-гу, их же японцами зовут. Сидят,

молчат. Староверы жили на Яреньгском озере, у них там скиты были, сенокосы [1].

Яреньгжане и в наше время не отличаются гостеприимством. Они уверены, что к их берегу «хорошее бревно не прибьет». Можно предположить, что настороженное отношение к чужим людям имеет у яреньгжан старообрядческие корни. Местные мужики не хотят, чтобы к ним прокладывали дорогу, считают, что государство их «со всех сторон обложило, жизни не дает: лес рубят, рыбу запрещают ловить». Ночью в Яреньге «комендантский час»: в поисках еды из опустевших лесов приходят голодные медведи.

Можно предположить, что шведы, турки, японцы – это народы, с которыми Россия в разное время воевала, и в каждой деревне либо жили бывшие солдаты, участвовавшие в военных кампаниях, либо другими путями доходили и сохранялись в народной памяти известия о войне. Идентификация и самоидентификация предполагает разделение людей на «своих» и «чужих».

Основаниями для взаимных обид и претензий в отношении «чужих» были пограничные пожни и рыболовные тони.

Житель Лопшеньги Николай Михайлович Майзеров (1969 г.р.) рассказал:

– При царе Горохе с яреньжанином поздороваться — грех на душу взять... Даже церкви разные были.

– Не дружили?

– Не дружили – мягко сказано. Это конкретно было. При колхозе был уже сделан в Яреньге постоянный двор. Там уже останавливались. Раньше Яреньгу проезжали, вообще не останавливались. Я даже застал. Колхоз один, а кто лучшие места себе займет на тонях – не дрались, а вот как-то перехитрить, урвать больше себе, больше заработать старались [1].

В каждой семье были «уличные фамилии» – семейные прозвища. Частное их предназначение в том, чтобы различать однофамильцев. В Лопшеньге местные коренные фамилии – Петровы, Федотовы, Павловские, Юдины, Корельские, Майзеровы (со слов Петровой Пелагеи Александровны, 1934 г.р., из Лопшеньги). В Луде – Верещагины, Киселевы, Маслотородовы, Тюковы, Смолокуровы, Колтаковы (со слов Железнякова Виктора Максимовича, 1940 г.р., из Луды). В деревне Уне – Мошниковы, Мошковы, Зарубины, Котловы (со слов Попова Валентина Семеновича, 1938 г.р., из Уны). В Яреньге – Пирожниковы (со слов Пирожникова Евлампия Ивановича, 1936 г.р., из Лопшеньги). Все фамилии русские. Происхождение прозвищ местные жители объясняют по-разному. Е.И. Пирожников рассказывает:

– Петра Петрова Колюхой зовут, хотя у них в роду Николаев вроде нету. У каждой семьи было прозвище. Ивана Леонтьевича Павловского звали Иван Кот. Почему Кот? – нормальный мужик, хорошая семья. Петр Аполос – Петр Ларионович. Их три брата было: Петр – Аполос, Михайло – Заяц, Иван – Ляга. Как прилипнет прозвище, так и не отстает оно. В Яреньге только родился, уже прозвище дают [1].

Поводом для появления прозвища мог стать какой-либо неординарный случай, как, например, в рассказе П.А. Петровой:

–У меня крестник был, пошел на улицу, еще маленький, приходит и говорит: «Ой, на улице морянка!» Так его и прозвали Сашка-Морянка. А отец мой в детстве сидел на окне, да и вывалился с окна, а потом говорит: «Я как петух взлетел!» Так его Петухом стали звать... [1].

Иногда сами носители прозвищ не знают причины их появления.
Е.И. Пирожников:

–Николая Мустафа называют. У меня прозвище – Галáха. Моего дядьку Гагарой звали. Не знаю почему [1].

Появление прозвища Мустафа объясняется внешним сходством его владельца с персонажем популярного фильма.

В Пертоминске, где был лагерь в 1920–1923 годах, прозвища имеют, как правило, негативное оценочное значение. Отголоски уничижительного отношения к людям слышны в кличках, которыми, мужчины наделяют друг друга. Значительно реже прозвища дают женщинам.

Пришивная голова – «...все забывает».

Бахила – «...у него отец бахилы шил».

Космонавт – «...в детстве с дерева упал»; «Ходит как нищий».

Труляля – «...его уже нет».

Балаган – «...всегда шустрым был».

Лаврушиха – «...жена Лавра».

Пинькин сын – «...мать его звали Пинна».

Хавронья – «...плотная была женщина. По молодости была немного неряшливая. Одевалась кое-как, когда что наденет» [1].

На Летнем берегу, где в хозяйственной практике преобладали морские промыслы, уличные фамилии выражены преимущественно именем существительным, а в земледельческих районах Поморья – преимущественно притяжательными прилагательными: здесь уличные фамилии указывают на принадлежность человека к той или иной семье или на место его рождения. В Каргополье, например, в районе Лекшмозера, зафиксированы прозвища, которые получали значение официальных фамилий: Поповы – Паковы (по деревне); Харичевы – Оськины (отец Осип); Солодягины – Рыбины (по деревне); Ушаковы – Овдюшины (от Овдюхи); Калинины – Глубокозеровы (из деревни Глубокое озеро на Кенском волокe) и т.д. Основная функция новообразований – опять же различение однофамильцев.

Характер прозвища или уличной фамилии говорит об особенностях восприятия местными жителями друг друга. Либо личность рассматривается как автономный субъект, либо как часть рода или земли [8, с. 38]. В каждом селе первоначально были одна или две фамилии, принадлежавшие первым поселенцам. Разделение семей предполагало различие кровного родства по отцу (реже – по матери), по занятию отца, по месту жительства, иногда по случайным, но наиболее ярким внешним признакам. Прозвища, как фамилии, переходили от дедов к отцам и внукам.

Кроме членов локального социума, высокий ценностно-смысловой статус на Летнем берегу имели объекты, связанные с приложением сил («куда рука ходила»): рыболовные тони и пожни.

Информанты перечислили названия более 25 лопшеньгских тонь, которые находятся в 2–3 км друг от друга. «До колхозов» (до 1930–1931 гг.) тони распределялись с помощью жеребьевки по семьям. У каждой тони свой характер: приметные особенности, рельеф морского дна. Все это отражено в их наименованиях. Местные жители не всегда могут объяснить происхождение названия тоней, но их имена и местоположение помнят хорошо: Никольско, Турка, Гнидина, Тотьманга, Говейка, Лодейная, Воронья, Кулачиха, Площина, Василистово, Сарайский ручей, Межа, Спаськая, Зацепино, Банёво, Воронья, Сярта, Большая Сярта, Подорожная, Косторезинская, Завал, Сеицкий завал, Бабья, Маймина, Вёжомско, Корга, Под волóком, Лудушка, Залудье.

Рыболовные тони маркировали социокультурное пространство промышленников. Примером может служить рассказ Николая Михайловича Майзерова, 1968 г.р., из Лопшеньги:

– Солдат – он глубокий, потому что тайник ставился. Потом Бараниха. Одних тут у нас Баранами звали, вот по их прозвищу и тоню назвали. Они Барановы, а их Баранами ругали. Или вот кличка есть Федя Ягушка, то есть овца. Бараниха, потом Гнидино, потом Спорница. Спорница, потому что спорили там из-за этой тони. Потом Говейка, потом Лодейная. Я на Лодейной ловлю. На Лодейной часовня была, заросла, шестиугольная. На некоторых тонях ставили часовни. Батя-то тоже на этих тонях сидел почти на всех. После Лодейной дальше Воронья, Нова, Кулачиха, Площина, Василистово, Сараиха, Люленьга, Осиповка, потом Спаська. Там склад был рыбозавода. Потому что с дальних тонь далеко было рыбу носить до склада, который в деревне. Потом Зацепино, потом Корга, и потом последняя наша тоня – Банёво, 23 километра. Навстречу нам идут летненаволоцкие тони. Сорок километров между деревнями было, вот 23 километра наши, а дальше уже Летнего Наволока. И почти также передавали: оттуда конь идёт и отсюда, там посередке встречаются. В сторону Яреньги тоже делится пополам – до Большой Сярты. И вот от Большой Сярты в нашу сторону. А там, дальше от Большой Сярты Крестовая уже яреньгская тоня. А колхоз один [1].

В отдельных случаях происхождение названий рыболовных тоней объясняется местными жителями достоверно и убедительно:

Сеицкий завал – «... река Сеица есть».

Бабья – «... там стрёж, на навагу рюжи выставляли. Река Бабья».

Лудушка – «... в Лудушке от корги яма такая: глубокая, песчаная, очень хорошо сиг ловится». Луда – это песчаный островок. Уменьшительно-ласкательный суффикс в названии (с семантикой нежного, теплого отношения) объясняется тем, что это место удобное для ловли и рыбное.

Корга – «... это каменистый островок, который водой заливает во время прилива».

Погорелка – «... пожара, может, и не было. Очень разбойна тоня была. Сети выбросит – погорели опять, если убрать не успели! Морской ветер, штормяга, вместе с гундерами выбрасывает всю снасть на берег».

Крестовая– «... там почту меняли. Крест раньше возле каждой тони стоял».

Сосновка – «... сосновый бор там был раньше, наверное» [1].

С большой долей вероятности можем предположить происхождение следующих названий:

Лодейная– от слова лодья. Неподалеку было тихое место для стоянки промысловых судов.

Под волоком– рядом с волоком. Изрезанные берега предполагали необходимость перетаскивать лодки волоком с одного места на другой. Это было удобнее и быстрее, чем огибать морем долгую морскую губу.

Межа – граница, рубеж.

Зацепино – неудобный рельеф дна: сети цеплялись за камни.

Приведенные выше примеры указывают на то, что наименования рыболовных тоней определяются их функциональными особенностями, визуальными характеристиками, спецификой промысла рыбы, названиями рек и ручьев.

Названия пожен в районе Уны и Луды: Зайков бор, Передний бор, Володино поле, Тугаринский бор, Калиничев бор, Курейка, Лапа, Мундорово, Бабьерецкое, Кошка, Трестяно, Крестово, Большой кекус, Малый Кекус, Косторихино, Чайкин, Подсейское, Боец, Кутихино, Лапа, Большая Сейца, Малая Сейца, Крестово, Оплавно, Подсейское, Трестяно.

Валентин Семёнович Попов, 1938 г.р., из д. Уна, объяснил происхождение названий некоторых пожен:

– ...Поля все косились. Рожь да ячмень на ровном месте сеяли. Курейка – это река. Лапа – круглая, как лапа, наверное. Мундорово – тоже не пойму почему. Там соленые озера кругом. Бабьерецкое – Бабья река выходит. Кошка. Это мыс. Он вдаётся в губу. Там Оплавно да Чебары, островки небольшие. Оплавно – потому что заливало иной раз, и сено-то уплывало. Чайкин Мыс – с другой стороны губы. Там чайки весной по берегам гнезда делали. Подсейцкое. Сейца река там выходит. Две еще реки: Большая Сейца и Малая Сейца. Они впадают в губу напротив Бойца. С той стороны. На каждой пожене избушки строили. На Крестово крест раньше был. Там речка Кайбасовка выходит в губу. Трестяно, наверное, оттого, что треста растёт. Это высокая морская трава. Она кругом всех губ по берегам растёт. Кекус тоже был рядом. Есть Малый Кекус и Большой Кекус. Почему – не знаю. До революции эти названия были даны. Косторихино не знаю, почему называется. Там был приемный пункт Рыбкооп. На Косторихине был срублен большой склад. Рыбу принимали. А там уже дальше лудские пойдут участки. Маймино. Это уже против Луды. Почему так называется, не знаю. Также есть Крестово. Под крестом ставили невод. Раньше полностью весь берег заставлялся. По всему берегу рюжи стояли. На завале все забивали рюжами. Приезжали ловить из Пурнемы, с Тамицы. В 1967-ом году последний раз, наверно, были [1].

Наименования сенокосных угодий содержат комплекс жизненно необходимой информации. Ономастикон определяется функциональными признаками объектов.

Николай Михайлович Майзеров, 1968 г.р., из Лопшеньки указывает на происхождение названия пожен от их владельцев:

–Наволók Большой (гектара три) звался Майзеровский наволоок. Там, видать, кто-то из Майзеровских косил. Поздеевы – Поздейский наволоок есть [1].

Пожни не в меньшей степени, нежели рыболовные тони, маркировали социокультурное пространство и были местом особого внимания поморов.

Терский берег

Терским берегом называют юго-восточный берег Кольского полуострова от устья реки Варзуги до мыса Святой Нос. Названия рек (Варзуга, Стрельна, Чаваньга, Чапома) соответствует наименованию деревень и сел, которые расположены неподалеку от моря. Большая часть Терского берега располагается за Полярным кругом.

Хозяйственная деятельность

С 1496 года здесь располагались рыболовные тони и соляные варницы Соловецкого монастыря [7; 2]. Основными занятиями местных жителей были рыболовство и зверобойка (охота на морского зверя). Отправиться на промысел морского зверя называлось «поехать наторос». До колхозов для веснования (зверобойного промысла) пользовались лодками торосовками, рассчитанными на одного-двух человек. В колхозные времена зверя били с ледокола в Горле Белого Моря. До 1925 года здесь не было даже огородов. Потом стали привозить и выращивать картошку. При колхозе стали выращивать капусту и репу, в парниках – огурцы.

По словам уроженца Кузомени Панкратова Евгения Николаевича, 1937 г.р., *«в Кузомень лопари приезжали. Жили хуторами (Каневы). С Ловозера приезжали ижемцы. Культура ижемцев повыше была, чем культура лопарей. Были и карелы (по Кандалашскому берегу). У малых народов были между собой трения, а с русскими все хорошо общались. Смешанные браки появляются в советское время».*

Ономастикон

Русское происхождение имеют топонимы, прямо или косвенно связанные с морскими промыслами (Синие горы, Ловецкий остров), наименования рыболовных тоней (Кислуха, Чапоньгская Новинка, Загубье, Старая Крестовая и т.д.). Русские наименования имеют части лодки (киль – «колода», «побочина» – первая доска выше колоды, «обносы» – доски, которые окружают лодку по периметру в верхней ее части). Промысловая одежда может иметь как русское, так и заимствованное происхождение. Например, русское происхождение у таких наименований: «бродаки» – промысловые сапоги, «поголенок» – высокий носок, «совик» – просторная верхняя одежда из плотной ткани. Малицу носили ненцы, а пьексы (обувь с загнутыми носками), по-видимому, носили карелы.

Для перевозки грузов поморы использовали «поездницу» (длинную лодку) или «брамы» – большие карбасы (так их называли в Чупе).

Топонимы, обозначающие названия рек, а по рекам – поселений, неславянского происхождения. Например, Кузомень – в переводе с карельского «еловый мыс». Есть исключения. Например, Стрельна: топонимическая легенда говорит о том, что зимой лед таскало, и он трещал – стрелял. Отсюда Стрельна.

Современная Кузомень располагает к философским размышлениям. В планировке села, раскинувшегося вдоль реки и состоящего из трех улиц, преобладают три кладбища, расположенные на песчаных холмах. Песок осыпается, и гробы выходят на поверхность. Привлекает внимание дом раскулаченного рыбопромышленника Корюхова. При этом доме был небольшой магазин, а во времена колхоза — школа. Дом разделен коридором на две части. Одна часть называется «морская», а вторая – «речная» (Е.Н. Панкратов, 1937 г.р.).

По словам Нины Мануиловны Заборщиковой, в девичестве Двининой, 1929 г.р., д. Кузомень, в селе было 700 дворов и церковь Дмитрия Солунского. В 1933 году церковь уже либо сгорела, либо была разобрана. Местные фамилии — Карышевы, Заборщиковы, Лопоморевы.

Жители сел Терского берега имеют прозвища: Варзужане – «фараоны» («*богато живут*», «*невесты красивые были*»); кузомяне – «песчанники» или «песчаные кулики», стрельчане – «чирки», тетрины – «собаки» («*здесь много собак было*»; «*собака лает, значит тетранчанин идёт*»); «пялицкие пираты» («*английское судно потерпело крушение, и они его разобрали*»). Прозвища определяются характером местных жителей («*ворона́ – каркают много*»), уровнем благосостояния, приметамы местности, особенностями хозяйствования («*хорейники – на оленях ездят*» [1]).

Богатый материал для исследования способов формирования социокультурного пространства дают наименования рыболовных тоней по берегу моря. По сторонам от устья Варзуги насчитывается 60 тоней. По словам Евгения Николаевича Панкратова, расстояние между тонями равно примерно 170 сажен. Промер между тонями сделан в июле 1910 года. Следовательно, наименования тоней возникли задолго до появления колхозов в 1930 году. Рассмотрим эти наименования.

На восточной стороне от устья реки Варзуги: Загубье, Корабельна, Стара Крестовая, Покровская, Ямка, Степановская, Мошниковская, Двининская, Дмитриевская, Глубоцки Новинки, Великая, Песчанка, Тюттеринская, Некрасиха, Пироговская, Малая Индерка, Рогозинская, Горениха, Новая, Спорная, Надежда, Заборщиковская, Степановская, Полинская, Савиновская, Медвежья, Кузьминская, Большая Индера [1].

Тони по западной стороне от устья реки Варзуги: Баянная, Кошевская, Новая в конец, Шангина, Двининская, Столбиха, Тюттеринская, Рекшиха, Пароходская, Воротиха, Ручевая, Разбойник, Шибалкина, Кр. Крест, Малая Огородня, Егоровская, Большая Огородня, Зеленый Крест, Великая, Глубокая,

Глубоцки Новинки, Белая, Мелкая, Ларионовская, Малая Бельковая, Бутковская, Большая Бельковая, Трухинская, Коневские Новины, Шерстникова [1].

Наименования имеют исключительно славянское происхождение. Часть наименований указывает на их принадлежность (Двининская – от фамилии Двинин); на характеристику местности (Индера – возле впадения реки Индера; Чернавка – «по реке»; Каменная – «Каменный ручей вытекал», Кислоха – «много мусора и пахнет кислятиной», Шумская – «ручей шумит или прибой», Лудка – «рядом песчаный островок», Широкие ручьи); на особенности функционирования (Малая и Большая Кумжева – от кумжи; Заборщиковская – забор ставили на семгу); по событию там прошедшему (Спорная – «спорили из-за нее»). Каждая тоня имела особенности: Разбойник («вода беспокойная»), Ямка, Глубокая. Новые тони называли «новинами».

На тоне были избушка, баня, ледник, сетница – амбар для сетей, деревянный крест. При колхозах летом на тонях жили семьями по 4-5 человек. Привозили с собой коров и овец. Рыболовная тоня была местом приложения сил местных жителей («куда рука ходила»). Временная принадлежность рыболовной тони «до колхозов» могла определяться жребием, и от этого зависело материальное благополучие крестьян.

Механизмы конструирования социокультурного пространства представляют собой полифункциональную коммуникативную структуру, выраженную в слове. Номинация, имянаречение – один из важнейших инструментов идентификации человека и социума. Исследование ономастики социокультурного пространства Летнего и Терского берега выявляет особенности его структурно-семантического оформления: с одной стороны ограниченность береговой линией, разделенной рыболовными тонями, с другой – тайгой, к которой примыкают сенокосные угодья. С появлением совхозов и «неперспективных деревень» в 1960-е годы признаки этнокультурной локальности начали постепенно исчезать из сельской жизни, а после «перестройки» конца 1980 – начала 2000 утрачиваются окончательно.

Список литературы

1. Архив ТСМ. Отчет историко-этнографической экспедиции Товарищества северного мореходства и Национального парка «Кенозерский» / Сост. Калинин М.В., Матонин В.Н., Рапенкова С.В. Соловки, 2018.

2. Визе В.Ю. Из путевых заметок по реке Умбе // Изв. Архангельского о-ва изучения Русского севера. 1912. № 12. С. 555–559.

3. Воронцова Ю.Б. Коллективные прозвища в русских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

4. Денисова Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: дис. ... канд. филол. наук / Т.Т. Денисова. Смоленск, 2007. 195 с.

5. Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. 431 с.

6. Жалованная грамота Великого Новгорода Соловецкому монастырю на Соловецкий и другие острова // Поморский берег. Краеведческий портал [Электронный ресурс]. URL:

<https://karjalanmu.ru/1459-1469-gg-zhalovannaya-gramota-velikogo-novgoroda-soloveckomu-monastyryu-na-soloveckij-i-drugie-ostrova/>

7. Колпакова Н.П. Терский берег. Вологда: Сев.обл. изд-во, 1937. 185 с.

8. Матонин В.Н. Родовые имена и «уличные фамилии»: опыт исследования коммуникативного пространства Кенозерья и Помезенья // Вестник славянских культур. 2014. Т. 32. № 2. С. 32–40.

9. «Море – наше поле»: количественные данные о рыбных промыслах Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. / Лайус Д. Л., Крайковский А. В., Алексеева Я. И. и др. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. 217 с.

10. Савич, А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси. Пермь: Изд-во О-ва ист., филос. и социальных наук при Пермском гос. ун-те, 1927. 280 с.

11. Супранская А.В. Имя – через века и страны. М.: Наука, 1990. 325 с.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

М.С. Черкасова

ЗАПИСНЫЕ ВЕНЕЧНЫЕ КНИГИ УСТЮЖСКОЙ ЕПАРХИИ 1726 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Аннотация. В статье рассмотрен новый источник по исторической демографии – записная книга браков по Устюжской епархии 1726 г. Документ не опубликован, выявлен в Государственном архиве Вологодской области, в ф. 883 (Краеведы Суворовы). Материал источника охватывает северные города – Сольвычегодск, Устюг, Тотму, Лальск с их уездами. Источник интересен для изучения процесса перехода к метрическому учету населения в России в XVIII в.

Ключевые слова: историческая демография, северные епархии, церковный учет населения, динамика брачности.

Abstract. This article describes a new source for historical demography-telephonebook marriages of Ustjuzhskoj diocese 1726 y. Document was not published, revealed in the public archive of the Vologda region, f. 883 (Regional Suvorovy). Source material covers the northern cities-Solvychegodsk, Ustyug, Totmu, Lalsk with their counties. An interesting source for the study of the process of transition to metric mainstreaming population in Russia in the 18th century.

Keywords: historical demography, the Northern dioceses, ecclesiastical accounting population, dynamics of marriage.

Демографический учет в России стал систематическим с Петровского времени, когда начали составляться метрические книги, исповедные ведомости и проводиться ревизии податного населения [1]. Однако еще Большой Московский собор 1666/67 года попытался внедрить в деятельность приходских священников ведение записных книг крещений, венчаний, погребений, явок на ис-

поведь в периоды четырех постов. Следует отметить, что независимо от церковного собора и до него такого рода сведения в северных епархиях уже фиксировались.

Наиболее ранние упорядоченные данные о браках (на уровне взимаемых венечных пошлин) содержит опубликованная недавно приходная книга Новгородского дома св. Софии 1576–1577 гг., одной из древнейших и обширных по территории епархий северной Руси [8]. Это издание, снабженное ценными картами изучаемых территорий. Оно показывает, что уже в последней четверти XVI в. приходские попы вели записные книги взимаемых ими венечных пошлин, в которых фиксировались заключаемые в данном приходе браки. Такая фиксация была необходима епархиальным архиереям как один из существенных источников формирования бюджета их кафедры.

Сошлемся также на документацию Вологодской архиерейской кафедры XVII века, по которой сохранились обширные материалы о венчаниях браков и их расторжении, о погребениях умерших скоропостижно, а еще в результате несчастных случаев и уголовных преступлений. Эти многочисленные источники в ф.1260 (Коллекция столбцов) в Гос. архиве Вологодской области еще ждут своих исследователей. Предпосылку к систематическому изучению проблемы брачности по венечным разделам приходо-расходных книг создает издание их комплекса с 1612/13 года группой молодых авторов (Н.В. Башнин, О.Н. Адаменко, А.Е. Жуков) в 2016 году [9]. По подсчетам Н.В. Башнина, венечные пошлины в наиболее ранней приходной книге с 10 октября 1612 по 25 июня 1613 года в сумме 43 руб. 25 алт. составили 7,7 % в структуре доходов архиерейской кафедры [2, с.13]. Мы проследили динамику брачности за 1616–1632 годы среди городского и сельского населения по венечным разделам приходо-расходных книг Вологодской архиерейской кафедры в специальной статье [11, с.93–105]. Систематическими можно считать учетные данные о брачности в приходной книге Патриаршего казенного приказа 1640/41 года, опубликованной И.А. Устиновой в «Вестнике церковной истории» [10]. Они относятся к многочисленным десятинам Патриаршего дома, расположенным практически по всем регионам тогдашней России – городах, посадах, уездах.

Наиболее же ранняя книга с учетными сведениями о брачности известна за 1619 г. по одному из сельских приходов Нижегородского уезда и была указана в новаторской статье екатеринбургского исследователя В.А. Перевалова [6, с.242–248]. Активная публикация учетной документации церковного происхождения сопровождается ныне плодотворным изучением проблем исторической демографии – брачности, рождаемости, смертности.

Сведения о браках в приходных архиерейских книгах Вологодской епархии фиксировались по-разному: это могли быть записи о каждом отдельном заключаемом браке (особенно когда речь шла о городских и пригородных приходах Вологды) либо более суммарные данные попов-заказчиков об общем количестве и структуре браков в их «заказе» (совокупности церковных приходов типа позднейшего «благочиния») или отдельно взятом приходе. Например, в венечном разделе приходной книги 1654 года по Никольской церкви в Комель-

ской волости суммарно отмечено 7 руб., собранных с 54 браков: 40 отроков (74 %), 12 двоеженцев (22,2 %) и 2 троюженцев (3,7 %). В вотчине Богородицкой Масленской пустыни игумен-заказчик Даниил заплатил «збору своего» с 290 браков: 226 отроков (77,9 %), 56 двоеженцев (19,3 %) и 8 троюженцев (2,7 %) [3, кн. 2, л. 8 об., 25 об.]. И в архиерейских, и в патриарших приходных книгах суммы венечных пошлин определялись как неокладные доходы (в отличие от церковной дани, взимаемой по заранее определенному окладу).

Таким же в принципе оставался учет брачности в Вологодской епархии и в Петровское время, до введения метрических книг и некоторое время после этого новшества. В ф.496 Гос. архива Вологодской обл. (ГАВО) сохранилась записная пошлинная книга за 1713 год [3, кн. 371]. Формат ее в лист, объем – 225 листов с оборотом, переплет отсутствует. В ней по каждому «заказу» браки фиксировались с января по ноябрь (до Филиппьева заговенья), а формуляр записей включал указание на конкретную дату венчания. Взимаемые платежи четко структурированы: основу их составляли пошлины с первого, второго и третьего брака; еще один ряд взиманий – это так называемые «мелкие зборы», то есть новоженные, выводные, почеревные, изредка новоявленные (с пришедших в данный приход новых причетников). По середине правого края листа в кн.371 идет скрепа архиерейского казначея иеромонаха Феодосия. В начале каждого приходского или «заказного» раздела в кн.371 имеются пометки, сделанные в казенном приказе архиерея: «1713 года такого-то месяца и числа книги и деньги приняты». В ряде разделов на полях проставлена буквенная нумерация очередности браков: *а, в, г*. [3, кн. 371, л. 87–93]. В конце раздела иногда встречаются собственноручные признания попов-заказчиков в том, что в утайке у них никаких пошлин (брачных, новоженных, выводных и почеревных) нет. Если же он что-то утаил, то пусть архиепископ «его жестоко истязает и возьмет пеню большую» [3, кн.371, л.194 об.]. Всего по кн.371 удалось насчитать 927 регистрационных записей о браках в г. Вологде и уезде за 1713 г.: 65,8 % первые (в абс. 610), 30,8 % – вторые (в абс. 287) и 3,2 % – третьи (в абс. 30). Мы видим примерно такие же процентные их соотношения, что и в XVII веке, правда, с некоторым увеличением в сторону вторых браков.

Укажем также на комплекс документов Ростовской митрополичьей кафедры по Устюжской десятине – это обширная совокупность *записных* книг (их следует понимать как разновидность *приходных, сборных*) поповских старост-заказчиков за 1661–1666 гг. [11; 12]. Ими фиксировались браки и смерти в приходах, а их централизованный сбор сходил в финансовом ведомстве архиерейских домов – казне, представленной *старцем-казначеем*. Порядок этот не был прерван и после образования в 1682 году самостоятельной Устюжской епархии. В ф.1260 сохранилась обширная совокупность списков с венечных памятей, выданных заказным дьяконом Николаевской церкви Черевковской волости Иаковом приходским священникам в ряд волостей уезда (Вершининскую, Кивокурскую, Ягрышскую, Пермогорскую, Ракульскую, Среднепогоскую, Дракованову Кулигу, Сидорову Едому) в 1686–1693 гг. [4, № 303]. В памятях содержались элементы брачного обыска. Формуляр их выглядел так:

«194 году генваря в 17 де по указу преосвященнаго архиепископа Великоустюжскаго и Тотемскаго Черевковской волости от заказного никольскаго диакона Иакова Ягрышской волости попу Дмитрию. Женитца вашие волости крестьянин Петр Васильев первым браком з девкою Ириною Семеновою. Как к тебе придет ся память, разыскать про них, чтоб не было ни в роду, ни в племени, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве, без всякого порока, а розыскав, венчать по правилом святых отец. Пошлины взяты. Подлинная память – письмо ево, заказного диакона Иакова» (4, № 303, л.7). Преобладали памяти на венчание первых браков. Попадают также списки с памятьей, по которым попы давали очистительные молитвы незамужним девушкам и замужним женщинам после рождения внебрачных (незаконных) детей [4, № 303, л.20, 82]. Размеры брачных и очистительных пошлин нигде в этих списках не указывались. Не находим мы их и в сказках приходских священников Усть-Евской волости Устюжской епархии за 1688–1695 гг. о количестве венчаний «поправилом святых отец» [4, № 311].

В ф.883 (Краеведы Н.И. и И.Н. Суворовы) ГАВО под № 241 удалось обнаружить сборник записных книг «заказных попов» по городам – Устюгу, Сольвычегодску, Тотьме с их уездами, а также входившему в Усольский уезд Лальску. В сборнике насчитывается 204 пронумерованных листов, на самом деле объем его несколько больше, поскольку некоторые листы не имеют нумерации, формат бумаги – в лист. Водяной знак – Герб г. Амстердама. Сборник включает 43 тетради, большинство которых – восьмилистные, но встречаются и с меньшим количеством листов. Сборник не имеет переплета. Составлявшие его тетради когда-то, возможно, были сшиты воедино, на что указывают разрывы нитей, в настоящее время тетради не соединены. Много разрывов листов, следов гниения, плесени, состояние рукописи очень ветхое – сборник физически разрушается и нуждается в немедленной архивной реставрации.

На л. 1 посередине заголовок: «По указу преосвященного Боголепа епископа Великоустюжскаго и Тотемскаго книга дому его архиерейскаго *казначия* иеромонаха Иоасафа Воломскаго записная отпускным венечным памятям и взятых с них пошлин нынешнего 1726 году». На казначейское ведомство епархии как источник выдачи венечных памятей и канал поступления брачных пошлин указывают и ремарки в конце разделов: «...денги в казенной приказ записаны месяца такого-то числа такого-то». На л. 2–60 об. – Устюжский раздел, включающий записи браков в городских и сельских церквях Устюга и обширного уезда. Формуляр записей всюду стандартен: «Генваря в 6 день послана память Покровской церкви на Красной горе к священнику Лаврентию. По свидетельству (вариант: «по исследованию», «с розыском его») обвенчать вдовца вторым браком имярек со вдовой второго ж браку такой-то дочерью. Пошлин и на лазареты восемь гривен».

Размер брачных пошлин в Устюжской епархии в 1726 году был таким же, как и в Вологодской в 1713 году: за первый 20 коп. (2 гривны), второй – 40 коп. (4 гривны), третий – 60 коп. (6 гривен). Эти показатели превосходят те, что приведены в инструкции патриарха Адриана поповским заказчикам во Влади-

мирский уезд 1697 года. В ней им предписывалось с венечных памятей за первый брак брать 12 коп., второй – 25 коп., третий – 30 коп. плюс 4 коп. «приказных пошлин», в итоге с первого, второго и третьего брака соответственно 16, 29 и 34 коп. [7, т.3. № 1612]. Петровский указ от 3 июня 1714 года вдвое увеличил оплату венечных памятей в связи со сбором средств на лечение и содержание больных и увечных солдат в лазаретах, а «точкой отсчета» считались размеры пошлин из инструкции 1697 года [7, т.6. № 2821], в сумме получается 32, 58 и 68 коп. с первого, второго и третьего брака. Однако в Устюжской епархии в 1726 г. при более высокой оплате вечных памятей и с учетом «новоприбылого» лазаретного взноса общий размер выплат составлял соответственно 40, 80 коп. и 1 р. 20 коп., что существенно увеличивало расходы местных крестьян и горожан на венчания и «молитвословия». В этом заключается существенное отличие от записной книги Вологодской епархии 1713 г., возникшей на год ранее отмеченного нововведения. Не случайно в последующем указе о сборе на лазареты, от 30 июня 1730 года, предшествовавший указ 1714 года был воспроизведен с ремаркой о том, что с мест в Сенат поступают жалобы на чрезмерность поборов, из-за чего «народная, а паче маломочным людям чинится немалая тягость» [7, т. 8. № 5575].

На нижнем крае листов в сборнике № 241 в конце некоторых разделов в виде дробей приведены итоговые данные по бракам: $1/14$; $2/1$ (где знаменатель – количество браков, а в числителе – их последовательность); итого 16. Это значит, что при венчании отроков процедура считалась одним браком, а при повторных браках (хотя бы одного из партнеров) сумма браков удваивалась. Вот откуда взялась в данном случае цифра 16. Или другой пример: $1/40$; $2/11$; $3/1$; итого 65 браков [5, л.80об.]. Иногда форма дробей не использовалась, а в итогах священников говорилось: «у священника такого-то первым браком 18, вторым 5, а браками 28». В упоминавшихся выше источниках (инструкции патриарха Адриана 1697 г. и Петровском указе 1714 г.), кроме первого, выделялся еще и *полуторный* брак (когда один из партнеров во второй раз женился на «девке» или «вдова второбрачная» выходил замуж за отрока). В анализируемой нами записной книге Устюжской епархии 1726 г. (как и Вологодской – 1713 г.) полуторные браки не фигурируют.

Сборник № 241 удержал сложившийся еще в XVII веке годовой ритм фиксации брачности по четырем мясоедам («мясоестиям») – Рождественскому, Великому, Петропавловскому и Успенскому. Это свидетельствует о влиянии православного календаря на институт брака, о церковном регулировании столь важного демографического явления. Иной, сугубо светский и государственный, ритм фиксации пошлин за венечные памяти был предусмотрен в Петровском указе 1714 года – собранные на лазареты деньги следовало присылать в Канцелярию Сената по третям года – в апреле, августе и октябре [7, т. 6. № 2821]. Новой же чертой в оформлении записей в сборнике № 241 стала табличная форма, ставшая возможной благодаря более крупному формату – в лист. В первой левой графе был номер венчания по порядку, во второй – месяц и число, в третьей, наиболее широкой – имена брачующихся, в четвертой и пятой – рубли и ко-

пейки соответственно. В пределах тетрадей XVII века такая форма записи была бы невозможна.

Записи венчаний Рождественского мясоеда размещены на л. 1-27об и относятся к январю (с 11-го числа) – февралю. Итогов по Рождественскому мясоеду нет. За март записи отсутствуют, поскольку тогда был Великий пост, за ним – Пасха, а с 21 апреля идут записи венчаний Великоденского мясоestia (до л. 39 об.). По нему приведен итог заключенных браков (числом 85) и собранных пошлинных денег: 17 руб. венечных и столько же на лазареты, 10 коп.новоженных и 16 коп. выводных.

Два последних наименования пошлин (восходивших к глубокой старине) взимались при вступлении в брак церковнослужителей или их детей. Иногда выводные деньги назывались «кунишными», что усиливает ощущение архаики этого сбора, известного по актам XV–XVII вв.– «выводная куница»). В социальном отношении браки венчались внутри местного населения – между посадскими людьми, уездными крестьянами, половниками (наемными работниками), бобылями (в том числе «девицами-бобылицами») и вкладчиками устюжских монастырей, городским и сельским приходским духовенством. Изредка к основным листам рукописи подклеены четвертушки бумаги с написанными на них в краткой форме прошениями полковых капитанов к архиерейскому судье и казначею иеромонаху Иоасафу Воломскому о венчании их солдат (устюжского гарнизона) с местными девушками [5, л. 32, 34, 39, 43].

Помимо отмеченных «вставок», формуляр записей разнообразится пересказом разрешений на второй брак, выносимых казенным ведомством архиерейской кафедры. Например, «вдове такой-то второбрачиться позволено по ее прошению из Устюжской канцелярии Синодальной команды за неизвестностью ее мужа Еремея 16 лет» [5, л. 47 об.]. В документах Вологодской архиерейской кафедры XVII в. чаще всего указывалось на отсутствие одного из супругов в течение 7–8 лет как основание для расторжения прежнего брака и вступления в последующий.

С л. 40 до л. 50, а хронологически с 29 июня, идут записи браков Петропавловского мясоestia. За этот период было заключено 84 брака, взято 16,8 руб. венечных пошлин и столько же на лазареты. Далее до л. 60 об. (хронологически с 17 августа до 14 ноября) приведены записи браков по Успенскому мясоestia. За этот период было заключено 107 браков, а венечных денег собрано 21,4 руб. и столько же на лазареты.

С л. 61 в анализируемой книге идет Усольский (Сольвычегодский раздел). Епархиальную структуру в Сольвычегодске представлял Усольский архиерейский двор. В него присылали свои «доношения» поповские заказчики отдельных волостей. Преемственную черту с записными книгами 1660-х гг. в оформлении записей о браках в этом территориальном разделе показывает использование буквенной нумерации (древнерусской цифирью) на полях при обозначении очередности браков: *а* – первый, *в* – второй и *г* – третий. Записные книги 1660-х годов напоминают и заголовки в кн. 241: «Книга записная венечной денежной казны Усолского уезду Вилегодской волости закащика Спасской

Преображенской церкви священника Никифора с вечных памятей и на содержание лазаретов новоприбылых пошлин нынешнего 1726 году» [5, л.67]. В Сольвычегодском разделе встречаются записи о венчании домовых слуг «господ баронов Строгановых» [13, л. 63].

В Тотемском разделе (с л. 104) информация о браках в Рождественский мясоед приведена в следующей форме:

браков			все- го	в том числе		с них в сборе денег							
1- й	2- й	3- й		ново- жен- ных	вы- вод- ных	пошлин		на лече- ние ла- заретов		ново- жен- ных	вы- вод- ных	всего	
						руб	коп	руб	коп	коп.	коп.	руб	коп
7 0	1 3	1	99	3	5	19	80	19	80	30	80	40	70

Таким образом, записные книги 1713 года (по Вологодской) и 1726 года (по Устюжской епархии) представляют собой вид учетной документации о браках, практикуемой еще в эпоху Московской Руси, успешно функционирующий, однако, и в канун введения метрик в России. В любом случае центральным звеном демографического учета оставался *приход* – городской либо сельский.

Список литературы и источников

1. Антонов Д.В., Антонова И.А. Метрические книги в России XVIII – начала XX в. М., 2006.
2. Башнин Н.В. Хозяйственная деятельность Вологодского архиерейского дома Св.Софии в смуту // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2017. № 2.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496 (Духовная консистория). Оп. 1. Кн. 2; Кн. 371.
4. ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 3. № 303; № 311.
5. Там же. Ф. 883 (Суворовы). Оп. 1. Кн. 241.
6. Перевалов В.А. Книги сбора вечных пошлин XVII – начала XVIII в как исторический источник // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России». Архангельск, 2002.
7. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3; 5; 6; 8.
8. Приходная книга новгородского дома Св. Софии 1576/77 г. / сост. И.Ю. Анкудинов, А.А. Фролов. М.; СПб., 2011.
9. Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.
10. Устинова И.А. Делопроизводственные документы Патриарших приказов первой половины XVII в.: Приходная книга Патриаршего казенного приказа 1640/41 г. // Вестник церковной истории. 2014. № ½ (33/34). С.48–107; № ¾ (35/36). С.39–71; ВЦИ. 2015. № 1–2 (37–38). С.5–86; ВЦИ. 2016. № 3–4 (43–44). С.28–100.
11. Черкасова М.С. Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) //

Материалы XIII Всеросс. научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003.

12. Черкасова М.С. Записные книги поповских заказчиков Ростовской митрополии XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013.

13. Черкасова М.С. Институт поповских старост на севере России в середине XVII в. (источниковедческие аспекты) // Исследования по истории России до 1917 г. Сборник статей к 90-летию профессора И.А. Булыгина. М., 2016.

В.Г. Трофименко

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1930–1940-е гг.: ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО ТРЕСТА «ДВИНОЛЕС»

Аннотация: В современном российском обществе не утихают споры относительно такого важного и тяжелого вопроса истории нашей страны, как политические репрессии 1930-х гг. В данной статье приводятся результаты исследования, позволяющего пролить свет на такие вопросы, как количество спецпоселенцев, задействованных в работе одного из крупнейших трестов нашей области, условия их пребывания на Севере, национальный и социальный состав. Статья основана на документах треста «Двиналес», находящихся на хранении в Государственном архиве Архангельской области.

Ключевые слова: спецпоселенцы, трудпоселенцы, лесная промышленность.

Abstract: In modern Russian society there is a constant debate about such an important and difficult issue in the history of our country as the political repressions of the 1930s. This article presents the results of a study that allows to shed light on such issues as the number of special settlers involved in the work of one of the largest trusts in our region, the conditions of their stay in the North, national and social composition. The article is based on the documents of the trust “Dvinales”, stored in the State archive of the Arkhangelsk region.

Key words: special settlers, labor settlers, forest industry.

Тема спецпоселенцев за последние три десятилетия относительно широко освещена в отечественной историографии. Эта категория репрессированных не раз становилась предметом исследования на уровне диссертаций на соискание ученых степеней [7; 6] и научных статей [8, 9]. Имели место и публикации архивных документов в центральных научных изданиях [5]. Однако массовый читатель все еще плохо представляет себе масштабы спецпоселения и проблемы, с которыми столкнулись спецпоселенцы (трудпоселенцы) по прибытии на новые места работы и жизни. Все чаще высказываются мнения, что репрессии не были массовыми, а условия жизни подневольных рабочих не были столь уж тяжелыми, как то пытаются представить хулители всего советского. Цель дан-

ной статьи – на примере архивных документов отразить, по возможности, действительную картину этого периода нашей истории.

К вопросу о численности трудпоселенцев, работавших в лесной отрасли, приведем данные по Пинежскому леспромхозу за первый квартал 1937 года в таблице 1. Здесь мы можем видеть, что число работающих в лесу поселенцев варьировалось, как варьировался и их заработок [1, л. 6–12].

Таблица 1

Данные о количестве работающих в Пинежском леспромхозе спецпереселенцах и их заработной плате за январь-апрель 1937 года

Месяц	Работало в текущем месяце				Общий заработок за текущий месяц	Средний дневной заработок одного поселенца
	Мужчин	Женщин	Подростков	Всего		
Январь	323	176	1	500	99244 р. 30 к.	8 р. 30 к.
Февраль	406	213	3	622	113967 р. 55 к.	7 р. 80 к.
Март	336	176	2	514	91568 р. 31 к.	7 р. 16 к.
Апрель	305	162	8	475	132023 р. 81 к.	5 р. 56 к.

Приведенные данные не дают, впрочем, представления о соотношении численности добровольных и недобровольных работников в леспромхозах. Любопытна в этом отношении записка директора Верхнетоемской «школы леспромхозуча» от 7 августа 1937 года, в которой он сообщает управляющему Карманову о том, что «сейчас имеем заявлений для поступления в школу 127 штук, из них т/переселенцев 100 штук». Собственно, в записке он просит дать разъяснение, «можно или нет набирать из т/переселенцев», «ввиду контрреволюционных вылазок со стороны некоторых учащихся из трудпереселенцев» [1, л. 9]. Что это были за «вылазки» не уточняется, были ли это факты сопротивления администрации, побег или просто высказывание своего мнения относительно режима содержания, из записки не видно. Видно лишь то, что перевес в численности трудпереселенцев над вольнонаемными работниками был значительный.

Отметим, что 5 % из заработной платы трудпоселенцев отчислялось «на адмрасходы местных органов НКВД» [1, л. 10]. В этом отношении все было вполне логично – они оплачивали труд тех, кто их охранял. И охранял весьма бдительно: стоило только руководству лесных трестов поверить в «самую демократичную» конституцию в мире, как со стороны органов последовал грозный оклик. 19 мая 1937 года «Главсевлес» передал на места секретную информацию: «По сообщению ГУЛАГ НКВД лесные тресты Северной области дали

леспромхозам указание, в котором ссылаясь на новую конституцию, разрешили трудпоселенцам уходить из трудпоселков, увольняться из леспромхозов и поступать на работу куда захочется. Трестам известно, что все вопросы правового положения трудпоселенцев могут разрешаться только органами НКВД. В виду этого категорически предлагается дать срочное указание леспромхозам об отмене подобных распоряжений» [1, л. 14].

НКВД был сильно озабочен тем, что трудпоселенцы были разбросаны по огромной территории, что и без того затрудняло контроль над их передвижением. Так, в записке директорам Выйского и Верхнетоемского леспромхозов от 14 августа 1937 года руководство Отдела лагерей, трудпоселений и мест заключений (ОЛАГ ТП и МЗ) УНКВД по Северной области указывает, что трудпоселенцы, работавшие в этих хозяйствах, расквартированы «в 30 пунктах, удаленных от поселков на расстоянии от 80 до 150 километров». Это мешает вести «учет и наблюдение за их работой, а также вести борьбу с бегством». Поэтому предполагалось сконцентрировать всех трудпереселенцев в непосредственной близости от населенных пунктов, одновременно «погасить имеющуюся задолженность по зарплате» [2, л. 21].

Обратимся к правовым основаниям использования трудпоселенцев на предприятиях лесной отрасли. В этом отношении показателен договор, заключенный 15 октября 1937 году между ОЛАГ ТП и МЗ УНКВД по Северной области и трестом «Двинолес». По этому договору ОЛАГ передал тресту «контингент трудпоселенцев ... как постоянный кадр рабочих». Согласно договору, условия труда этой категории работников регулировались «общим законодательством о труде и коллективными договорами предприятий треста с соответствующими профсоюзами наравне с постоянными кадрами рабочих». Отличия от вольнонаемных рабочих все же были. Во-первых, в пределах границ треста переброска трудпоселенцев должна была производиться по совместному решению администрации треста и ОЛАГ. Внутри одного предприятия (леспромхоза, трансхоза, лесобиржи и лесозавода) переброска должна была быть согласована с районными органами НКВД. Во-вторых, не допускалось совместное проживание в одних домах трудпоселенцев и вольнонаемных рабочих. В-третьих, 10 % трудпоселенцев, находящихся в трудоспособном возрасте, выделялись для сельскохозяйственных работ в неуставных сельхоз артелях, вели подсобное хозяйство. В-четвертых, те самые 5 % суммы заработка спецпоселенца, которые предприятие должно было переводить на расчетный счет райкомендатуры РО УНКВД по Северной области (а предприятия Архангельска – непосредственно в ОЛАГ). Любопытно, что трест имел право продавать, а трудпоселенцы – покупать, «дома в трудпоселках на льготных условиях со скидкой до 75 % и с рассрочкой платежей на 10 лет» [2, л. 36-38].

В высшей степени показательно, что эти 5 % с зарплаты были, очевидно, единственной платой, которую местное УНКВД и его районные органы получали за использование труда поселенцев по этому договору. Речь шла, в сущности, о плате за охрану, трест больше ничего не должен был доблестным органам, разве что предоставлять коменданту трудпоселка помещение под квартиру

и канцелярию. Трудпоселенцы были, таким образом, на самокупаемости. Все бремя их содержания ложилось на трест, который использовал их труд. А НКВД был кровно заинтересован в отсутствии задержек и задолженностей по зарплате своих подопечных – нет зарплаты, нет 5 % от нее в бюджет тех же органов.

Об отношении к подневольным работникам со стороны руководства леспромпхозов можно судить по письму прокурора Котласского района Воронова директору Удимского леспромпхоза и управляющему треста «Двинолес» от 4 марта 1937 года. В письме говорится о «громадной задолженности по заработной плате заключенным Приводинской ИТК со стороны различных организаций», которая привела к тяжелому положению заключенных. Один лишь Удимский ЛПХ имел задолженность в размере 275 075 руб. Любопытно, что причину этого прокурор видит в том, «что взгляды на заключенных у ряда работников организаций сохранились до сих пор еще давно отжившие, характерные буржуазному строю: “они не убегут, не подохнут”». Такое отношение к «живым людям из преступного элемента», по мнению прокурора, являлся недопустимым, так как вместо перевоспитания приводило к упадку дисциплины и настроения заключенных [2, л. 1].

Эта ситуация была известна и руководству треста: 10 марта 1937 г. управляющий Карманов направил руководителям 11 леспромпхозов сообщение, что «систематически задерживается и не полностью выплачивается зарплата трудпоселенцам», что усиливает бегство последних с места работ и создает среди них «нездоровые настроения». Предлагалось к 15 марта эту задолженность ликвидировать и далее не допускать [2, л. 2].

Использование спецпоселенцев или трудпереселенцев продолжалось и в годы Второй мировой войны. Их приток обеспечивался сначала за счет захваченных на присоединенных в 1939–1940 гг. территориях враждебных советской власти элементов, а затем – за счет военнопленных. К 1945 году НКВД выделял следующие категории недобровольных работников:

- 1) трудпереселенцы (бывшие кулаки, поселенцы и др., переданные на предприятия до 1939 г.);
- 2) спецпереселенцы, прибывшие на предприятия с 1939 по 1943 г. включительно;
- 3) спецпереселенцы, прибывшие на предприятие с 1944 г.;
- 4) переданные предприятиям рабочие из ликвидированных стройбатальонов (интернированные и т.п.);
- 5) военнопленные;
- 6) контингенты, выделенные для работы на предприятиях из исправительно-трудовых лагерей и колоний;
- 7) прочие спецпереселенцы [3, л. 1].

Отношение к спецпоселенцам со стороны их работодателей за годы войны к лучшему не изменилось. Из сообщений НКВД руководству треста «Двинолес» видно, что леспромпхозы, в частности Березницкий, совершенно не заботились о подведомственных поселках подневольных рабочих: «Некоторые ба-

раки находятся в таком состоянии, что не исключена возможность обвала стен и потолков». Со слов руководства леспромхоза, трест не забывал взимать квартирную плату с невольников, а вот отремонтировать их бараки – строго запрещал. Руководство местного НКВД требовало у треста либо разрешить отремонтировать бараки силами леспромхоза, либо передать их в руки неуставных сельхозартелей, то есть самих спецпереселенцев [3, л. 9]. Трест же, в свою очередь, обвинил во всем руководство леспромхоза, не желавшее тратить средства на ремонт бараков, сам же трест каждый год отпускал на это определенные суммы [3, л. 11]. Кто на самом деле был прав и виноват – трудно определить, но леспромхозы, в любом случае, были объявлены «крайними», так как, имея у себя на подведомственной территории и материал для ремонта в виде дерева, и рабочие руки в лице спецконтингента, они не могли (видимо – не хотели) решить банальную проблему обновления жилого фонда.

О сложностях, связанных с эксплуатацией все увеличивающегося потока спецпоселенцев, руководство треста сообщало местным партийным властям еще в феврале 1941 г. В зиму 1939–1940 гг. трест мог предоставить нормальные бытовые условия только для 400 семей, в то время как Наркомат потребовал принять 1000 семей, а фактически предоставил в начале 1940 г. 1205 семейств (5842 человека, из которых только 2489 были людьми трудоспособного возраста). В июне–августе 1940 г. привезли еще 568 семей беженцев (2263 человека, из которых 1282 – трудоспособного возраста). Кроме того, из Виноградовского района перебросили 47 семей, находившихся там в стесненных обстоятельствах. Итогом стало перенаселение местных спецпоселков, где вместе с работоспособными содержались и 646 стариков, инвалидов и нетрудоспособных женщин, обремененных детьми. Эта группа «влачила жалкое существование». При этом ведомства не могли договориться между собой: «Коменданты считают, что мы должны им помогать. Мы считаем, что НКВД должен помогать». Людей просто закинули в лес целыми семьями, не обеспечив ни одеждой, ни пропитанием, ни жильем. Поляки-осадники сравнительно быстро включились в работу, а вот другая категория, «евреи оказались значительно хуже, никогда на физической работе не работавшие, в большинстве своем всеми мерами уклоняются от работы» [3, л. 36–38]. Приводились факты того, что евреи устраивали саботаж, например, не хотели работать вместе с поляками, так как те – «враги Коминтерна», утверждали, что евреев отправили работать «по ошибке», требовали, чтобы их использовали по их специальности и т.д.

Вообще говоря, руководство треста считало режим спецпоселков даже излишне мягким по отношению к содержащимся там людям. Во-первых, оно указывало, что спецпоселенцы получают слишком много посылок с воли, что расшатывает трудовую дисциплину: «Выходит так, что все имущие могут не работать и хорошо жить». Во-вторых, медицинский персонал слишком слабый, не может сам поставить диагноз и гоняет работников в райцентр: «Некоторые элементы, учтя это, занялись явной симуляцией, видя, что можно несколько дней не работать и на лошадях лесопункта съездить в райцентр». В-третьих, все общежития рабочих снабжены за счет треста ведрами, умывальниками, баками,

кипятильниками, что слишком уж хорошо для спецпоселенцев: «Все это привело к чрезмерной опекаемости новых рабочих, часть из которых, видя такую заботу, стали сознательно распродавать и променивать на продукты питания свою одежду и имущество, получая все это от предприятия» [3, л. 38–51].

Были у треста и вопросы к НКВД, который являлся не только поставщиком рабочей силы, но и контролером, через своих комендантов вмешиваясь в работу леспромхозов. Работодателей не устраивало, что «в большинстве своем коменданты встали на сторону новых рабочих, поддерживая их рваческие требования, о выдаче им одежды, обуви... Беря под защиту рабочих, развили и укрепили теорию о том, что если у рабочего нет соответствующей одежды, он вправе не выйти на работу. В итоге создали такое положение, когда отдельные рабочие, в частности, евреи, не желая работать, получая в огромном количестве посылки и деньги, за этой формой скрываются от работы» [3, л. 55]. То есть коменданты не выполняют свои прямые обязанности – помогать предприятию эксплуатировать переданные трудовые ресурсы. Примеры приводились самые яркие: «Так, на лесопункте Ульское Орлецкого леспромхоза племянница Колчака с момента прибытия ни на какие работы не выходит, заявляя: “Стреляйте, работать не пойду”. Комендант Червяков посадил ее на 5 суток в карцер, но и после этого она на работу не вышла и не идет и никаких мер комендатура к ней больше не применяет» [3, л. 55].

Учреждения НКВД регулярно проводили проверки в леспромхозах, выявляя случаи бесчеловечного отношения к спецпереселенцам. По результатам проверки Емцовского ЛПХ в 1946 г. руководство треста писало в леспромхоз:

«В поселках Курган, Костыли и Славное спецпереселенцы, в том числе и семейные, расселены в общих бараках, скученно, так например поселок Костыли на 32 м² проживает 35 и более человек. Работа детучреждений отсутствует, бараки и общежития не имеют столов, табуреток, умывальников, кроватей. Плохо организовано снабжение спецпереселенцев, в первую очередь иждивенцев и детей, вследствие чего имеются частые случаи заболевания детей дистрофией и смертность» [4, л. 5]. Трест потребовал у леспромхоза наладить из выделенной мануфактуры пошив постельных принадлежностей, производство столов, тумбочек, табуреток и кроватей.

Вполне естественно, что спецпоселенцы не имели ни малейшей мотивации работать и жить в таких условиях. Люди стремились при любой возможности бежать из мест фактической каторги. При всем том, что НКВД прекрасно знал причины побегов, он вынужден был своих подопечных ловить и возвращать. Выход был найден – в соответствии с распоряжением НКВД СССР от 1 ноября 1945 года в Верхне-Ежугском лесопункте Пинежского леспромхоза был организован «особорежимный спецпоселок» с расчетом вселения в него 400 (!) семей спецпереселенцев склонных к побегам с мест постоянного поселения. Назывался этот спецпоселок «Верхняя Ежуга» [4, л. 10].

Даже оставив в стороне моральные вопросы функционирования системы принудительного труда, обратимся к вопросу экономической целесообразности использования спецпоселенцев на работах в лесной отрасли. Сами же органы

НКВД, передавшие такой трудовой ресурс лесным трестам, признавали: «Производительность труда переселенцев, как правило, чрезвычайно низка». Во-первых, у них не было ни теплой одежды, ни инвентаря, они были обременены уходом за детьми. На февраль 1941 г. из 4119 трудоспособных переселенцев, переданных «Двинолесу», не работали 968 человек (почти четверть). Во-вторых, этим людям никто не показал, как валить лес – на лесопунктах почти полностью отсутствовало техническое обучение, «поэтому люди просто не знают у кого спросить, как валить дерево, разделявать и прочее». Опытных вальщиков было мало, инструмент по качеству был крайне низкий. В итоге – отставание от выполнения плана было от 40 до 60 %, в зависимости от лесопункта [3, л. 64].

Подводя итог, можно с уверенностью сказать – использование труда спецпоселенцев в лесной отрасли было, во-первых, аморальным, во-вторых, неэффективным. Государство пыталось «убить двух зайцев» – наказать тех, кто, с его точки зрения, являлся преступником, и решить кадровый вопрос индустриализации. Тысячи людей, многие из которых признавались виновными по факту рождения в «не той» семье, были переброшены в непривычные им климатические условия и обязаны заниматься работой, в которой они не компетентны. Все это, помноженное на традиционно слабую логистику, межведомственные конфликты, пренебрежительное отношение к инфраструктуре и равнодушие к человеческой личности, давало не тот результат, на который рассчитывало государство, а гораздо менее впечатляющий.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). ГААО. Ф. 2333. Оп. 2. Д. 7.
2. ГААО. Ф. 2333. Оп. 3. Д. 56.
3. Там же. Д. 22.
4. Там же. Д. 64.
5. Документы Госархива общественно-политических движений и формирований Архангельской области о приеме и расселении раскулаченных в Северном крае. 1930 г. Вступительная статья и комментарии Н.В. Упадышева // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 94–108: «С подготовительной работой для расселения на постоянное жительство "переселенцев"... обстоит из рук вон плохо...».
6. *Зберовская Е.Л.* Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.): дис. канд. исторических наук: 07.00.02 – отечественная история. Красноярск, 2006. 236 с.
7. *Корсакова О.В.* Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг.: На материалах Красноярского края: дис. канд. исторических наук: 07.00.02 – отечественная история. Красноярск, 2001. 227 с.
8. *Старостин С.И.* Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е гг. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 1. С. 212–317. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-4.
9. *Упадышев Н.В.* Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // *Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки».* 2005. № 2 (8). С. 24–33.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ «СЕВЕРОДВИНСК»: АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ

Аннотация: Статья описывает демографический кризис Российской Федерации, а также состояние демографической ситуации в регионах, относящихся к Арктической зоне Российской Федерации. Проанализированы основные демографические показатели муниципального образования «Северодвинск», представлен прогноз развития демографической ситуации.

Ключевые слова: демографический кризис, численность населения, рождаемость, смертность, миграция, доходы населения, социально-экономическое развитие, уровень жизни, Арктическая зона Российской Федерации, Северодвинск.

Abstract: The article describes the demographic crisis of the Russian Federation, as well as the state of the demographic situation in the regions belonging to the Arctic zone of the Russian Federation. Are analyzed the main demographic indicators of the municipality "Severodvinsk", the forecast of the development of the demographic situation is presented.

Keywords: demographic crisis, population size, birth rate, mortality rate, migration, population income, social and economic development, standard of living, Arctic Zone of the Russian Federation, Severodvinsk.

Наличие демографического кризиса в Российской Федерации давно не вызывает сомнений. Если обратиться к истории изменения демографической ситуации и проанализировать динамику численности населения с 1917 по 2018 год, то можно выделить несколько периодов, когда наблюдался демографический кризис:

1. кризис 1932–1933 гг., который был связан с массовым голодом в СССР (численность населения сократилась почти на 7 млн. чел.) [6, с.3];

2. кризис 1941–1945 гг., который был связан с Великой Отечественной войной и который повлек к сокращению населения от 26 до 28 млн. чел. [7, с. 23];

3. в период с 1991 года происходит уменьшение численности населения, связанное с распадом Советского Союза и экономическим кризисом. Россия оказалась лишенной почти половины своего населения, 30 миллионов русских, проживавших в республиках, ставших независимыми государствами, были исключены из большой «переписи» 1990 года, по данным которой в Российской Федерации было 148 миллионов жителей [9, с. 67]. События, связанные с переходом к рыночной экономике, привели к тому, что рождаемость в России в течение одной декады сократилась с 2,0 до 1,2 ребенка на одну женщину. Подобный спад коснулся и показателей ожидаемой продолжительности жизни – в период с 1991 по 1995 год она сократилась с 69,19 до 64,52 года (табл. 1). Сильнее всего это отразилось на мужской части населения: в середине 1990-х гг. ожидалось, что российские мужчины в среднем доживут лишь до 57,4 лет [11].

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

Годы	Все население		
	всего	мужчины	женщины
1990	69,19	63,73	74,30
1995	64,52	58,12	71,59
2000	65,34	59,03	72,26
2001	65,23	58,92	72,17
2002	64,95	58,68	71,90
2003	64,84	58,53	71,85
2004	65,31	58,91	72,36
2005	65,37	58,92	72,47
2006	66,69	60,43	73,34
2007	67,61	61,46	74,02
2008	67,99	61,92	74,28
2009	68,78	62,87	74,79
2010	68,94	63,09	74,88
2011	69,83	64,04	75,61
2012	70,24	64,56	75,86
2013	70,76	65,13	76,30
2014	70,93	65,29	76,47
2015	71,39	65,92	76,71
2016	71,87	66,50	77,06
2017	72,70	67,51	77,64
2018	72,91	67,75	77,82

Если проанализировать показатели изменения численности населения за последние 5 лет (с 2015 по 2019 гг.), то можно увидеть положительную динамику, каждый год население увеличивается в среднем на 803 тыс. чел.

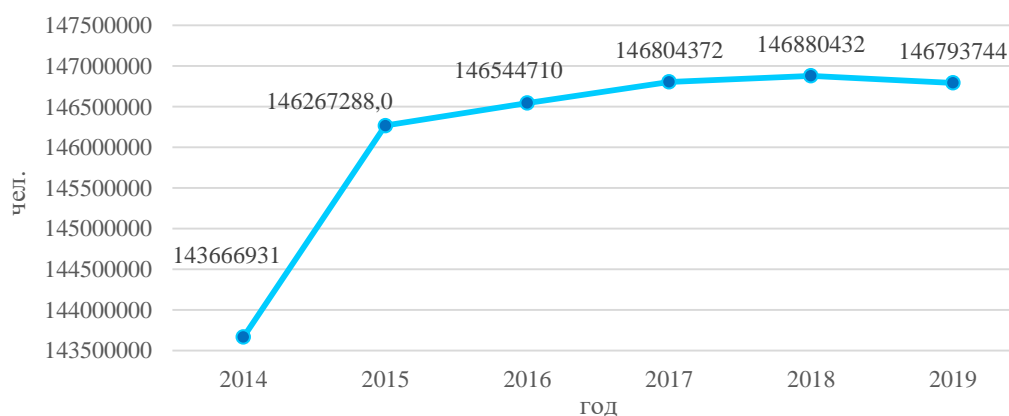

Рис. 1. Динамика численности населения Российской Федерации с 2014 по 2019 г.

Необходимо принять во внимание 2014 год, когда численность населения увеличилась более чем на 2 млн. чел. Такая ситуация произошла за счет включения Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации (рис. 1).

В 2019 году наблюдается спад – численность населения сократилась на 66 тыс. чел. (0,06 %). Таким образом, Российская Федерация снова теряет свое население.

По данным Росстата, наиболее благополучными регионами, численность населения в которых растет по сравнению с прошлыми годами, являются:

- город Москва и Московская область;
- Краснодарский край;
- город Санкт-Петербург;
- Тюменская область и т.д. (табл. 2) [12].

Таблица 2

Субъекты-лидеры Российской Федерации по общему приросту численности населения

Место в рейтинге	Субъект России	Численность населения на 1.01.2018	Численность населения на 1.01.2019	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
1	г. Москва	12615279	12506468	10881 1	10048	98763
2	Московская область	7 599 647	7 503 385	96262	-9217	105479
3	Краснодарский край	5 648 235	5 603 420	44 815	-2755	47570
4	Ленинградская область	1 847 867	1 813 816	34 051	-9690	43741
5	г. Санкт-Петербург	5 383 890	5 351 935	31 955	4179	27776
6	Тюменская область	3 723 969	3 692 400	31 569	21045	10524
7	Республика Дагестан	3 086 126	3 063 885	22 241	33249	-11008
8	Чеченская Республика	1 456 951	1 436 981	19 970	23528	-3558
9	Ханты-Мансийский АО-Югра	1 663 795	1 655 074	8 721	12145	-3424
10	Калининградская область	1 002 187	994 599	7 588	-1879	9467

Таким образом, рост населения наблюдается в столичных и экономически развитых субъектах Российской Федерации, характеризующихся высоким уровнем жизни. Также некоторые регионы имеют большой положительный прирост численности населения в связи с традиционно высоким уровнем рождаемости (Республика Дагестан, Чеченская Республика).

Одними из наиболее неблагоприятных регионов для жизни являются регионы, относящиеся к Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ), в которую входят регионы Северо-Западного федерального округа, Сибирского федерального округа, Дальневосточного федерального округа и Уральского федерального округа.

АЗ РФ является крупнейшей в мире – ни одна страна не имеет столь обширных территорий за Полярным кругом. По итогам VI Международной встречи государств-членов Арктического совета, Николай Патрушев – секретарь Совета безопасности РФ – сообщил о том, что АЗ РФ обеспечивает около 11 % национального дохода России (при доле проживающего здесь населения в 1 %) и до 22 % объёма общероссийского экспорта [1].

Согласно указу Президента РФ от 02.05.2014 г. №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (ред. от 13.05.2019), к Арктической зоне относят следующие территории:

- некоторые муниципальные образования Архангельской области;
- Мурманская область;
- Ненецкий автономный округ;
- Чукотский автономный округ;
- Ямало-Ненецкий автономный округ;
- Республика Коми (муниципальное образование городского округа «Воркута»);
- частично районы Красноярского края;
- частично районы Республики Саха (Якутия);
- некоторые муниципальные образования Республики Карелия.
- земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР [10].

Практически во всех вышеперечисленных регионах наблюдается сокращение численности населения (табл. 3).

Таблица 3

Прирост численности населения в регионах Арктической зоны
Российской Федерации

Субъект России	Численность населения на 1.01.2018	Численность населения на 1.01.2019	Общий прирост	Естественный прирост	Миграционный прирост
Архангельская обл. без НАО	1 100 290	1 111 031	- 10 741	- 4 040	- 6 701

Мурманская область	748 056	753 557	- 5 501	- 1 099	- 4 402
Чукотский АО	49 663	49 348	315	78	237
Ямало-Ненецкий АО	541 479	538 547	2 932	4 667	- 1 735
Ненецкий АО	43 829	43 997	- 168	224	- 392
Республика Карелия	618 056	622 484	- 4 428	- 3 108	- 1 320
Республика Коми	830 235	840 873	- 10 638	- 1 362	- 9 276
Республика Саха (Якутия)	967 009	964 330	2 679	5 619	- 2 940
Красноярский край	2 874 026	2 876 497	- 2 471	- 2 193	- 278

Социально-экономическое развитие АЗ РФ является одним из приоритетных для России, обусловлено это многими причинами. Некоторые из них:

- использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы Российской Федерации, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны (освоение и использование природных ресурсов, таких как: золото, алмазы, никель, олово, нефть, газ и т.д.);
- использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике;
- сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества;
- сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации в Арктике и т.д. [4].

Реализация таких глобальных планов немыслима без проведения грамотной социально-экономической политики, которая включает в себя улучшение качества жизни населения. Улучшение качества жизни способствует улучшению демографической ситуации, но для этого необходимо применять огромный комплекс мер.

Каждый регион имеет свои те или иные особенности и это необходимо учитывать при разработке комплекса мер по улучшению демографической ситуации, то есть брать во внимание не только страну в целом, а действовать целенаправленно.

Одним из крупных промышленных и научно-технических центров Севера России является город Северодвинск. Ведущие отрасли экономики здесь – кораблестроение (строительство и ремонт подводных лодок, надводных кораблей и судов), строительство морских буровых платформ, металлообработка. Также Северодвинск входит в число 14 моногородов, расположенных в АЗРФ.

По предварительной оценке, численность постоянного населения Северодвинска на 1 января 2019 года составляет 182291 чел. По сравнению с данными

за 2018 год (183255 чел.) этот показатель сократился на 0,53 % (964 чел.), а в 2017 году на 0,4 % (741 чел.).

Проанализировав данные за 5 лет, можно сделать вывод о том, что в городе происходит ежегодное сокращение численности населения (рис. 2). Тенденция сокращения населения сохраняется уже на протяжении 9 лет.

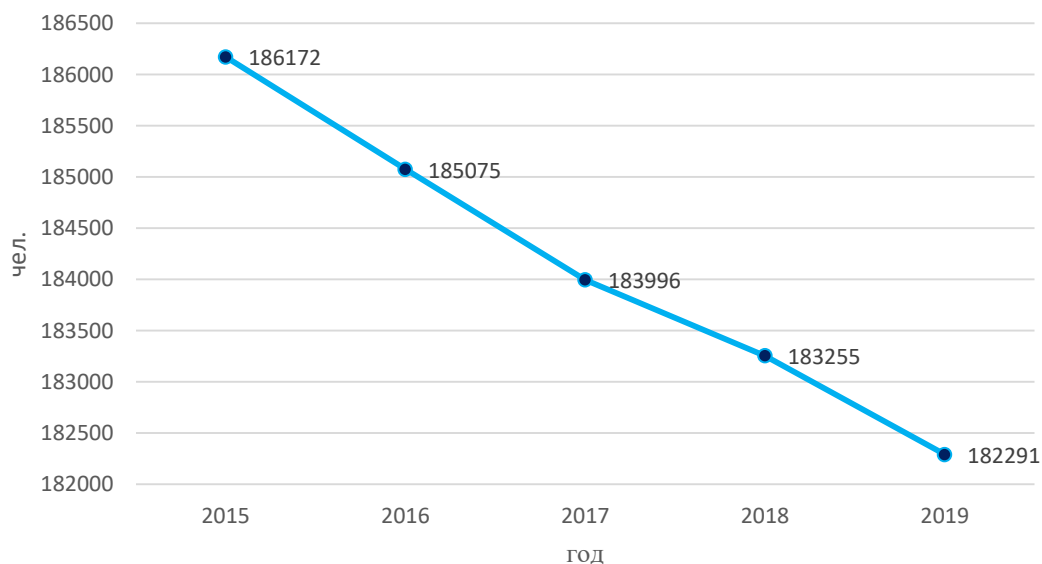

Рис. 2. Динамика численности населения МО «Северодвинск» за 5 лет

Согласно отчету Управления экономики за 2018 год, численные потери населения в 2018 году обусловлены естественной убылью (превышением числа смертей над числом рождений) и миграционным оттоком населения (численность выбывших превышает численность прибывших) [5, с. 7].

Миграционная убыль в последние годы играла основную роль в сокращении численности населения Северодвинска. Высокий уровень миграционной убыли сформировался из-за значительного превышения числа выбывших над числом прибывших (табл. 4) [5, с. 8].

Таблица 4

Динамика абсолютных показателей миграции населения Северодвинска

Наименование	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Прибыло всего, чел.	4 217	4 839	5 148	5 287
- в т. ч. к месту жительства	2 521	3 009	3 223	3 269
Выбыло всего, чел.	5 586	5 794	5 815	5 852
- в том числе снято (выбыло) с регистрационного учета по прежнему месту жительства	3 523	3 943	3 939	4 015
Общий объем миграции всего, чел.	9 803	10 633	10 963	11 139
- в том числе объем мигрантов, зарегистрированных на постоянное место жительства	6 044	6 952	7 162	7 284
Миграционный прирост, убыль (-) насе-	-1 369	-955	-667	-565

ления всего, чел.				
- в том числе миграционный прирост, убыль (-), зарегистрированных на постоянное место жительства	-1 002	-934	-716	-746

В 2018 году число выбывших (5 852 человек) на 10,7% превысило число прибывших (5 287 чел.). Несмотря на это, миграционная убыль населения г. Северодвинска ежегодно сокращается. Обратная ситуация наблюдается с естественным движением населения г. Северодвинска (табл. 5).

Таблица 5

Динамика абсолютных показателей естественного движения населения
Северодвинска

Наименование	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Численность родившихся, чел.	2451	2154	2003	1840
Численность умерших, чел.	2221	2295	2098	2150
Естественный прирост, убыль (-) населения, чел.	230	141	-95	-310

В 2018 году произошло резкое превышение показателя смертности над показателем рождаемости по сравнению с предыдущими годами (рис. 3).

Рис. 3. Естественное движение населения в МО «Северодвинск» с 2015 по 2018 г.

Основными причинами смертности населения Северодвинска являются болезни системы кровообращения (59,2% от всех умерших), новообразования (18,5% умерших) и несчастные случаи (8,3% умерших) [5, с. 9].

Также необходимо отметить, что высокая смертность остается в сегменте трудоспособного населения, что не может не беспокоить. По данным «Демографического ежегодника Архангельской области за 2017 год», из общего числа умерших в 2017 году по Северодвинску почти четверть (22,9%, или 480 человек) приходится на людей трудоспособного возраста, из них 81,3% составляют мужчины [8, с. 86].

Как известно, демографические явления находятся под влиянием различных социально-экономических факторов, в свою очередь, демографические явления оказывают как прямое, так и косвенное воздействие на все сферы общественной жизни: политическую, экономическую, социальную, духовную и т.д. Таким образом, между демографическими явлениями и социально-экономическими факторами существует обратная связь. Поэтому высокие показатели смертности в сегменте трудоспособного населения ведут к сокращению численности трудовых ресурсов.

В 2018 году численность трудовых ресурсов Северодвинска в среднегодовом исчислении составила 112,3 тыс. человек, или 61,1% от общей численности населения (в 2017 году – 112,5 тыс. человек, или 60,9%). Среднегодовой темп сокращения численности трудовых ресурсов Северодвинска составляет 0,1% в год. Относительно низкие (по сравнению с темпами снижения численности трудоспособного населения) темпы сокращения трудовых ресурсов сложились за счет высокой трудовой активности населения пенсионного возраста и снижения доли неработающего населения трудоспособного возраста [5, с. 10].

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на демографическую ситуацию, является уровень доходов населения, что также отражает уровень жизни населения. В городе Северодвинске среднемесячная заработная плата (без выплат социального характера), начисленная работающим на предприятиях и в организациях города (без субъектов малого предпринимательства), за 2018 год составила 59155 руб., что выше, чем показатель предыдущего года на 8,2 % (2017 год – 54673 руб.) [5, с. 13]. По официальным данным Росстата, среднедушевые доходы населения за 2018 год в Российской Федерации составляют 32609,3 руб. в месяц. Таким образом, среднемесячная заработная плата в Северодвинске выше на 40 %, чем по Российской Федерации в целом. Но, несмотря на то, что размер среднемесячной заработной платы выше среднего значения по Российской Федерации в связи с существующими северными надбавками, это не говорит о том, что уровень жизни населения города выше, чем в остальных регионах. Обусловлено это тем, что в Северодвинске, как и других регионах, входящих в состав АЗ РФ, имеют место суровые климатические условия, слаборазвитая инфраструктура и соответствующий уровню заработной платы уровень цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги. В регионах с развитой инфраструктурой стоимость перевозки товаров ниже, что напрямую отражается на их себестоимости.

Согласно программам социального и экономического развития Северодвинска на 2016–2021 гг., утвержденным Постановлениями Администрации

Северодвинска от 29.12.2015 № 637-па (ред. от 07.08.2019) и № 612-па от 11.12.2015, ожидаемыми результатами их реализации являются:

- увеличение доли граждан, охваченных мерами социальной поддержки за счет местного бюджета, от общего числа населения города от 20,62 % до 23,94 %;

- доля детей, находящихся в государственных учреждениях составит 27,78 %;

- увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории города (на усыновление (удочерение)), и под опеку (попечительство) до 75,56 %;

- снижение удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в общем числе зарегистрированных преступлений по городу до 2,45 % [2, с. 4];

- наличие разработанной стратегии социально-экономического развития муниципального образования «Северодвинск»;

- увеличение объема инвестиций в основной капитал по городу Северодвинску в расчете на 1 жителя с 48,6 тыс. рублей до 71,2 тыс. рублей;

- достижение числа субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тысяч человек населения 366 единиц;

- увеличение оборота розничной торговли в расчете на 1 жителя с 216,6 тыс. рублей до 315,0 тыс. рублей;

- доля расходов на коммунальные услуги в совокупном доходе семьи не превысит 6 %;

- снижение числа пострадавших в результате несчастных случаев на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более со 112 человек до 100 человек [3, с. 4].

Таким образом, несмотря на обширный комплекс мер по повышению уровня жизни населения, на данный момент в г. Северодвинске отсутствует стратегия по комплексному социально-экономическому развитию. Вышеупомянутые программы в целом направлены на малозащищенные слои общества, что не решит существующие проблемы для большинства населения. Существующие стратегии социально-экономического развития давно являются неактуальными (последняя была разработана в 2010 году на перспективу до 2012 года).

Список источников и литературы

1. INTERFAX РОССИЯ [Электронный ресурс]: [официальный сайт] / Интерфакс. – Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Moscow/main.asp?id=759529>, дата обращения: 24.09.2019.

2. Муниципальная программа «Социальная поддержка населения Северодвинска на 2016-2021 годы» (актуальная версия от 07.08.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.severodvinsk.info/?idmenu=48&y=2021>, дата обращения: 26.09.2019.

3. Муниципальная программа «Экономическое развитие муниципального образования «Северодвинск» на 2016-2021 годы» (актуальная версия от 07.08.2019) [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <http://www.severodvinsk.info/?idmenu=48&y=2021>, дата обращения: 26.09.2019.

4. «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119442/06447d268a8a43d7ae87db84c433879c153beb7d/, доступ СПС «Консультант Плюс», дата обращения: 25.09.2019.

5. Основные социально-экономические показатели муниципального образования «Северодвинск» (данные за 2018 год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.severodvinsk.info/?idmenu=53>, дата обращения: 25.09.2019.

6. Постановление ГД ФС РФ от 02.04.2008 № 262-5 ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР».

7. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в 1941–1945 гг. // Народонаселение. № 1. 2011. С. 8–24.

8. Слудникова А.И. Демографический ежегодник Архангельской области 2017 [Текст]: статистический сборник / А.И. Слудникова, Е.В. Автомонова, И.А. Вешняков; Управление Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, 2018. 147 с.

9. Статистический ежегодник: Народное хозяйство СССР за 1990 год. Москва «Статистика и финансы». 1991. 750 с.

10. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014, № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162553/, доступ СПС «Консультант Плюс», дата обращения: 25.09.2019.

11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: [официальный сайт] / Росстат. – Электрон. дан. – [Москва]: федеральная служба государственной статистики, 1999–2019. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo26.xls, дата обращения: 25.09.2019.

12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: [официальный сайт] / Росстат. – Электрон. дан. – [Москва]: федеральная служба государственной статистики, 1999–2019. Режим доступа: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/PrPopul2019.xls, дата обращения: 26.09.2019.

АРХИТЕКТУРА СТАЛИНСКОГО АМПИРА В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ

Аннотация: в статье рассмотрена роль архитектурного неоклассицизма в развитии культурного ландшафта городов Севера России. Кинотеатры рассматриваются с точки зрения воплощения политических идей общества путем организации общественного пространства. Культурный ландшафт не только отражает советскую действительность, но и формирует стилевые особенности, которые характерны не только для русского Севера, но и для страны в целом.

Ключевые слова: ампир, городское пространство, культурный ландшафт, пропаганда, культурные учреждения, архитектура.

Abstract: the article considers the role of architectural Neoclassicism in the development of the cultural landscape of cities in the North of Russia. Cinemas are considered from the point of view of embodiment of political ideas of society by the organization of public space. The cultural landscape not only reflects the Soviet reality, but also forms stylistic features that are characteristic not only for the Russian North, but also for the country as a whole.

Keywords: Empire, urban space, cultural landscape, propaganda, cultural institutions, architecture.

В социокультурное пространство современного города вписывается понятие «сталинского ампира». В советский период идеологическая концепция о направляющей роли правящей партии воплощалась посредством технологий пропаганды и агитации. Городское пространство рассматривалось как способ влияния на население, соответственно, оно использовалось как площадка для пропаганды основных идеологических установок советского государства. В данном контексте, интересна попытка выстроить взаимосвязи культуры и идеологии, которая, по нашему мнению, наиболее полно отразилась в архитектурном облике.

Проблема становления архитектурного наследия является одной из основных проблем теории и практики советской архитектуры. Эта проблема диктует новый этап в истории искусства. В 1930-х годах руководство страны выбрало курс на «неоклассические» образцы как единственно верные и понятные советскому человеку [4, с.25]. Черты большого стиля стали частью городской среды не только крупных городов, но и провинциальных.

Конструктивизм, как архитектурное течение перестал соответствовать экономической и политической ситуации 1930-х годов, поскольку, транслировал идеи равенства и демократии. Необходим был курс на прославление сильной власти.

С момента создания «Союза архитекторов» сталинский ампир стал главным архитектурным стилем. Особая культурная миссия СССР заключалась в самопрезентации. Это выражалось в композиционных принципах неокласси-

цизма: иерархичности, монументальности, парадности, декоративности. На уровне деталей: ордерные системы, декор с военной и государственной символикой [2, с. 29].

С появлением узкоспециализированных журналов внимание общественности приковано к переменам в градостроительстве. С 1933 по 1992 год издается журнал «Архитектура СССР», где прославлялся существующий строй. Архитектура была призвана направлять строителей коммунизма к великим свершениям.

Городское пространство видоизменяется за счет глобальной перепланировки, расширение площадей, постройки зданий совершенно нового масштаба и типа. «Трудовой подъем масс и наличие бесплатной рабочей силы, как своих политических заключенных, так и немецких военнопленных стали важными факторами громадного промышленного строительства, развернувшегося по всей стране» [1, с. 440]. Ситуация в провинции – достаточно яркое отражение тенденций в сфере архитектуры, которые сложились в стране в целом.

Идейно-воспитательная работа среди различных категорий населения была так же реализована через посещение культурно-массовых, просветительных мероприятий. В качестве культурных доминант в городе выступили клубы, дворцы культуры, профсоюзы, кинотеатры. Необходимо отметить, что учреждения культуры транслировали морально-этические нормы, общественные правила. Были в своем роде регулятором развития общественно-культурной жизни. Кроме архитектурного облика, важно было донести идеи через своеобразные образы и ориентиры. Таковыми выступили названия культурных учреждений. Они доносят до нас представления о нормах и системе ценностей, они формируют представления об исторических событиях и людях, которые в них участвовали. Названия объектов имеют высокую степень воспроизводимости в культурном пространстве города и отражают, прежде всего, смену политической ориентации властей.

Названия кинотеатров, как и многих других городских объектов, соотносятся с культурной политикой государства – совокупностью принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры.

В названиях кинотеатров отражена, прежде всего, история страны. Они связаны с общественно-политическими событиями, традициями и культурой общества. Смена их наименований демонстрирует изменения политических и культурных приоритетов в стране.

Анализируя факторы, с которыми могут быть связаны названия кинотеатров, как части городских учреждений, можно дать следующую классификацию: 1. Природные и климатические особенности региона («Арктика»); 2. Названия населенных пунктов («Новороссийск»); 3. Периоды жизни человека («Юность», «Молодежный»); 4. Проявление национальной идентичности, любви к Родине («Россия», «Русь»); 5. Исторические события или связанные с ними аспекты («Октябрь», «Космос»); 6. Развлечение, досуг, проявление чувств и эмоций («Встреча», «Мечта»).

В советское время киноискусство становится орудием пропаганды новой идеологии. Кроме того, архитектурный облик и наименования кинотеатров в советский период были призваны увековечить важные исторические события из истории СССР и достижения советского народа. Так, в послевоенное десятилетия названия кинотеатров были связаны с победой в Великой Отечественной войне («Мир», «Победа», «Звезда»), а в 1960–1970 годах названия отсылали к покорению космоса. После полета Юрия Алексеевича Гагарина в стране повсеместно появились кинотеатры «Высота», «Полет», «Сатурн».

Также в названиях кинотеатров может присутствовать региональный компонент. Исследователи Т.В. Петрова и Н.А. Петрова объясняют наличие регионального компонента в урбанонимах «желанием обозначить принадлежность родному краю, связь с малой родиной» [3, с. 1222]. Можно привести следующие примеры регионального компонента в названиях кинотеатров нашей страны: «Север» (г. Архангельск), «Бородино» (г. Москва), «Северное сияние» (г. Мурманск), «Аврора» (г. Санкт-Петербург).

Таким образом, советская архитектура послевоенных десятилетий, как и другие виды искусства, отражают в своих образах советскую действительность.

Список литературы

1. *Зиновьева О.А.* Концепция рая в архитектуре сталинской Москвы: мечта или пропаганда // Сборник статей по искусствоведению, философии. Истории. МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет искусств. Изд-во Московского университета, 2012.

2. *Иовлева Е.В.* Композиционные особенности архитектуры советского неоклассицизма (на примере Свердловска) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. №1.

3. *Петрова Т.В., Петрова Н.А.* Функционирование региональных урбанонимов г. Архангельска // Развитие Северо – Арктического региона: проблемы и решения: материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2016.

4. *Петухов В.В., Грибова Т.Н.* «Сталинский ампир» в архитектурном облике города Находка // Территория новых возможностей. 2015. №3 (30).

**СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН БОГОЛЕПОВ – КОРРЕСПОНДЕНТ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация: статья рассказывает о жизни и деятельности священника Топецкого прихода Шенкурского уезда Архангельской губернии Константина Боголепова (1863 - 1896) и раскрывает тему его сотрудничества с Русским Географическим обществом.

Ключевые слова: священник, приход, обычай, поучение, обряд, пьянство, благословение, свадьба, законоучитель, клад.

Abstract: this article is about Constantine Bogolepov life and activity (1863–1896). He was a priest of the Topetzki parish of Shenkursk district in the Arkhangelsk province. The article tells about his cooperation with the Russian Geographical society.

Keywords: priest, parish, custom, sermon, ceremony, drunkenness, blessing, wedding, lawgiver, treasure.

О священнике Топецкого прихода Константине Боголепове мне впервые довелось узнать из «Архангельских епархиальных ведомостей» начала 90-х годов XIX века, в которых он неоднократно публиковался. А позднее там же я прочел проникновенный некролог по поводу его безвременной кончины. Меня заинтересовала судьба этого неординарного человека, ушедшего из жизни в неполные 33 года и оставившего след не только в памяти современников. К.И. Боголепов принадлежал к интеллигентской части православного духовенства, проявлял интерес к этнографии и собиранию северного фольклора, являлся корреспондентом Русского географического общества.

Согласно записи в метрической книге Райбальского прихода Константин Иванович Боголепов родился 15 сентября 1863 года. Его родителями были пономарь того же прихода Иван Поликарпович Боголепов и законная жена его Марфа Семеновна [6, л. 253 об.–254].

К сожалению, автором статьи о нашем герое в пятом томе Поморской энциклопедии допущена ошибка: годом его рождения указан 1857 год, а не **1863**, как должно быть. При этом ссылка на источник сделана правильно, но он невнимательно прочитан. Попутно замечу, что здесь же неверно указана дата выхода в свет сочинения К. Боголепова «Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления Архангельской губернии Шенкурского уезда» в журнале «Живая старина». Оно было опубликовано в 3 выпуске журнала за **1899** год, а не в 1903 году, как значится в тексте работы [3, с. 262].

В 1873–1879 годах Константин Боголепов обучался в Архангельском духовном училище. В свидетельстве о его окончании записано, что «препятствий к поступлению в сельские учителя не имеется». Очень хорошие оценки ученик Боголепов имел по объяснению богослужения с церковным уставом и церковному пению.

Далее он продолжил образование в Архангельской духовной семинарии, полный курс которой окончил в 1885 году. В октябре того же года был посвя-

щен в сан священника и определен в Кодемский приход Шахановской волости Шенкурского уезда. Приход был небольшой, отдаленный и считался одним из самых бедных в уезде. 6 октября 1886 года в нем была открыта церковно-приходская школа, законоучителем и учителем в которой безвозмездно стал служить священник Константин Боголепов [7, с. 169].

Общаясь с прихожанами, молодой священнослужитель начал интересоваться устным народным творчеством, записывать услышанные от местных крестьян сказки, загадки, свадебные и хороводные песни, заговоры, фиксировать наблюдения этнографического характера. Итогом этой работы стала рукопись «Разные сведения, заимствованные из местного быта жителей, населяющих Шахановскую волость Архангельской губернии в Шенкурском уезде» объемом 117 л. В 1887 году ее автор был отмечен серебряной медалью Русского географического общества. Н.Е. Ончуков в сборнике «Северные сказки» опубликовал 11 сказок, записанных священником К.И. Боголеповым. Среди них «Мужик и чорт», «Иван Запечин», «Соломенный купец», «Сестрица просела», «Рыбьи головы» и др. [9]. Последняя из названных сказок по-своему замечательна. В ней говорится о бедном мужике, который узнал о месте, где зарыт клад с золотом, но никак не мог до него докопаться. И вдруг некий голос сообщил ему, что он сможет получить желаемое, если отдаст голову, а чью— не уточнил. Надумав отдать голову сына, мужик рассказал все жене и попросил приготовить назавтра рыбник. Та испекла его из мелких рыб. Добравшись с сыном до места клада, мужик решил подкрепиться. Рыбьи головы из пирога он откидывал в сторону... пока не услышал: «Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой» [10, с. 263]. Мораль этой сказки можно истолковать по-разному. Вспоминается народная поговорка: голь на выдумки хитра.

В книге Н.Н. Виноградова «Заговоры, обереги, спасительные молитвы и прочее» помещены 8 заговоров из вышеупомянутого труда К.И. Боголепова. Они не новы: «Как унять кровь», «Отожогу», «Чтоб любили и уважали люди», «Присушивать, кто кого любит» и т.д. [4, с. 3-6].

С октября 1888 года местом службы К.И. Боголепова стал Топецкий приход того же уезда. В отличие от Кодемского, это был большой приход на правобережье Северной Двины. На его территории находились 24 деревни и проживали около 1,5 тыс. жителей. В 5 верстах от Топсы находилось волостное село Кургомень.

В январе 1890 года К.И. Боголепов закончил интересный этнографический материал. Его полное название «Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления Архангельской губернии Шенкурского уезда на границе с Вологодской губернией, что на Северной Двине». Эта работа интересна тем, что автор подробно прослеживает цепочку событий, предшествующих бракосочетанию молодых людей в данной местности. Отдельно останавливается он на описании одежды девушек, пришедших на девичник, и отмечает такую местную особенность: «На ногах [у девушек] сапоги, как у мужиков, с высокими каблуками, каковые сапоги называются бахилами (сапожек здесь не носят совсем)» [2, с. 386].

А далее автор описывает поведение невесты в ожидании жениха и то, как обычно бывает организован его приезд: «Жених приезжает к невесте со всеми ребятами своего околотка: чем больше их, тем лучше считается свадьба, причем ребята всегда приезжают к жениху первыми на верховых лошадях и прямо едут к нему на поветь, где их встречает жених. По приезду к жениху уже в телеге посаженного отца и читается благословение родителей жениха к начатию дела, что всегда сопровождается выпивкой. После сего едут гусем к невесте, причем жених с посаженным отцом едут всегда позади» [2, с. 386–387].

Примечательно, что К.И. Боголепов, не раз наблюдая всю церемонию свадебного обряда, сумел подробно записать содержание плачей с особенностями местного говора. Вот как начинается плач, адресованный родителям невесты с просьбой о благословении: «Схожее ты солнышко, да сударь солнышко батюшко, дай ты мне благословеньице идти на чужую сторону, и твое то благословеньице будет по воде правителем и по земле хранителем. Спасибо, родимый батюшко, да на великом благословеньице» [2, с. 388].

И еще два любопытных наблюдения. «После благословения родителей невесту ведут за стол к жениху, который берет ее за привязанный к ее руке платок и, обведши ее вокруг себя три раза, садит ее между сватьей и собой. Теперь подходит к столу мать невесты, неся братыню воды и поверх ее платок, который дарит жениху. Жених, взявши платок, сыплет в братыню деньги, после чего мать уходит с братыню в другую комнату, где выпивши воду из братыни, снова подходит к жениху и отдает деньги, говоря: «У нас непродажно». После этого выходят из-за стола и, помолившись Богу, отправляются для бракосочетания. После венца сватьи окручают невесту, то есть плетут ей две косы. При этом примечают, которая сватья раньше заплетёт косу – женихова или невестиная: если женихова – то молодой будет большаком над молодой, а если невестиная, то молодая будет управлять молодым» [2, с. 388].

Священник Константин Боголепов не был чужд и общественных проблем. Одним из человеческих пороков, требующих осуждения, он считал пьянство. Как известно, этот вопрос живо обсуждался в русской публицистике второй половины XIX века, и неудивительно, что представителям просвещённого духовенства была близка эта тема. В «Архангельских епархиальных ведомостях» К.И. Боголеповым было напечатано «Поучение о распространённости пьянства и пагубности его». В назидательной форме, на конкретных жизненных примерах автор показывает несовместимость пьянства с образом жизни истинно православного христианина. При этом он называет вещи своими именами и напрямую обращается к верующим в надежде, что будет услышан.

Поучение начинается так: «Кто ныне не пьет вина? Пьют мужчины, пьют женщины, пьют старики, пьют взрослые, пьют даже маленькие дети. Пьяниц стало столько, что не сочтешь. Многие приучились ныне пить вино везде и всегда. Где только и при каких случаях многие не напиваются ныне? Возьмем для примера обыденную жизнь и порядки. В последнее время завелось такое обыкновение, что ни в хозяйстве, ни в соседстве, ни в обществе почти никакое дело не обходится без вина. Вот купил один сосед у другого скотину, хозяйственную

вещь какую, или что другое; помолились Богу и сейчас же за вино! И что же? На водку израсходуют столько, что и сама купленная вещь иногда того не стоит! А для чего бы тут вино и пьянство? Нельзя, говорят, полагаются «литки». И пойдет на целые сутки пьянство и потеря времени...» [1, с. 646–647].

Может показаться, что автор намеренно обостряет проблему. Но, возможно, он уловил общественную тенденцию. В чем нельзя усомниться, так это в искренности пишущего. «Оглянитесь, православные, на себя и на всех, кто пьянствует! До добра пьянство никого не довело, до худа всех, а кого если еще не довело, наверное доведет. Сколько людей честных сделались плутами, обманщиками? Сколько людей стало уродами, калеками? Сколько пьяниц опилось, померзло? Сколько людей сидит в тюрьмах и работает в страшных каторжных работах? И все это из-за того, что стали пьяницами...».

Известно, что часть населения Топецкого прихода составляли старообрядцы. И священник Боголепов не преминул по долгу службы упрекнуть их в несоблюдении благочестия: «...Где ревнители старого благочестия – старове-ры? Они небось, в этих случаях первыми ползут к водке со своими глубокими чашками!..» Хотя известно, что семьи старообрядцев отличались строгостью нравов и именно из их среды, как свидетельствуют записи в метрических книгах конца XIX века, было больше всего долгожителей.

И далее автор продолжает: «Пьянство так расстраивает здоровье человека, что может даже считаться медленным самоубийством. Пьяница не только расстраивает свое здоровье, но и оказывает вредное влияние на здоровье своих детей, внуков и всего рода. Пьянство, как и многие другие болезни, иногда передается родителями детям. Таким образом, пристрастившиеся к водке не только губят себя, но и после себя оставляют детей, которым придется страдать от наследственной расположенности к пьянству» [1, с. 649-650].

Эти написанные 125 лет назад назидательные строки, увы, и в наше время не потеряли своей актуальности.

В июле 1896 года священник Топецкого прихода К.И. Боголепов получил указ о перемещении в Лисестровский приход Архангельского уезда, но уехать туда ему не довелось. 29 июля отец Константин в очередной раз стал отцом: жена родила ему двух дочерей. Роды, по всей видимости, прошли не вполне благополучно. А в начале августа пошатнулось здоровье главы семейства. С ним случился эпилептический припадок, который повторялся потом много раз. 17 августа К.И. Боголепов скончался и 19 августа был погребен «в церковной ограде прямо алтаря Николаевской церкви» [13, л. 144].

Но на этом трагедия семьи Боголеповых не заканчивается. На следующий день «от слабости» умирает дочь священника Раиса, трех недель от роду, а 23 августа та же участь постигла ее сестру-близнеца Серафиму. В довершение несчастий 15 сентября от родильной горячки умирает вдова священника Галина Яковлевна Боголепова, 29 лет. Сиротами остались пятеро детей, старшему из которых было 10 лет.

Без малого 8 лет священник К.И. Боголепов служил в Топецком приходе, являясь законоучителем Топецкого сельского училища и заведующим местной

школы грамоты. Он был членом благочиннического совета VШенкурского благочиния, трижды избирался на епархиальный съезд духовенства. За усердие по службе имел набедренник и скуфью. И особенно потрудился над украшением топецких храмов [14, с. 450–453].

Список источников и литературы

1. Архангельские епархиальные ведомости (АЕВ). 1894. № 22.
2. *Боголепов К.И.* Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления... // Живая старина. 1899. Вып. 3.
3. *Болгова О.Н.* Боголепов Константин Иванович // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. Города, районы, люди Архангельского Севера. Архангельск, 2016.
4. *Виноградов Н.Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 3. СПб., 1910.
5. Виноградовский районный исторический музей. КП. 642.
6. ГААО. Ф. 29. Оп. 42. Д. 412.
7. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015.
8. О[тец] Константин Боголепов [Некролог] // АЕВ. 1896. № 16.
9. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н.Е. Ончукова (Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии). Т. XXXIII. СПб, 1908. №№ 67–77. С. 177–198.
10. Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1998.

В.А. Сметанин

ПОЧЕТНЫЙ РАБОТНИК МОРСКОГО ФЛОТА К.М. БУРСИН-САТАНОВСКИЙ

Аннотация: В статье представлены основные периоды жизни заместителя начальника по учебной работе Архангельского мореходного училища К.М. Бурсина и показана его роль в деле реорганизации Архангельского морского техникума в мореходное училище.

Ключевые слова: народный учитель, офицер военного времени, врачебно-контрольная комиссия, инструктор по народному образованию, педагогический техникум, школа морского ученичества, морской техникум, исправительно-трудовой лагерь, мореходное училище.

Abstract: the article presents the main life periods of K. M. Bursin, the deputy chief for educational work of the Arkhangelsk Maritime college, and describes his role in the reorganization of the Arkhangelsk Maritime technical school in the Maritime college.

Keywords: people's teacher, military officer, medical control Commission, instructor in public education, pedagogical school, school of marine apprenticeship, Maritime technical school, correctional labor camp, Maritime college.

125 лет назад родился почетный работник морского флота Константин Михайлович Бурсин. Он был как современником Ксении Петровны Гемп, так и ее ровесником. К.М. Бурсин был среди первых советских исследователей истории северного мореплавания. Его очерк об истории мореходного образования «Мореплаватели Севера» был опубликован в девяти номерах газеты «Моряк Севера» за 1940 год. Его совместная с Г.П. Поповым книга «Старейшее мореходное. Краткий исторический очерк Архангельского мореходного училища» стала значительным вкладом в исследование истории северного мореплавания и новой страницей истории культуры на Севере.

Константин Михайлович более четверти века преподавал в Архангельском мореходном училище и, по воспоминаниям бывших курсантов, был педагогом от Бога. «Константин Михайлович Бурсин – настоящий рыцарь училища, человек в высшей степени достойный, справедливый, стойкий в утверждении добра», – так писал о нем выпускник училища, писатель Арсений Ларионов [2]. «Один из старейших преподавателей Архангельского мореходного училища Константин Михайлович снискал к себе любовь и уважение. Ведь все, кто на протяжении последних десятилетий окончил Архангельское мореходное училище, видели в своем преподавателе друга, советчика и старшего товарища», – отмечается в заметке газеты «Моряк Севера», посвященной золотой свадьбе супругов Бурсиных [1].

К.М. Бурсин родился 1 (13) июля 1894 года в деревне Вороновской Бережнодубровского прихода Шелтомской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии. Это на Онеге – ныне в Плесецком районе Архангельской области. Бережнодубровский погост стоял на красивом левом берегу реки Онеги в восьмидесяти верстах от ее истока из озера Лаче у Каргополя. Вороновская, или по-местному Дуброва, располагалась к северу от церкви по обе стороны Пудожского тракта. Сам погост известен уж только тем, что там до наших дней сохранилась чудо русского деревянного зодчества – 340-летняя девятиглавая церковь Рождества Богородицы, стоящая в строительных лесах ещё с советского времени.

Любо было смотреть на село Бережную Дуброву с возвышенного места: все деревни были как на ладони. Среди кучных строений рельефно выделялись грандиозными колоссами белые величественные церкви с серой колокольной и с сияющими крестами. Внизу широкой сверкающей при солнечном блеске лентой текла красавица Онега. Но главная красота местности – ручьи и ручейки с ключевыми источниками, встречающиеся здесь в большом изобилии. Своим журчаньем и плеском воды ручейки придают местности какой-то особенный, идиллический характер. На них с давних пор стояли десятки мукомольных мельниц, исполнявших своё назначение круглый год [2].

Родители К.М. Бурсина, еще подростками, в разное время побывали в Санкт-Петербурге, где родственник отца служил дворником, а тетка матери прислуживала «господам». Эти поездки в Питер наложили отпечаток на будущий быт в семье Бурсиных. Чистота, порядок, убранство избы, приготовление пищи в родительском доме носили элементы городской цивилизации.

В семье Бурсиных, кроме Кости, был старший брат Иван и младшие сестренки Анна и Мария. Воспитывали детей в патриархальном духе. Обязательным было посещение церкви и пение на клиросе. Долгими зимними вечерами отец читал домочадцам вслух приключенческие и исторические романы Фенимора Купера, Жюль Верна, Майн-Рида, Лажечникова, Загоскина и других. Книжки да сказки и рассказы бабушки о старине будили в детях воображение романтического характера и уносили их в мир фантазий. Запоминались и книжки лубочного характера: «Тайна Гарсона Кеба» или «Убийство в извозничьей карете», «Битва русских с кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего сына», «Как львица воспитывала царского сына» и так далее. Читались книжки и высокого порядка – «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского.

С малых лет Костя полюбил книжки. Способный мальчик был развит не по годам. Грамоте выучился в шесть лет, задолго до школы, наблюдая, как учился старший брат. Рано пристрастился к чтению. Книжки оказали огромное влияние на его умственное, нравственное и эстетическое развитие. Много произведений в стихах и прозе он знал наизусть, так как обладал хорошей памятью. В школу, однако, пошел девяти лет, потому что до этого некому было нянчить маленькую сестренку. Учился в земском училище легко, обращая на себя внимание своими способностями и завидным для деревенского подростка развитием. Он быстро перечитал все книжки в школьной библиотеке. Кроме того, в Бережной Дуброве была народная библиотека-читальня, открытая земством в 1895 году. В основу земской библиотеки легли книжки, пожертвованные Санкт-Петербургским комитетом грамотности, а помещение предоставил земский начальник. Учитель Кости был по совместительству библиотекарем. Он пригласил ученика в помощники. За работу в библиотеке мальчику платили три рубля в месяц. Библиотека состояла из нескольких тысяч томов и систематически пополнялась. Особенно богато для сельской библиотеки были представлены три отдела: беллетристика, география и естествознание. А это было для юного читателя уже системным чтением. Константином были прочитаны основные произведения русских и мировых классиков, а некоторые – по несколько раз. Для крестьянского паренка он был очень начитан и в своем развитии значительно опережал сверстников.

Отец Кости любил петь на клиросе и привлекал к церковному пению своих детей. Константина очаровывала мистериальность церковной службы. Он быстро выучил церковнославянский язык и свободно на нем читал. Это впоследствии помогало ему в преподавании русского языка. Атеистом он стал еще в юности, но тяготение к торжественности и красочности церковных служб осталась на всю жизнь.

Северная природа для пытливого деревенского мальчишки тоже была неисчерпаемым источником эстетического наслаждения. Произведения русских классиков, с которыми он познакомился очень рано, в частности – «Записки охотника» Тургенева, напоминали ему все, что он наблюдал в природе. Отец очень любил ловить рыбу и сына тоже увлек рыбалкой. Красота природы уми-

ротворяюще действовала на подростка, скрашивая убогий деревенский быт. Отец изрядно пил, а в пьяном виде был безобразен. Сын вынес из детства отвращение к алкоголю, не курил и не играл в азартные игры, чему также был подвержен отец.

Родители, особенно мать, стремились вывести сына «в люди». Еще учась в двухклассном училище, Костя уже занимался репетиторством и довольно успешно. Это занятие, а особенно пример своего учителя подвижника Феофана Даниловича Богданова, его советы и чтение литературы определили выбор именно учительской профессии. Он стал мечтать о звании народного учителя и готовиться к поступлению в специальное учебное заведение.

В 1910 году Константин успешно выдержал экзамен в Петрозаводскую учительскую семинарию, получил стипендию, благодаря чему и смог там учиться. В семинарии подтвердилась склонность его к педагогическому труду. Его уроки были образцовыми и ставились на семинарских конференциях в пример. Читал он по-прежнему много. Посещал спектакли приезжающих на гастроли театров. Впервые увидел настоящих артистов в Летнем саду Петрозаводска, где играла пьесу А.Н. Островского «Лес» труппа Петербургского Александринского театра.

После успешного окончания учебы в 1914 году Константин Бурсин начал преподавательскую деятельность в Красновском приходе, где было двухклассное образцовое училище. Первые шаги на учительской стезе были удачны, ребята его очень любили, и он был полон желания работать. Кроме того, он вёл культурно-просветительную работу, устраивая чтения и вечера для взрослого населения Красновского прихода.

Учительствовать ему довелось всего лишь год. 15 октября 1915 года К.М. Бурсина призвали на военную службу по мобилизации как ратника 2-го разряда. Сначала он служил в 179-м пехотном запасном батальоне, стоящем в известных Селищенских казармах Новгородской губернии. В конце января 1916 года был вызван в батальонную канцелярию вместе с имеющими образование товарищами, где им объявили, что они направляются в военное училище в Петрограде (ил. 1).

1 февраля 1916 года К.М. Бурсин приступил к занятиям во Владимирском военном училище. Несмотря на сильное сокращение программы, объем учебного материала в училище оставался огромным. Юнкерам приходилось заниматься по шестнадцать часов в сутки. На старшем курсе (вторая половина четырехмесячного цикла) им разрешалось для зубрежки вставать за один-два часа до общей побудки. Ускоренное изучение строевого и полевого устава, небольшая практика в обучении солдат запасных полков, короткие полевые занятия, волнения на экзаменах – и прапорщик пехоты готов. Доучиваться и совершенствоваться приходилось потом прямо на фронте. В училище юнкер Бурсин стал сначала младшим, а затем и старшим портупей-юнкером и, наконец, фельдфебелем (самый старший в роте) 7-й роты. С этим высшим званием после четырех месяцев муштровки, всякого рода подтягиваний и «цукания», разновидности дедовщины, он окончил училище и был выпущен офицером военного времени.

*Ил. 1. Стоит К.М. Бурсин в период учебы во Владимирском военном училище.
Петроград, 1916 г.*

Производство юнкеров в офицеры происходило волнующе. С утра всех юнкеров старшего курса, одетых во все офицерское, но еще с юнкерскими погонами, выстроили перед церковью. Начальник училища зачитал высочайшую телеграмму и поздравил с производством в прапорщики. Бодрое «ура» было ответом. Команда – и уже не строем, а обгоняя друг друга, новоиспеченные офицеры весело помчались в свои роты, чтобы как можно скорее надеть офицерские погоны и шашку. После завтрака и процедуры выдачи ротным командиром денег, предписания и послужного списка, простившись с курсовыми офицерами, прапорщик Бурсин покинул училище [3].

По собственному выбору, на который лучший курсант имел право по старшинству, Константин Бурсин поступил в 181-й запасной пехотный полк, стоящий в Петрограде на Выборгской стороне. Месяц был командиром взвода. Затем в штабе полка – офицером для поручений. Посылали его в Старый Петергоф по хозяйственным делам, где он наблюдал, как грузили в железнодорожные вагоны скот, приобретенный у крестьян. Неоднократно был по делам и в Главном штабе на Дворцовой площади. Много времени уделял обучению неграмотных солдат, читал им книги русских классиков.

В 1916 году политическая обстановка в Петрограде была сложной. За год в городе было зарегистрировано 352 стачки. Одна из таких забастовок произо-

шла 17 октября на чугунолитейном заводе «Новый Лесснер», который располагался недалеко от казарм 181-го запасного пехотного полка на Большом Сампсониевском проспекте. Во время этой забастовки произошло столкновение рабочих с полицией, за которым наблюдали солдаты, стоявшие вдоль забора, отделяющего расположение полка от улицы. Они криками приветствовали рабочих, которые в свою очередь приветствовали солдат. Когда наряд полиции стал отделять рабочих от солдат, солдаты выскочили из ворот, перелезли через забор, окружили полицию. Они приняли участие в уличных драках, опрокинули два вагона конки. Начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов был вынужден при разгрузке Петрограда отправить в первую очередь из столицы именно этот полк. Часть солдат полка отправили на фронт, а часть в штрафной батальон. Основной состав полка, около семи тысяч человек, был переведен в город Галич Костромской губернии.

В Галиче К.М. Бурсина произвели в подпоручики и назначили заведующим оружием полка. Там он и встретил Февральскую революцию. В июне 1917 года подпоручика Бурсина назначили командиром маршевой роты. Их полк пополнял 24-ю пехотную дивизию 1-го армейского корпуса. Наступление русских войск в июне-июле 1917 года, предпринятое Керенским в угоду союзникам, закончилось неудачей. Дивизия была разбита. Срочно потребовалось пополнение. В индивидуальном порядке потребовали 60 прапорщиков и восемь подпоручиков, из которых Бурсин был единственным. Передав роту другому офицеру, отправился на фронт.

В ходе Рижской наступательной операции, предпринятой немцами 19–26 августа 1917 года, в бою под Ригой в местечке Иоганисфельд близ Реденпойса 21 августа 1917 года он был контужен с переломом мышцелки правой ноги. Как пишет Александр Альбертович Бурсин, внук Константина Михайловича, в воспоминаниях о деде, 94-й Енисейский и 95-й Красноярский полки немцы с позиций выбили газовой атакой [3]. 93-й Иркутский полк, в котором служил подпоручик Бурсин, находился во втором эшелоне. Противник против него применил тяжелую артиллерию. Бурсин находился рядом с пулеметом. Немцы довольно быстро накрыли эту огневую точку. Когда он очнулся, то увидел вокруг убитых солдат. Стал отползать по ржаному полю, временами теряя сознание. Сзади шли немецкие солдаты, виднелись шишаки на их касках. Они добивали наших раненых штыками. Принимать смерть от штыка он не желал, достал наган и приготовился стреляться. Спасли кавалеристы. На опушке леса стояла наша морская артиллерийская часть. Конная разведка артиллеристов и подобрала его. Отправили в санитарный обоз, потом – санитарный поезд. Эвакуировали в Петроград. Поместили в 228-й госпиталь – бывшую французскую больницу на 15-й линии Васильевского острова, где он долго лечился. 25 октября, в день вооруженного восстания в Петрограде, на врачебной комиссии получил еще месяц на излечение и в тот же день отправился домой. Погрузили в летучку и повезли на вокзал. По пути машину останавливали несколько раз гражданские и военные с оружием и красными повязками [4]. По окончании срока излечения прибыл в Петроград, но снова получил месяц на долечивание – и снова оказался дома. А

в конце декабря получил извещение из Пудожского уездного военкомата о том, что «подпоручик 93-го пехотного Иркутского полка К.М. Бурсин демобилизуется»

В январе 1918 года демобилизованный учитель приступил к своей любимой педагогической работе в родном селе. Только теперь она стала содержательнее и богаче. Сразу принял деятельное участие в работе вновь избранного волостного Совета. Стал организатором и инициатором развертывания культурно-массовой работы в Бережной Дуброве. Он проводил в жизнь Декрет советского правительства об отделении церкви от школы. Наряду с учебными занятиями деятельно участвовал в общественной работе, являясь одним из организаторов культурно-просветительского кружка. Входил в состав образовавшегося волостного отдела народного образования, в работе которого принял самое деятельное участие. Впервые организовал в родном селе Народный дом, создал театральную группу. Одновременно был и военным руководителем Бережнодубровского волостного военного комиссариата, участвуя в работе по проведению мобилизации на фронт.

В июне 1919 года К.М. Бурсин, как бывший офицер, был мобилизован в ряды Красной Армии и назначен в 48-й стрелковый полк, находившийся тогда под Ямбургом, но по состоянию здоровья участия в боях не принимал: врачебная комиссия давала ему отсрочки по болезни. Тогда же он поступил в педагогический институт при Петроградском университете, но учился из-за болезни тоже недолго. После ряда врачебно-контрольных комиссий в феврале 1920 года его освободили от военной службы со снятием с учета.

По возвращении домой Константин Михайлович был выдвинут районной учительской конференцией на должность инструктора по народному образованию и заведующего внешкольным подотделом Пудожского уездного отдела народного образования. Им было создано в уезде 200 пунктов ликбеза; из них 108 самостоятельных и 92 при школах. На состоявшемся губернском совещании летом 1920 года в Петрозаводске под председательством заведующего отделом губкома по работе в деревне Я. К. Берзтыса была особо отмечена работа К.М. Бурсина по ликбезу. Тогда по деятельности ликбезов Пудожский уезд занял первое место среди уездов Олонецкой губернии. Осенью 1920 года К.М. Бурсину удалось открыть в Бережной Дуброве советскую школу 2-й ступени. Тогда же он и женился на дочери своего учителя – Евдокие Феофановне. Его тесть Феофан Данилович Богданов после почти полувековой непрерывной работы учителем в селе Бережная Дуброва умер в ноябре 1843 года.

С 1 сентября 1921 года К.М. Бурсин становится учителем русского языка и литературы Бережнодубровской школы 2-й ступени, где и работал до ее закрытия. С упразднением Олонецкой губернии осенью 1922 года из Пудожского в Каргопольский уезд были переданы шесть волостей, в том числе и Бережнодубровская. В связи с этим произошло сокращение сети школ, и с 1 ноября 1922 года К.М. Бурсин остался без работы. В течение последующих месяцев он занимался домашним хозяйством, а также продолжил лечение. Тогда, в первые послевоенные годы, он добавил к своей фамилии псевдоним Сатановский.

Осенью 1923 году школа в селе была вновь открыта в виде неполной средней, а К.М. Бурсин уже с прибавленным к фамилии псевдонимом Сатановский получил назначение в Каргопольский педагогический техникум. 26 октября 1923 года он был принят преподавателем русского языка и литературы, а также методики этих предметов. Необходимо отметить, что в годы его работы Каргопольский педтехникум переживал нелучшие времена. В 1923 году его покинули старые преподаватели. К декабрю 1926 года имелась в наличии только половина необходимого количества педагогов. Вновь прибывавшие педагоги задерживались здесь всего на год-два. В таких условиях К.М. Бурсин-Сатановский проработал пять лет. Работая в Каргополе до осени 1928 года, он временно исполнял должность заведующего техникумом, работал и в качестве заведующего учебной частью педтехникума, преподавателя педагогики и руководителя педагогической практикой студентов, одновременно ведя методическую работу в уездбюро. Произвел пять выпусков учителей, будучи секретарем и председателем квалификационной комиссии. Кроме того, был участником различных курсов и конференций. Так, в 1925 году выезжал на месячные курсы преподавателей педтехникумов в Вятский пединститут имени Ленина, в 1926 году он находился на трехмесячных курсах-конференции преподавателей педтехникумов в Ленинграде; в 1927 году – на губернской конференции работников педтехникумов в Вологде. Ежегодно летом принимал самое активное участие в проведении уездных курсов для учителей. Здесь же в Каргополе в 1926 году в семье Бурсиных родился старший сын Владислав.

Осенью 1928 года К.М. Бурсин-Сатановский переехал в Архангельск и поступил на водный транспорт. Он работал инспектором-методистом отдела просвещения Северного управления водных путей сообщения, заведующим группой подготовки кадров Северного речного пароходства. После ликвидации отделов просвещения и передачи сети учебных заведений, кроме профтехнических, в ведение Севкрайно постановлением коллегии Севкрайно был зачислен в штат его инспекторов. Однако работа в аппарате ОНО ему, педагогу по своим склонностям, не нравилась, а к тому же он уже свыкся с водным транспортом, то и попросился работать в школу морского ученичества, находившуюся до этого в ведении отдела просвещения. Здесь в должности помощника начальника школы по учебной части и преподавателя он проработал два года.

15 сентября 1932 года по причине намечавшейся реорганизации школ морского ученичества Константин Михайлович перешел на работу в Архангельский морской техникум на должность помощника директора по учебной части и преподавателя, с чем и была связана его последующая деятельность.

15 декабря 1937 года К.М. Бурсин-Сатановский был неожиданно арестован и обвинен в антисоветской деятельности без предъявления статьи обвинения. Тройкой УНКВД 2 января 1938 года за контрреволюционную агитацию был лишен свободы сроком на 10 лет. В Онежском исправительно-трудовом лагере НКВД он, однако, пробыл полтора года и был освобожден в связи с прекращением дела с выплатой зарплаты за два месяца. 8 июня 1939 года он был восстановлен на работе в техникуме в должности преподавателя литературы и

русского языка. Полностью реабилитирован был только через 50 лет 28 июля 1989 года прокуратурой Архангельской области.

В первый год Великой Отечественной войны часть руководящих работников техникума ушла в ряды Красной Армии. Константин Михайлович добровольно взялся помогать в этих трудных условиях администрации техникума. С 16 июля 1941 года он временно исполнял обязанности заведующего учебной частью. В декабре 1941 года его призвали по линии МПВО в качестве рядового бойца дегазационной команды. Несмотря на слабое здоровье, он досрочно овладел программой и стал отличником.

В ходе Великой Отечественной войны вскрылись недочеты в подготовке кадров в системе морских техникумов. В апреле-мае 1944 года при ГУУЗе Министерства морского флота состоялась первая Всесоюзная конференция, на которую съехались представители всех морских техникумов страны. Архангельский техникум был представлен его директором В. А. Шиловым, заместителем директора К.М. Бурсиным-Сатановским и бухгалтером В.А. Исадским. Около месяца шла работа конференции. Константин Михайлович работал в секции по выработке Положения о мореходных училищах, на основании которого 1 июля 1944 года Архангельский морской техникум был реорганизован в мореходное училище. Коренным образом изменилась система обучения и воспитания кадров морского флота. Помимо судоводительской и судомеханической, в Архангельском мореходном училище были введены судоремонтная и судостроительная специальности. И 1946 год явился годом первого выпуска мореходного училища.

За проявленную инициативу и энергию по выполнению постановлений Государственного Комитета Обороны в деле организации высших мореходных и мореходных училищ приказом от 2 марта 1946 года заместитель начальника по учебной части Архангельского мореходного училища К.М. Бурсин-Сатановский был награжден значком «Почетному работнику морского флота». В том же году ему вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Он неоднократно награждался министерскими похвальными грамотам и премиями. Приказом министра морского флота от 2 января 1950 года Константину Михайловичу Бурсину-Сатановскому – заместителю начальника по учебной части Архангельского морского училища – было присвоено персональное звание подполковника-директора административной службы морского флота.

Коллеги К.М. Бурсина называли его беспартийным большевиком. В августе 1944 года, в возрасте 50 лет, он стал кандидатом ВКП(б), а в декабре 1945 года – членом партии. Работая в должности заместителя начальника училища по учебной части, окончил вечерний Университет марксизма-ленинизма. Учился на заочном отделении Архангельского педагогического института и закончил его с отличными отметками (ил. 2).

Ил. 2. К.М. Бурсин (справа) с семьей. 1950 г.

В 1955 году с увеличением контингента заочников консультационный пункт в Архангельском мореходном училище был преобразован в заочное отделение. К.М. Бурсин, будучи уже в пенсионном возрасте, был назначен на должность начальника заочного отделения.

Выйдя на пенсию в 1959 году, Константин Михайлович еще долго принимал активное участие в общественной жизни училища. Оба его сына тоже выбрали морскую стезю. 29 июля 1976 года после тяжелой и продолжительной болезни Константина Михайловича не стало, похоронен он на Кузнечевском кладбище. Старейший друг с довоенных лет, доцент кафедры истории государственного педагогического института Коми В.Г. Зыкин называл его человеком из будущего коммунистического общества, образцом благородства. Именно благородство, обязывая к порядочности и высоте помыслов, делает молодых россиян верными гражданами своего Отечества.

Список литературы

1. Кузьмин А. Золотая пора // Моряк Севера. 1970. 23 окт.
2. Ларионов А. Признание в любви // Неделя. 1984. №.27. С. 12-13;
3. Воспоминания о деде. Письмо Александра Альбертовича Бурсина, внука К.М. Бурсина-Сатановского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВК – Архангельский водорослевый комбинат
АОВК – Архангельский опытный водорослевый комбинат
АВНИИ – Архангельский водорослевый научно-исследовательский институт
АГМИ – Архангельский государственный медицинский институт
АГМА – Архангельская государственная медицинская академия
АЕВ – Архангельские епархиальные ведомости
АЛТИ – Архангельский лесотехнический институт
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ИПИ – Институт промышленных изысканий
САФУ – Северный (Арктический) федеральный университет
СГМУ – Северный государственный медицинский университет
СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения
СНК – Совет народный комиссаров

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Андреева Анна Владимировна – директор музейного комплекса ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет», *Самбуров Глеб Олегович* – специалист музейного комплекса ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» (г. Архангельск).

Багирова Алена Руслановна – магистрант 2-го года обучения направления «Исторического регионоведения и музееведения» САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Базаркина Валентина Павловна – главный редактор редакции Поморской энциклопедии САФУ, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Архангельск).

Бедина Наталья Николаевна – доцент кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, доцент (г. Архангельск).

Давыдова Алена Владимировна – доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук (г. Архангельск).

Захаров Владислав Геннадьевич – радиожурналист (радио «Поморье»), краевед, действительный член Северного ИРО (пос. Березник Виноградовского района Архангельской области).

Ключев Сергей Юлиевич – главный редактор журнала «Известия Русского Севера» (г. Архангельск).

Корницкая Елена Николаевна – пенсионер, автор книги «Сказы о недосказанне», посвященной Ксении Гемп (г. Архангельск).

Лихачева Наталья Петровна – заведующий сектором «Региональный центр консервации документов и сохранения книжных памятников» государственного бюджетного учреждения культуры Архангельской области «Архангельская областная научная ордена «Знак Почета» библиотека имени Н.А. Добролюбова» (г. Архангельск).

Мамонтова Элла Петровна – лаборант-исследователь научно-исследовательского Арктического центра, магистрант 2 курса направления подготовки «Государственное и муниципальное управление» САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Северодвинск Архангельской области).

Матонин Василий Николаевич – доцент кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, доктор культурологии, доцент (г. Архангельск).

Набоков Алексей Алексеевич – магистрант 4-го года обучения Педагогического образования, профиль «История» САФУ им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск).

Петров Андрей Васильевич – доцент кафедры русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, доцент (г. Архангельск).

Полуэктова Елена Геровна – научный сотрудник научно-исследовательского Арктического центра (г. Северодвинск Архангельской области).

Попова Людмила Дмитриевна – профессор кафедры культурологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова, доктор культурологии, доцент, президент Северного историко-родословного общества, председатель Поморского отделения Архангельского центра РГО (г. Архангельск).

Самбуров Глеб Олегович – специалист музейного комплекса ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» (г. Архангельск).

Сметанин Владислав Александрович – краевед, ветеран труда, действительный член РГО (г. Архангельск).

Третьякова Светлана Николаевна – старший научный сотрудник научно-исследовательского Арктического научного центра, кандидат исторических наук, доцент (г. Северодвинск Архангельской области).

Трофименко Василий Георгиевич – заместитель директора государственного бюджетного учреждения Архангельской области «Государственный архив Архангельской области», кандидат исторических наук, ответственный секретарь Северного ИРО (г. Архангельск).

Фефилов Павел Лукич – краевед, член союза художников России (г. Комсомольск-на-Амуре).

Черкасова Марина Сергеевна – профессор кафедры культурологии Вологодского государственного университета, доктор исторических наук (г. Вологда).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Андреева А.В., Самбуров Г.О.</i> Сотрудничество Ксении Петровны Гемп с учеными Архангельского государственного медицинского института	3
<i>Базаркина В.П.</i> Энциклопедия народной культуры Беломорья	17
<i>Попова Л.Д.</i> Ксения Петровна Гемп как хранитель редкого знания	27
<i>Клочев С.Ю.</i> Ксения Петровна Гемп – первый почетный член общества «НОРД»	35

ВОСПОМИНАНИЯ О К.П. ГЕМП

<i>Корницкая Е.Н.</i> Воспоминания Н.Г. Блохина о встречах с Ксенией Петровной Гемп	39
<i>Фефилов П.Л.</i> Автографы и письма Ксении Гемп	45

СЛОВО ПОМОРСКОЕ: ЯЗЫКОВАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

<i>Третьякова С.Н.</i> Эволюция образа Русского Севера в сочинениях европейских путешественников XVI – начала XX в.	56
<i>Полуэктова Е.Г.</i> Руссенорск как основа культурного взаимодействия на Русском Севере	65
<i>Лихачева Н.П.</i> Редкие издания из личной библиотеки Ф.А. Абрамова	70
<i>Давыдова А.В.</i> Островной локус в повести С.Б. Радзиевской «Остров мужества»	76
<i>Петров А.В.</i> «Возжечь человеческое...»: Ксения Гемп и Федор Абрамов	84

<i>Матонин В.Н., Бедина Н.Н.</i> Языковые механизмы формирования локального социокультурного пространства на примере поселений Летнего и Терского берегов Белого моря	96
--	----

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

<i>Черкасова М.С.</i> Записные венечные книги Устюжской епархии 1726 г. как источник по исторической демографии	106
<i>Трофименко В.Г.</i> Спецпоселенцы в лесной отрасли Архангельского Севера в 1930–1940-е гг.: по документам государственного лесозаготовительного треста «Двинолес»	113
<i>Мамонтова Э.П.</i> Демографическая ситуация в муниципальном образовании «Северодвинск»: анализ и прогноз развития	120
<i>Багирова А.Р., Набоков А.А.</i> Архитектура сталинского ампира в культурном ландшафте северных городов	130
<i>Захаров В.Г.</i> Священник Константин Боголепов – корреспондент Русского географического общества	133
<i>Сметанин В.А.</i> Почетный работник морского флота К.М. Бурсин-Сатановский	137
Список сокращений	147
Авторский коллектив	148

На первой странице обложки: К.П. Гемп в день 100-летия со дня рождения, в мантии почётного доктора наук Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 18.12.1994 г. Фото В. Бербенца.

На четвертой странице обложки: В очередной водорослевой экспедиции. Аквалангист показывает К.П. Гемп свою «добычу». Архив К.П. Гемп.

Научное издание

**ПОСТИЖЕНИЕ СЕВЕРА:
К 125-ЛЕТИЮ КСЕНИИ ПЕТРОВНЫ ГЕМИ**

Сборник статей

Ответственный за выпуск
В.А. Любимов

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
с готового оригинала-макета

Подписано в печать 13.11.2019.
Формат 60x84/16. Усл. Печ. л. 8,83. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Заказ № 2370. Тираж 80 экз.

АО «Соломбальская типография»
163012, г. Архангельск, ул. Добролюбова, 1.

**ПОСТИЖЕНИЕ СЕВЕРА:
К 125-ЛЕТИЮ
КСЕНИИ ПЕТРОВНЫ ГЕМП**

